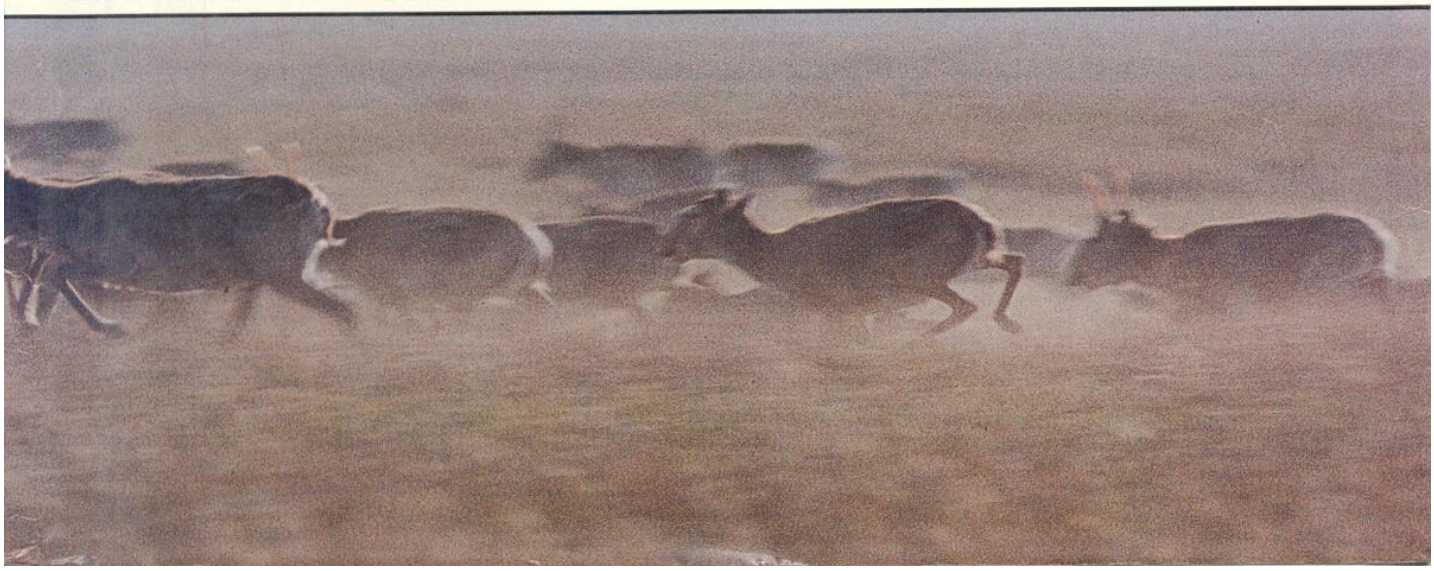
DURRELL IN RUSSIA

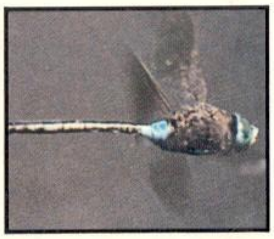
Gerald and Lee Durrell

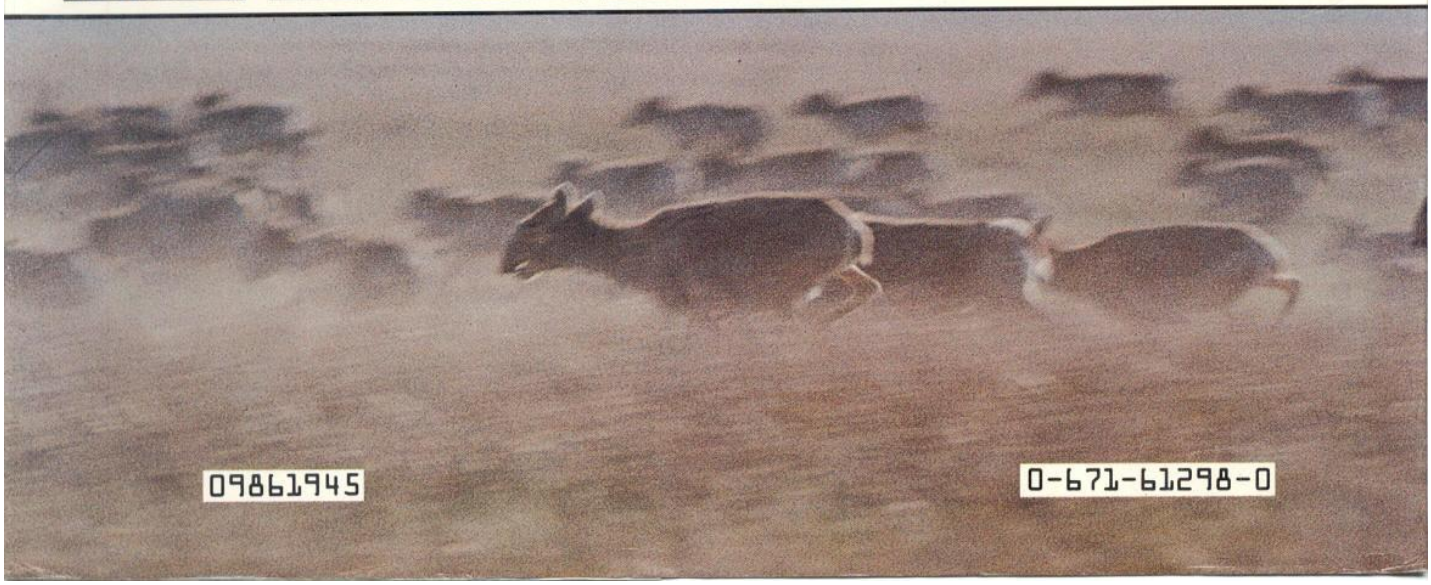
Famed naturalists Gerald and Lee Durrell explore the magnificent wildlife of the vast Russian nature reserves—from Arctic North to desert South, European West to Oriental East



Знаменитые натуралисты Джеральд и Ли Даррелл изучают изумительную живую природу бескрайних русских заповедников – от арктического севера до пустынного юга, европейского запада до азиатского востока.

"We in the West know very little of life inside Russia. All we ever seem to see on our television screens is Red Square full of tanks and rows of grey-faced politicians who look as though *nyet* is their favorite word. Surely, I thought, there must be other Soviet citizens apart from these politicians—citizens who laughed and loved and worked in that enormous country. So, as well as the fascinating flora and fauna, as well as the almost overwhelming variety of countryside, we wanted to try to show these people, these other Russians, and what they were like. Given the magnitude of the task, I think we succeeded."

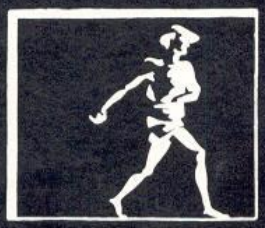




«Мы, на Западе, очень мало знаем о жизни в России. Похоже, всё, что мы видели на экранах наших телевизоров, – это Красная площадь, переполненная танками и рядами политиков с серыми лицами, которые выглядят так, словно «нет» – их любимое слово. Конечно, я был уверен, что есть и другие советские люди, кроме этих политиков, люди, которые смеялись, любили и работали в этой огромной стране. Поэтому не меньше, чем восхитительную флору и фауну, не меньше, чем несметное количество разнообразных пейзажей, мы хотели бы попытаться показать этих людей, этих «других русских» такими, какими они были на самом деле. Учитывая грандиозность задачи, я думаю, мы преуспели.».

GERALD & LEE DURRELL

IN RUSSIA



GERALD & LEE DURRELL
IN RUSSIA

ДЖЕРАЛЬД И ЛИ ДАРРЕЛЛ
В РОССИИ

SIMON AND SCHUSTER NEW YORK

СОДЕРЖАНИЕ

Как всё начиналось: – 8

Дарвинский заповедник: Глухариная песня – 14

Ока: Спасение в половодье - 23.

Березина: Дети и природа – 35.

Аскания-Нова: Последний уголок нетронутой степи -45.

Кавказ: Возвращение зубра - 63.

Астрахань и Калмыкия: Большие бакланы, вороны и сомы - 79.

Бухара: Спасение сайгаков - 95.

Чаткал: От Тянь-Шаня до Самарканда - 111.

Репетек: Красная пустыня - 127.

Байкал: Нерпы и соболи - 145.

Таймыр: Бесконечный день - 163.

Москва: Другие русские - 183.

Эта книга с большой любовью посвящается Джону Хартли, нашему другу и многострадальному личному помощнику, без тяжкого труда, такта и общительности которого мы бы не добились всего того, чего добились во время наших чудесных путешествий.

Как всё начиналось

Год назад, в десять часов утра, я сидел в номере одной московской гостиницы и давал интервью корреспонденту «Правды» – самой знаменитой советской газеты. Попутно мы распили бутылку водки, которую он столь предусмотрительно захватил с собой. Температура снаружи была как следует ниже нуля, и было явно не то время года, которое среднестатистический турист выбрал бы для увеселительной прогулки в Советский Союз. Поэтому я прилагал все усилия, чтобы объяснить корреспонденту наше присутствие здесь в такое неудачное время – ведь он явно решил, что мы все ненормальные.

Три года мы вели переговоры с «Гостелерадио» (российский эквивалент Би-би-си) и различными министерствами, чтобы получить разрешение посетить Советский Союз и сделать сериал из тринадцати получасовых программ о животном мире этой огромной страны и его охране. Но у нас был ещё и тайный план. Мы, на Западе, очень мало знаем о жизни в России. Похоже, всё, что мы видели на экранах наших телевизоров, – это Красная площадь, переполненная танками и рядами политиков с серыми лицами, которые выглядят так, словно «нет» – их любимое слово. Конечно, я был уверен, что есть и другие советские люди, кроме этих политиков, люди, которые смеялись, любили и работали в этой огромной стране. Поэтому не меньше, чем восхитительную флору и фауну, не меньше, чем несметное количество разнообразных пейзажей, мы хотели бы попытаться показать этих людей, этих «других русских» такими, какими они были на самом деле. Учитывая грандиозность задачи, я думаю, мы преуспели.

Возможно, читателю покажется несколько странным расположение глав в этой книге. Причиной тому послужило то, что наша съёмочная группа, в которую входил и профессиональный оператор, в общей сложности провела в Советском Союзе десять месяцев, но в разные периоды, поскольку нам хотелось показать смену времён года. Мы проехали больше 150000 миль [1] и делали натурные съёмки в девятнадцати разных регионах, некоторые из которых жители Запада ещё никогда не посещали. Для тех, кто любит цифры, могу также добавить, что нас было восемь человек и на всех мы везли девяносто пять единиц багажа, который состоял не только из плёнки, камер, звукозаписывающей аппаратуры и тому подобного, но и из разнообразной одежды – от пуховых парок для тех мест, где температура опускается намного ниже нуля, до шортов, чтобы работать в пустыне. Конечно, когда ты берёшься описывать столь непростое путешествие, очень трудно избегать необходимости останавливаться и объяснять своему читателю, почему в одной главе ты ведёшь речь о морозе, а в следующей – жалуешься на невыносимую жару.

И Ли, и я должны были вести подробные дневники наших путешествий. В дневнике Ли должен был описываться весь этот наводящий тоску научный вздор, а я собирался делать записи о ландшафтах, звуках, цветах и запахах. При написании этой книги я, конечно, беззастенчиво заимствовал очень многое из дневника Ли, поэтому я хотел, чтобы её указали в качестве моего соавтора, хотя книга написана преимущественно с моей точки зрения.

Наша команда включала Ли и меня самого; Джона Хартли – моего личного помощника; Пола – нашего режиссёра; Родни, нашего оператора, и Байрона, его помощника; Донны, которая была нашим продюсером; Алекса – помощника продюсера и переводчика; Ингрид, которая в течение некоторого времени занималась в нашей поездке звукозаписью; и Ао, который сменил Ингрид во второй половине путешествия. Фактически, мы представляли собой путешествующую Организацию Объединённых Наций, потому что Донна и Алекс были наполовину русскими, а Ао был латышом (хотя все трое были родом из Канады), Родни был из Новой Зеландии, Байрон, так же как и Пол, родился и вырос в Канаде, Джон и я были англичанами, а Ли – американка, тогда как Ингрид приехала из Голландии.

Когда я объяснил всё это корреспонденту «Правды», он выглядел весьма сбитым с толку, и я поинтересовался, что за материал он собирается написать. Возможно, вы начали чувствовать себя в таком же замешательстве, как и он, но я прошу вас продолжать чтение, потому что дальше наша история станет менее сложной.

Москва в тот момент, когда ледяные лапы зимы начинали обнимать её, была не самым лучшим местом пребывания. Эти созданные людьми термитники в любой точке мира, которые называются столицами, толкотня и сутолока тысяч человеческих существ, никогда меня особо не привлекали. Поэтому было не удивительно, что мои первые впечатления от Москвы в начале зимы не были такими уж восторженными. Улицы и тротуары были завалены огромными горами грязного серого и чёрного снега, все люди выглядели измученными и тусклыми, когда они спешили, изогнувшись, словно серпы, против пронизывающего ветра, который выл между массивными, мрачными, выкрашенными в серо-коричневый цвет многоэтажками.

Москва – город серых ворон, красивых птиц в иссиня-чёрных и серебристых с розовым отливом ливреях. Они – везде, сотнями бредущие сквозь снежные заносы в поисках Бог знает каких деликатесов, группами сидящие на голых деревьях, сплетничающие своими резкими голосами или разлетающиеся по ветру, словно хлопья древесного пепла, между зданиями. Как они умудряются находить достаточно пищи, чтобы прокормить свои легионы в придавленном снегом городе, остаётся загадкой.

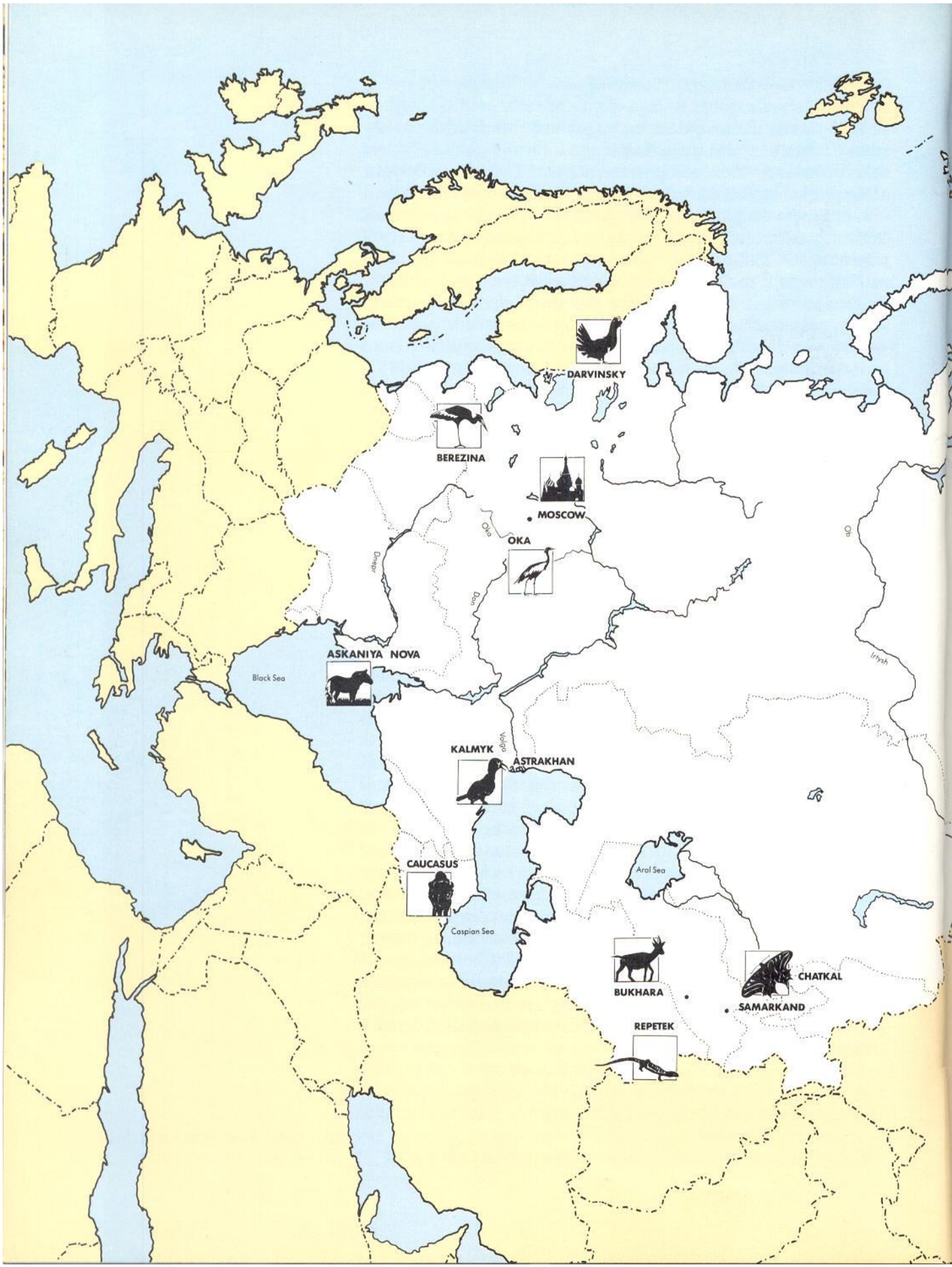
Конечно, доставить нас и наш необычный багаж в Москву уже само по себе было задачей непомерной сложности, но теперь мы были вынуждены провести здесь ещё несколько дней, чтобы уделить должное внимание всем головоломным бюрократическим препятствиям, неизбежным в поездке такого рода и значимости, прежде чем смогли убедиться, что всё готово для наших первых вылазок за пределы города.

Между пробежками от конторы к конторе и от посольства к посольству мы нашли немного времени, чтобы попытаться поснимать в Кремле. Когда наша команда добралась до входа, с ног до головы увешанная камерами, треногами и звукозаписывающей аппаратурой, было совсем неудивительно, что нами заинтересовалась милиция. К нам приблизился вежливый молодой человек, одетый в изящную серую форму. На голове у него находилось то, что вначале показалось мне большой персидской кошкой, задремавшей там с безразличным видом. При ближайшем рассмотрении это оказалась его элегантная меховая шапка. Когда он понял, кто мы такие и чем занимаемся, он очень заволновался и поклялся, что из всех моих поклонников в Советском Союзе он – самый преданный, настоял на том, чтобы пожать мне руку и похлопать меня по спине. Мне показалось, что в такой стране, как Россия, где каждый иностранец воспринимается с подозрением, было прекрасным началом привлечь на свою сторону хотя бы одного милиционера.

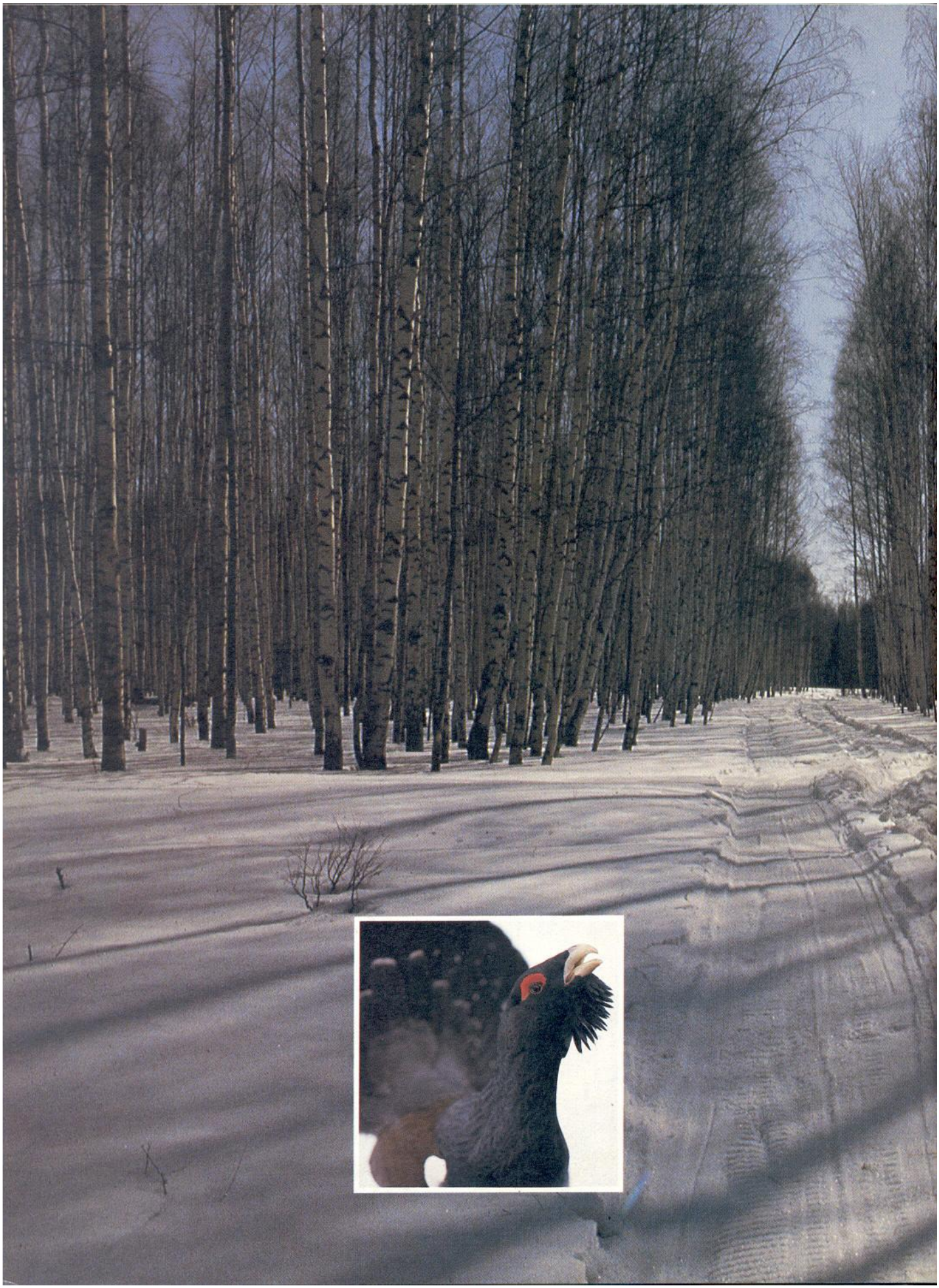
Здесь, в Кремле, за древними бастионами из красного кирпича находятся знаменитые соборы и церкви, многие – с золотыми куполами разных размеров, похожими на какие-то странные гигантские рождественские украшения, установленные сверху. Даже под свинцовым небом и в суете падающего снега они излучали невероятное древнее сияние. За красными стенами, в дальней части Красной площади, припал к земле собор Василия Блаженного – несомненно, одно из самых очаровательных и необычных произведений архитектурно-кондитерского искусства, с его пятью массивными куполами, каждый – словно леденец, расписанный яркими цветными полосками. Поскольку купола – разного размера, собор производит впечатление группы красочных грибов-дождевиков на разных стадиях развития. Погуляв вокруг него в молчаливом ошеломлении в течение получаса, я пришёл к выводу, что, если бы Уолт Дисней сказал калифорнийскому архитектору: «Построй мне настоящий русский собор для Диснейленда», - именно это он бы и получил. По сравнению с высокими, элегантными, сдержанно украшенными и красиво причёсанными золотом внутренними кремлёвскими церквями, собор Василия Блаженного кричаще ярок, почти вульгарен, но зато обладает ярко выраженной индивидуальностью. Это похоже на то, как если бы внутри кремлёвской стены на благовоспитанной вечеринке с коктейлем находилась группа элегантных моделей в нарядах от Диора, в то время как он, изгнанный в самый дальний конец Красной площади, был бы коренастым, общительным «перламутровым королём» кокни [2].

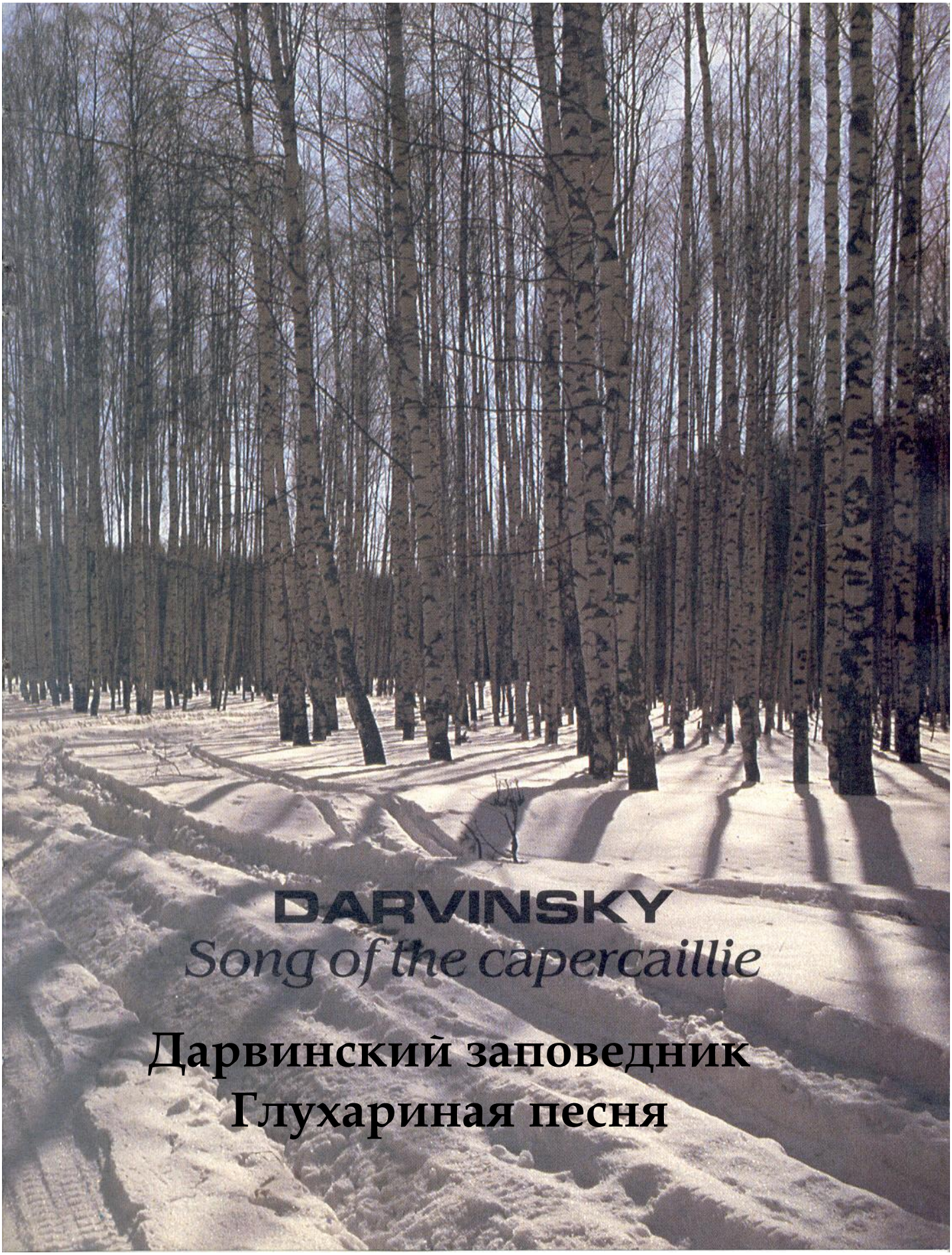
Среди всей этой скучной рутины, которой нам приходилось заниматься в Москве, прежде чем мы могли начать наше путешествие по Советскому Союзу, произошло одно знакомство, которое мне запомнилось надолго. Это была встреча с Николаем Дроздовым, высоким, элегантным и самым обаятельным человеком, которого можно назвать ответом России Дэвиду Аттенборо [3], потому что он вёл самую популярную ежемесячную передачу о природе. Благодаря его огромному интересу и любви к природе, а также его очаровательному, немного сардоническому чувству юмора, было приятно познакомиться и работать с ним, и мы с большим удовольствием приняли участие в его шоу. Поэтому, когда мы, наконец, покончили со сборами и готовились к первому этапу нашего грандиозного путешествия, мы были очень рады, что Николай приехал на вокзал проводить нас. Именно тогда мы и обнаружили у него подкупающую привычку носить с собой неглубокий кожаный саквояж, который иногда давал приют его любимице-змее, но чаще всего содержал партию подарков. Они выдавались тебе не сразу, а порциями, через некоторые промежутки времени, так что ты ждал, очарованный и затаивший дыхание, как дети при встрече с фокусником. В данном случае он начал с того, что достал коробку с шоколадными конфетами для Ли. Последовал обмен страстными поцелуями, мы некоторое время поболтали о том и о сём, а затем Николай снова нырнул в свой саквояж и достал коробочку, в которой было шесть маленьких зелёных стаканчиков в изящных филигранных подстаканниках, украшенных различными изображениями животных. После того как мы распаковали их и выразили своё восхищение столь чудесным подарком, мы опять поговорили минут пять или около того, пока Николай опять не нырнул в свою сокровищницу и торжественно не выудил оттуда бутылку бренди, чтобы было чем наполнить бокалы. К своему сожалению, должен признаться, что мы употребили его так много, что Николай чуть не пропустил момент, когда поезд тронулся, и мы едва успели высадить его на платформу вовремя. Вот так благополучно и началось наше путешествие.

На обороте: *Карта Советского Союза, на ней показаны регионы, в которых мы побывали.*


DARVINSKY
BEREZINA
MOSCOW
OKA
Oka
Dnepr
Don
Ob
Irtysh
ASKANIYA NOVA
Black Sea
KALMYK
Volga
ASTRAKHAN
CAUCASUS
Caspian Sea
Aral Sea
BUKHARA
CHATKAL
SAMARKAND
REPETEK

TAYMYR
Lena
Yenisey
Lake Baikal
BAIKAL





Дарвинский заповедник
Глухариная песня

ДАРВИНСКИЙ ЗАПОВЕДНИК

Это всё, что мы смогли увидеть от неуловимого русского медведя. Хотя наш замечательный оператор всё-таки нашёл и снял одного из них, мы вынуждены сообщить, что единственным медведем, которого мы видели в России, был ручной медведь, танцевавший на рынке.

На предыдущей странице: *Место кормёжки глухарей. Программа репродукции глухарей* (на вкладке) *в Дарвинском заповеднике оказалась столь успешной, что огромное количество птиц уже было выпущено обратно в дикую природу.*

Для поездки в Дарвинский заповедник у нас было две причины. Во-первых, заповедник был создан для изучения и контроля за воздействием одного из самых больших в мире искусственных озёр – Рыбинского водохранилища - на окружающую среду. Второй, немного более интригующей причиной было то, что сотрудники заповедника заметили место зимней спячки медведя и уверяли нас, что мы сможем снять его. Однако как раз перед самым отъездом, когда уже поздно было менять все наши планы, мы получили унылую телеграмму, информирующую о том, что, полностью презрев наши желания, медведь проснулся и отправился прогуляться. Поскольку мы знали, что персонал заповедника (чьё самолюбие было глубоко уязвлено этим несознательным символом России-матушки) будет искать шатуна со всем неистовством, мы всё же решили поехать.

Мы сели на поезд, который выходил из Москвы ночью, и на следующее утро прибыли в город Череповец, старинные привокзальные постройки которого были явно выдержаны в стиле эпохи Регентства и вполне могли быть построены Джоном Нэшем [4]. Они были выкрашены в бледный серовато-зелёный цвет с кремовой окантовкой и выглядели одновременно элегантными и неуместными. За ними возвышался сам город – ряд огромных, серых монолитных многоквартирных домов, большинство которых выглядели недостроенными. На заснеженной платформе нас встретил Василий Нестеренко, директор заповедника, который, с его скуластым монгольским лицом и в меховой шапке, выглядел так, словно приехал прямо с Тибета. За пределами вокзала нас ожидал грузовик, восемь внедорожников и милицейская машина. Нас вместе с багажом погрузили в эти автомобили, и наш кортеж отправился в путь, возглавляемый милицейской машиной, которая, мигая синим светом и завывая сиреной, вынуждала весь остальной транспорт прижиматься к обочинам и с весёлой развязностью прокладывала нам путь среди красных габаритных огней. Наш милицейский эскорт сопровождал нас через весь город и ещё несколько миль за городом. Затем, когда нам пришлось свернуть на грязную просёлочную дорогу, покрытую глиной, как перекопанное поле, и инкрустированную льдом, они, видимо, испугались и покинули нас. Дорога очень быстро превратилась в кошмар. Работали снегоуборочные машины, нагромождая пласты снега в огромные кучи по обе стороны дороги, где они напоминали развалины колонн какого-нибудь древнегреческого города. Они и те слои снега, что остались под ними, совершенно заледенели. Поэтому свежий снег и дождь заполнили дорогу, которая в результате выглядела наподобие замёрзшего речного русла, из которого воде некуда было вытекать, поэтому мы то ехали, по самый бампер углубившись в кофейного цвета воду, то, спустя минуту, буксовали в чём-то напоминавшем плохо приготовленный шоколадный мусс. В конце концов мы съехали с этого пенистого хайвэя на маленькую, более твёрдую дорогу, которая привела нас в крохотную деревушку, состоявшую из нескольких деревянных домов. Все дома были одноэтажные, с великолепными ставнями и наличниками, покрытыми резьбой и выкрашенными в весёлые цвета – голубой, белый, розовый и зелёный. Ставни выглядели яркими и свежими, словно ювелирные украшения, на фоне тёмного дерева стен и оживляли унылый, грязный и покрытый снегом ландшафт. В одном из этих домов нас приветствовала очаровательная пожилая пара, обоим уже далеко за семьдесят, которая приготовила для нас завтрак. У него было лицо, похожее на грецкий орех, а у неё были голубые, как яйца лесной завирушки, глаза на лице, словно сделанном из коричневого пергамента.

Несмотря на работу неутомимых снегоочистителей, дорога в Дарвинский заповедник была каким-то кошмаром.

Нас препроводили в их очаровательный маленький домик, очень жаркий, поскольку все большие русские печи, встроенные в стены, топились в полную силу. На длинном столе в главной комнате было собрано столько еды, что можно было бы прокормить Красную Армию. Ватрушка, булочки и черничный пирог, картошка, мясные тефтели, море солений, гренки с яйцом, пироги с рисом и яйцами, а для утоления жажды – огромный самовар с чаем, клюквенный морс и неизменная водка, без которой в Советском Союзе ни один приём пищи (включая и завтрак) не считается завершённым. После этой восхитительной трапезы мы снова отправились по всё сильнее ухудшающимся дорогам через ельник, настолько густой, что он казался почти сплошной массой плотно прижатых друг к другу шеренг деревьев, прямых, словно ракеты на старте, и создавал мрачный ландшафт, испещрённый глубокими тенями. Но там, где лес граничил с дорогой, росли маленькие ёлочки, не больше двух-трёх футов [5] в высоту, зелёные, как бильярдный стол, утопающие в снегу и протягивающие в приветственном жесте свои маленькие пушистые лапки.

Мы достигли того места, откуда начинался заповедник, и поехали вдоль берега огромного, ещё покрытого льдом озера, раскинувшегося так широко, что не охватишь взглядом, похожего в лучах предвечернего солнца на подсвеченные розовым взбитые сливки, с поблёскивающими, словно рыбья чешуя, заплатами там, где снег уже подтаял, и окаймлённого бахромой леса. Наконец, мы подъехали к большому деревянному строению, где должны были поселиться члены нашей группы, и где всем нам предстояло питаться. Группа учёных и рабочих вместе со своими супругами собралась для традиционного приветствия, и, когда мы с Ли торжественно выбрались из нашего внедорожника, статная женщина вышла вперёд, держа в руках большой, круглый и плоский каравай ржаного хлеба домашней выпечки и солонку, которые она старалась удержать на красном полотенце, украшенном красивой вышивкой.

Вверху: *Традиционная встреча хлебом-солью. Я не понял, что роскошно вышитое полотенце, на котором их подавали, следует забрать себе, и оставил его аккуратно сложенным на кухне.*

Поскольку меня о таких традициях никто не предупредил, я был не совсем уверен, как следует поступать. К счастью, Джон прибыл как раз вовремя, чтобы объяснить, что я должен отломить от хлеба два куска, обмакнуть их в соль, а затем отдать один кусок Ли, а второй съесть самому. Я так и сделал – под громкий смех окружающих, потому что я чуть было не уронил хлеб в снег, а затем нас с Ли проводили в наше собственное крохотное жилище – бревенчатую хижину, состоящую из гостиной, спальни и маленького коридорчика у входа. Мы чувствовали себя, словно новобрачные, которых эскортируют в домик, где они должны провести медовый месяц. Как только мы устроились и небо поменяло цвет с розового на жёлтый, а потом стало бархатно-чёрным, мы отправились в главное здание, поскрипывая снегом и поскальзываясь на льду, и подкрепились очередной порцией мяса, картошки, свежевыпеченного хлеба, парного молока, чая и водки. Затем, насытившись, мы шли обратно в наш домик, освещаемые полной луной, которая заставляла лёд искриться, а снег, покрывавший озеро, выглядел гладким, как молоко. Лаяла собака, и эхо печально вторило ей над залитым лунным светом озером.

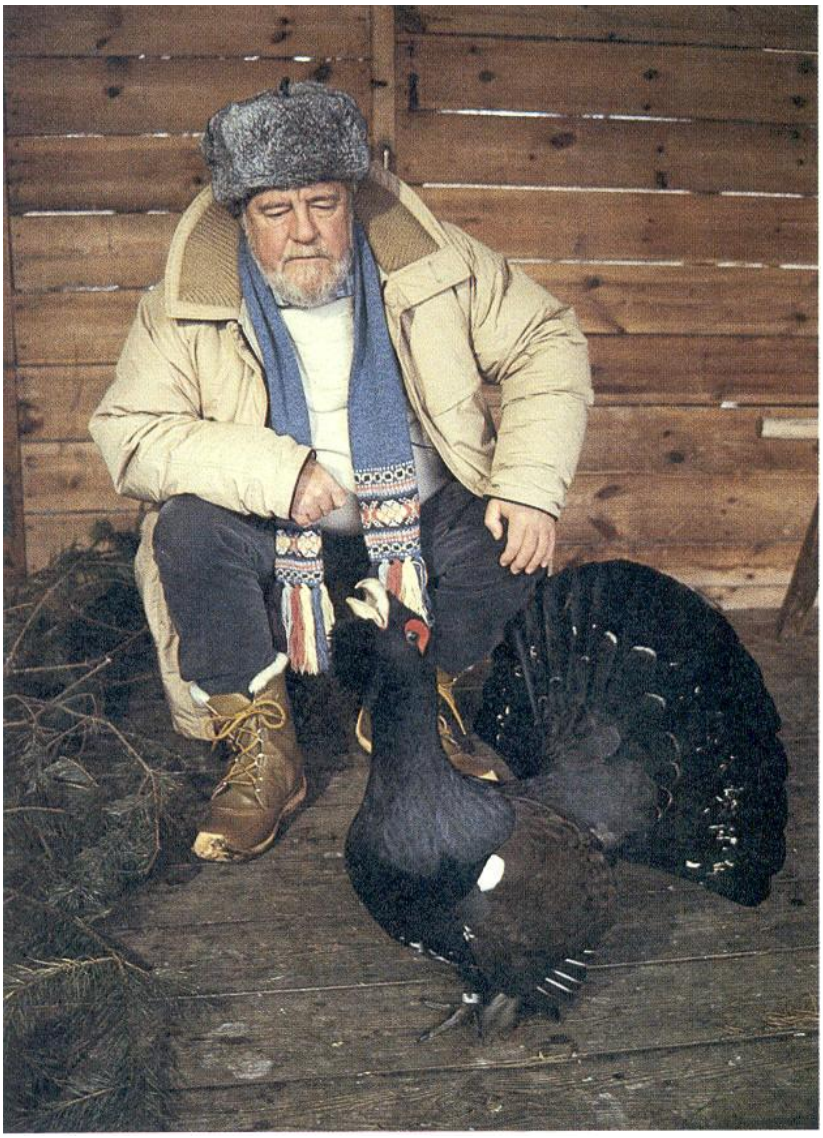
Ожидая, пока для нас найдут другого медведя, мы решили вплотную заняться глухарями. Эта величественная птица размером с небольшую индейку относится к семейству тетеревиных. Ее разводят в Дарвинском заповеднике для усиления диких популяций, которые резко сократились из-за чрезмерного промысла. Птиц содержат в больших вольерах, где рядом с крупным, агрессивным самцом помещаются три или четыре самки. Мы направились в первый птичник, где самки с оперением цвета осенних листьев и красивыми, отливающими каштановым грудками скромно оставались в тени, приседая и переворачивая яйца в гнёздах, тогда как самец, чересчур возбуждённый нашим присутствием, важно расхаживал по вольеру и демонстрировал себя нам с такой самоуверенностью, какую можно увидеть только у прусского офицера в новой униформе.

Предыдущая страница: *изысканные ставни ручной работы в деревянном доме весьма привлекательны. Обычно их раскрашивают в яркие цвета – и это сильно контрастирует с мрачным убранством внутри дома.*

Великолепный, выполняемый с достоинством брачный танец этой прекрасной птицы полон огня и страсти, и я уверен, что голодный волк ей не страшен.

Униформа – в данном случае – была действительно роскошной, поэтому самоуверенность была вполне простительна. Верхняя часть его груди была зелёной, цвета бутылочного стекла, который плавно переходил в переливчатые оттенки синего на шее и голове. На коричневатых крыльях размещались красивые белые «эполеты». Свой хвост, состоящий из украшенных белой отделкой тёмно-синих перьев, он развернул, словно жёсткий веер на балу викторианской эпохи. Он бегал вокруг нас на своих мощных плоских лапах, одетых в панталоны из перьев, откинув назад голову так, что были видны клюв цвета жжёного сахара, похожий на ястребиный, и агрессивно топорщившаяся жёсткая борода из чёрных перьев. Его бешеные, орехового цвета глаза были увенчаны устрашающими бровями – мясистыми ярко-красными кусочками кожи в форме полумесяцев, которые придавали ему особенно «воинский» вид. Совершая вокруг нас короткие перебежки, он издавал два совершенно непохожих звука. Он словно занимался чревовещанием, используя один голос для вопросов, а другой – для ответов. Первый звук – низкий и глухой шум, как будто кто-то осторожно сыпал каштаны на поверхность барабана. После небольшой паузы глухарь «отвечал» на этот звук странным гнусавым курлыканьем, напоминающим носовые выкрики Панча в старомодных кукольных представлениях «Панч и Джуди» [6]. С откинутой назад головой, топорщащимися перьями под открытым острым клювом, поднятыми в ярости от нашего вторжения бровями, он напоминал геральдический символ – одну из тех птиц, что украшали щит какого-нибудь средневекового князя. Проведя несколько часов в обществе этих восхитительных созданий, мы вернулись в свой домик, воодушевлённые известием о том, что найден ещё один медведь, но в ужасе от того, что нам придётся встать в три часа ночи, чтобы в четыре начать его преследование.

С огромным трудом поднявшись с постели, мы обнаружили, что идёт снег, хотя температура ночью поднялась. Для нас подготовили пять снегоходов (больше похожих на мотоциклы с приделанными к ним гусеницами от танка) – громких, плохо пахнущих, но быстрых. К одному из снегоходов были прицеплены плоские салазки, на которые было сложено наше оборудование, а другие должны были тянуть санки, которые выглядели как нечто среднее между гигантской колыбелью и повозкой, которой имеет обыкновение пользоваться Дед Мороз.



Думаю, больше всего нас впечатлило бесстрашие этой птицы. Рядом со мной – глухарь-самец, исполняющий свои оперные арии практически на наших коленях. Было такое ощущение, что он ничтоже сумняшеся заклевал бы нас до смерти, если бы застал беззастенчиво пялящимися на его подруг.

Увидев на фотографии, как хороша эта самочка, можно понять, почему глухарь приходил в такое неистовство, чтобы, во-первых, завоевать её, а во-вторых, – удержать при себе. Конечно, у неё нет столь цветистых украшений, как у её царственного супруга, но зато её оперение собрало все самые красивые и нежные краски. Благодаря этому она выглядит на фоне снега, как изысканный букет осенних листьев.

Суровый, но прекрасный пейзаж напоминал гравюру, созданную из снега и льда.

Задняя часть этого исполинского сооружения была заполнена сеном и овчинами, и туда же водрузили меня и Ли (словно царя с царицей) вместе с наиболее хрупким оборудованием. Мы двинулись в путь сквозь пургу, и в бледно-жёлтом и пурпурном свете зари озеро, окаймлённое вдоль дальнего берега невысоким чёрным и угрожающе выглядевшим лесом, казалось бесконечным. Спустя несколько часов стало очевидно, что наше свидание с медведем вряд ли состоится. Из-за повышения температуры верхний слой снега подтаял, поэтому и снегоходы, и их прицепы, вместо того чтобы скользить по нему, постоянно застревали в снежном насте. Однако, как нас заверили, через милю или две мы должны были добраться до домика лесника, где мы сможем позавтракать и решить, что делать дальше.

Именно тогда мы и познакомились с енотовидной собакой. Василий, которого нежелание медведей сотрудничать, а природы – подчиняться, приводило в полнейшее отчаяние, вдруг жестом фокусника распахнул багажник своего снегохода и вытащил оттуда молодую енотовидную собаку, которую он торжественно устроил на моих коленях. Животное сжалось там с точно таким же выражением потрясения на мордочке, какое, вероятнее всего, было написано и на моём лице, поскольку в последний раз я столь тесно общался с енотовидной собакой лет сорок тому назад, когда студентом подрабатывал в зоопарке Уипснейда. Эти обаятельные создания – чрезвычайно интересные представители семейства псовых, а их появление и последующее распространение в Европе – один из ярчайших примеров человеческой глупости и безответственного отношения к природе. Эти коротколапые зверьки очень напоминают сильно обросших корги [7], позаимствовавших у енота форму и окрас мордочки.

Из-за начавшейся оттепели наши сани Деда Мороза постоянно проваливались в снег, и их приходилось вытаскивать вручную.

Когда-то ареал их распространения ограничивался Японией и восточной частью Азии. Но потом кого-то осенила блестящая идея, что, приживись они в лесах на западе России, они стали бы источником чрезвычайно ценного меха. Так енотовидная собака попала в Европу. Поскольку это животное всеядно и невероятно живуче, вскоре оно распространилось по всей Центральной Европе и стало настоящим бичом её экологии. В довершение всего выяснилось, что мех его совершенно непригоден для коммерческого использования, так что Европа так же навредила своей естественной фауне, как и в те времена, когда сюда из Южной Америки была завезена нутрия. Люди постоянно суют свой нос в дела природы, да ещё действуют при этом самым идиотским образом.

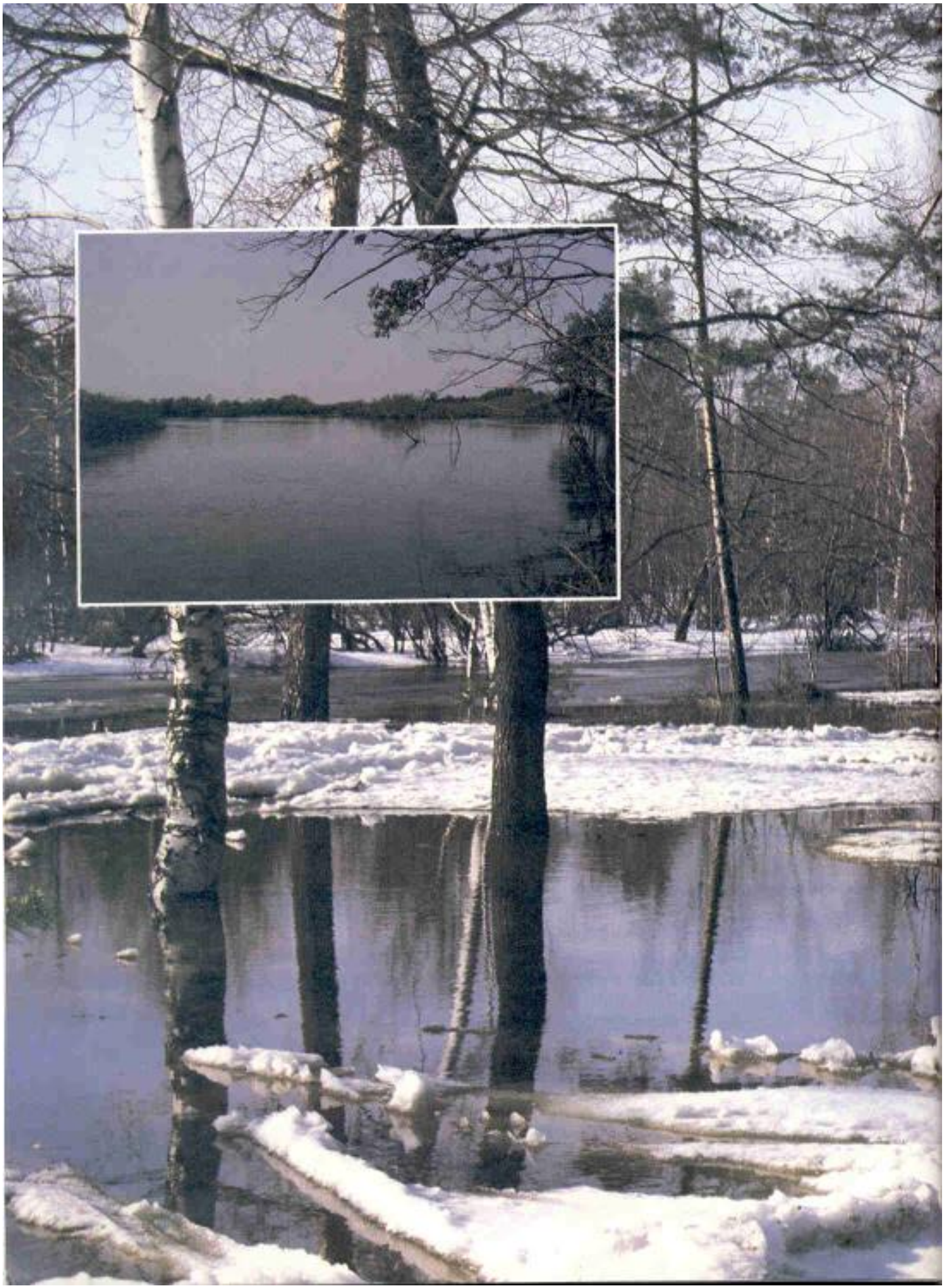
Зверёк лежал у меня на коленях и даже позволял гладить себя. Он казался вполне довольным жизнью, но тут Василий принёс большой собачий ошейник и поводок и попытался надеть их на малыша. Такого оскорбления зверёк вынести не смог. Он молниеносно извернулся, подпрыгнул и пулей вылетел из саней. На льду его мохнатые лапы давали ему огромное преимущество в скорости, и он элегантной и решительной рысью припустил в сторону озера, почти сразу оказавшись в сотне ярдах [8] от нас. Наши друзья тут же бросились вдогонку, но они не могли сравниться в проворстве с енотовидной собакой и, поскальзываясь, падали на лёд. В конце концов они вынуждены были вернуться обратно и использовать снегоходы, чтобы окружить и снова поймать зверька. Его засунули обратно в багажник, чтобы на следующий день мы могли заснять его для нашего фильма, поскольку в день нашего «енотовидного приключения» небо было пасмурным, шёл сильный снегопад, что исключало всякую мысль о съемках. Кстати, о снегопаде. Я заметил интереснейшую вещь: снежинки (каждая – раза в три больше булавочной головки) имели форму крошечных цветков с пятью [9] филигранно выполненными лепестками и напоминали падающее с неба кружево. Вскоре тёмные овечьи шкуры, лежавшие на наших коленях, были полностью покрыты этими крошечными снежинками-цветами и напоминали клумбу с миниатюрными маргаритками.

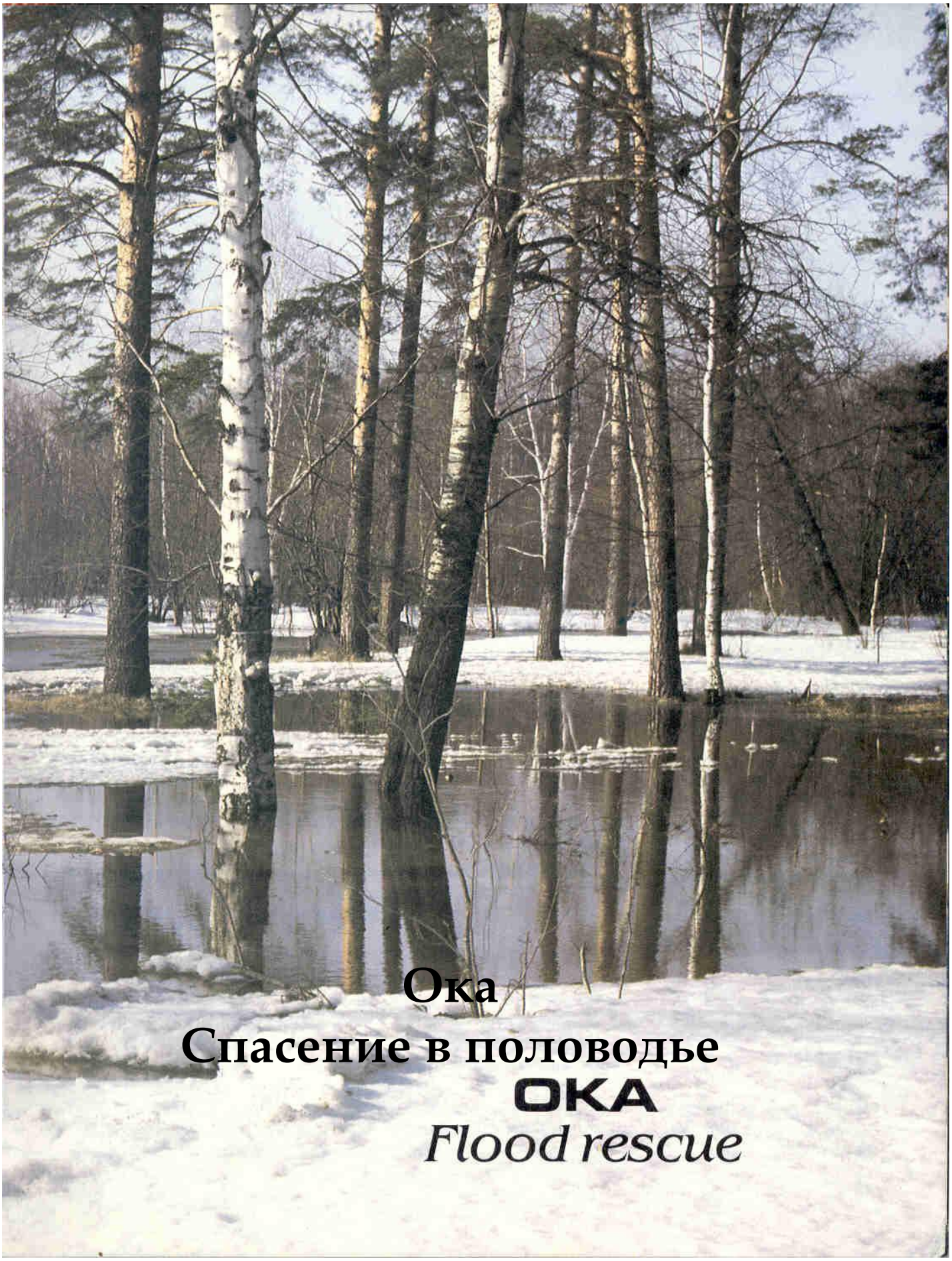
На наших коленях свернулась енотовидная собака, которая спустя несколько секунд после снимка пустилась наутёк, заставив нас как следует побегать, чтобы водворить её на место. Впрочем, её вторичная поимка оказалась лишь небольшой передышкой перед успешным побегом зверька на следующее утро.

В конце концов, мы добрались до дома лесничего, где получили желанную пищу и подкрепились несколькими галлонами [10] чая. Затем мы решили вернуться обратно, поскольку погода становилась всё хуже и наши шансы заснять медведя, даже если бы мы и повстречались с ним, были нулевыми. Не успели мы проехать нескольких миль, как наша повозка Деда Мороза, пытаясь объехать сугроб, сделала слишком крутой поворот и повергла на лёд меня, Ли и наше хрупкое оборудование, заставив барахтаться в куче овчин и сена. К счастью, ни мы, ни аппаратура не пострадали. Однако лесник, который управлял нашим снегоходом, был очень раздосадован и смущён. Потребовалось немало объятий и поцелуев, чтобы убедить его отказаться от попытки покончить с собой от унижения.

Весь следующий день нас преследовали неудачи. Енотовидная собака всё-таки сбежала, а попытки заснять на плёнку диких глухарей оказались безуспешными. Во второй половине дня я пообещал сделать доклад о нашей деятельности для лесничих заповедника и их семей. Этот заповедник носит имя Чарльза Дарвина, поэтому ничего удивительного, что огромный портрет этого выдающегося учёного, заключённый в тяжёлую раму, висел на стене напротив меня в помещении, где я читал свою лекцию. Меня как раз спросили, считаю ли я, что в мире должно быть больше центров разведения диких животных в неволе, похожих на созданный мной на Джерси, и я с воодушевлением пустился в рассуждения на эту тему, когда этот массивный портрет сорвался со стены с грохотом, от которого всё здание содрогнулось до основания, а слушатели стали с испугом вскакивать с мест.

В общем, серия о Дарвинском оказалась не самой удачной в нашем фильме, хотя сам заповедник был поистине очаровательным местом.




Ока
Спасение в половодье
OKA
Flood rescue

ОКА

Численность представителей семейства журавлиных, включающего в себя некоторые виды самых крупных и красивых в мире птиц, почти повсеместно снижается. Отчасти это объясняется тем, что во время следования сложными и протяжёнными миграционными путями, которых они придерживаются с незапамятных времён, они нередко подвергаются нападениям и гибнут. Кроме того, места их кормления и размножения – плодородные болотистые и луговые земли – люди активно осушают, возделывают и заливают инсектицидами. Семь из четырнадцати известных в мире видов журавлиных, включая изображённых в этой книге, гнездятся на территории Советского Союза.

На предыдущих страницах: *Ока, ещё скованная льдом, и* (на вкладке) *во время разлива.*

Окский заповедник расположен примерно в трёхстах милях [11] от Москвы, и добирались мы туда сначала поездом, а потом – автобусом. Такой способ передвижения, в отличие от перелётов, даёт вам некоторое представление о поистине бескрайних просторах России. Кроме того, так и увидишь намного больше. Ландшафты преобладали равнинные, во многих местах – густо поросшие лесом, покрытые снегом и довольно безрадостные. Крошечные дощатые домики, которые мы видели, проезжая мимо небольших городков, показались нам очаровательными. Казалось, кто-то специально спроектировал и построил их для гномов. Они были выкрашены в разные цвета и удивительно гармонировали с окружающими пейзажами, в отличие от маячивших на заднем плане огромных, серых или коричневых высотных многоэтажек, которые выглядели какими-то недостроенными. Мы проезжали мимо обширных заболоченных территорий, где подтаявший лёд, словно огромный пазл, разваливался на куски, медленно плывущие под свинцово-серым небом, испещрённым неисчислимыми стаями скворцов.

К вечеру наш поезд пришёл в Рязань, и остаток пути мы проделали на огромном автобусе. Теперь мы проезжали мимо деревень с изрытыми глубокими колеями улицами, размытыми тающим снегом. Небольшие деревянные избы прятались в снегу, словно заброшенные пасеки. Калейдоскопом мелькали редкие огни, словно вылетевшие на прогулку светлячки. Заходящее солнце окрасило небо в различные оттенки оранжевого. Взад и вперёд носились тучи грачей, горестно оплакивая умирающий день. До места мы добрались поздно, тем не менее удобный ночлег и вкусная еда уже ожидали нас.

На следующее утро мы отправились посмотреть на журавлиный питомник – гордость Окского заповедника. Просторные вольеры питомника дают приют журавлям-красавкам, даурским и чёрным журавлям, а также редчайшему эндемику России – стерхам, или белым журавлям. Яйца стерхов доставляют из Сибири в Окский заповедник, где птенцов выводят в инкубаторах, а затем выращивают в неволе до взрослого состояния. Эти внушительные, почти пяти футов [12] в высоту птицы обладают исключительным чувством собственного достоинства и очень агрессивны. Когда мы вошли в их вольер, самец откинул голову назад, щёлкая клювом, вибрируя всем телом и расправив хрустящие, как старинный кринолин, крылья и хвост. При этом он издавал громкие резкие звуки, на которые, наверное, была способна только Мария Каллас [13], и то – если её уколоть перочинным ножиком. Остальные стерхи вторили ему, и скоро весь вольер наполнился эхом их пения. Закончив своё выступление, самец начал медленный ритуальный марш, напоминая солдата из похоронного кортежа. Потом мы навестили чёрных журавлей, или журавлей-монахов. Это были очень ручные молодые птицы, которые осторожно окружили нас, издавая мурлыкающие звуки, более характерные для кошек, чем для птиц, и деликатно склёвывали корм из наших рук.

Поснимав журавлей и послушав их пение, мы направились в питомник хищных птиц, где не только была собрана крупнейшая в России коллекция различных видов соколов и орлов, но и содержалось несколько пар одного из самых красивых в мире пернатых хищников – ягнятника, или бородача. Огромный и обладающий каким-то свирепым величием, бородач – одна из самых потрясающих птиц, которых я когда-либо видел.

Его чёрная борода и огненно-красные ободки вокруг глаз придают ягнятнику пиратский вид, однако крылья скорее напоминают водопад совершенно не пиратских, изысканных бледно-коричневых перьев. Название «lammergeier» (ягнятник) означает «похититель овец». В Испании эту птицу называют достаточно труднопроизносимым именем «*quebrantahuesos*», что означает «костолом». Дело в том, что там эта птица имеет привычку подниматься вверх, захватывая с собой крупные кости и черепа животных, и сбрасывать их оттуда на камни, а затем извлекать из разбитых костей мозг. Во многих частях Греции бородач точно так же поступает с черепахами, которые служат ему основной добычей.

Рядом с ягнятниками жила пара черных грифов. Самец был огромным и до смешного ручным. Едва вы входили в вольер, как он, прихрамывая, немедленно бросался приветствовать вас. Эти подагрические движения, в сочетании с его покрытой встрёпанными перьями, сужающейся книзу куполообразной головой и голубовато-серой костлявой шеей, делали его похожим на одного из «вечных студентов» – завсегдатаев «Атенеума» [14]. Он был очень смешной и обаятельной птицей: почешите его массивную голову и клюв – и он впадёт в транс, его желтоватые глаза остекленеют, а крылья начнут подрагивать в экстазе; начните щекотать его рёбра под крыльями – и он разразится громкими истерическими хрипами, вздохами и безудержным хихиканьем, словно ребёнок, а потом упадёт к вашим ногам, изнемогая от хохота, умоляя вас прекратить и одновременно мечтая, чтобы вы продолжали. Столь очаровательной и забавной птицы мы давно не встречали. Мы снимали его в течение полутора часов, и он вёл себя, как прирождённая кинозвезда. Гриф с хихиканьем падал на пол, впадал в транс, когда его почёсывали, и расхаживал взад и вперёд по вольеру в своей мантии из перьев, словно престарелый университетский профессор. Он взлетал на свой шест и осторожно переступал на нём так, что казалось: он вот-вот свалится с него в смерче из перьев.

Вверху слева: *Чёрный журавль.*
Справа: *Даурский журавль.*
Выше: *Журавль-красавка.*

Вверху: *Стерх демонстрирует нам своё великолепное шоу: голова откинута назад, клюв раскрыт, крылья опущены и шуршат, словно разворачиваемый рулон шёлка.*

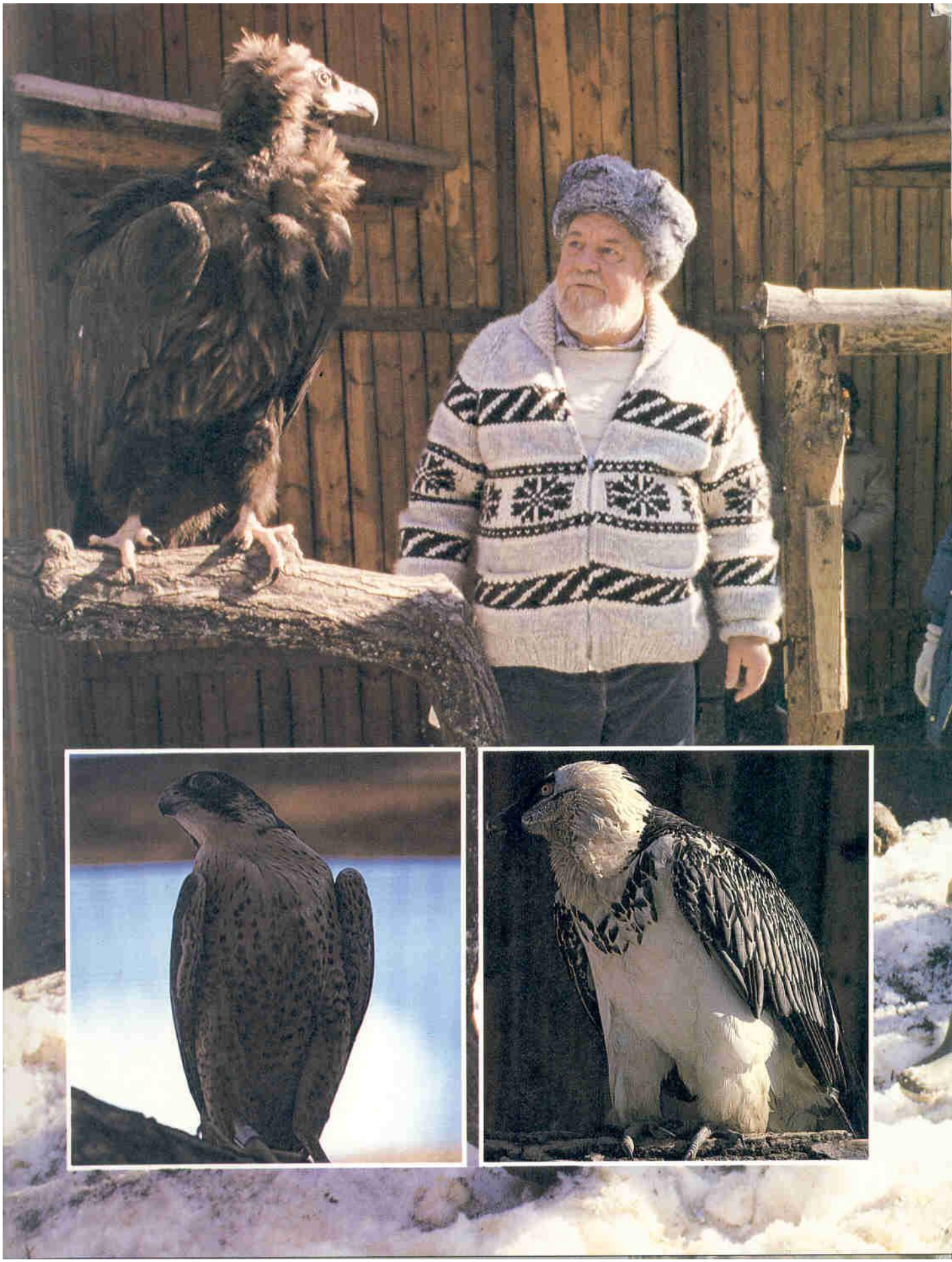
Вверху справа: *Казалось, эти изящные, нежные чёрные журавли совершенно не чувствовали холода, тогда как мы были до бровей закутаны в тёплую одежду.*

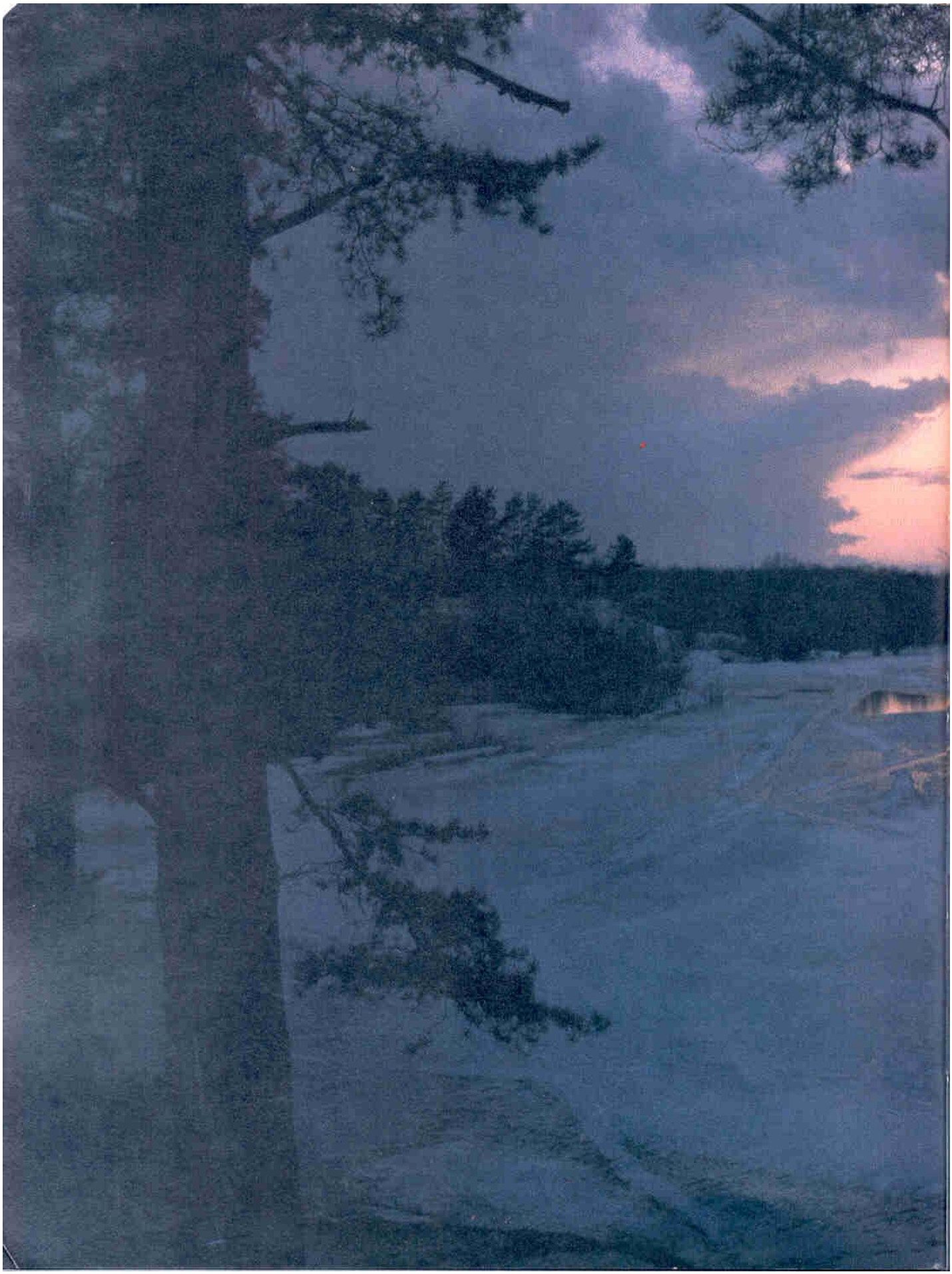
На следующей странице: *Черный гриф* (вверху)*, который хихикал, когда его щекотали, исполняет для нас роль канатоходца. Великолепный профиль корсара – ягнятника, или «костолома» (внизу справа) – одной из красивейших хищных птиц на земле. Среди содержащихся здесь хищных птиц самым мелким и при этом самым сообразительным был элегантный сокол-сапсан* (внизу слева)*.*

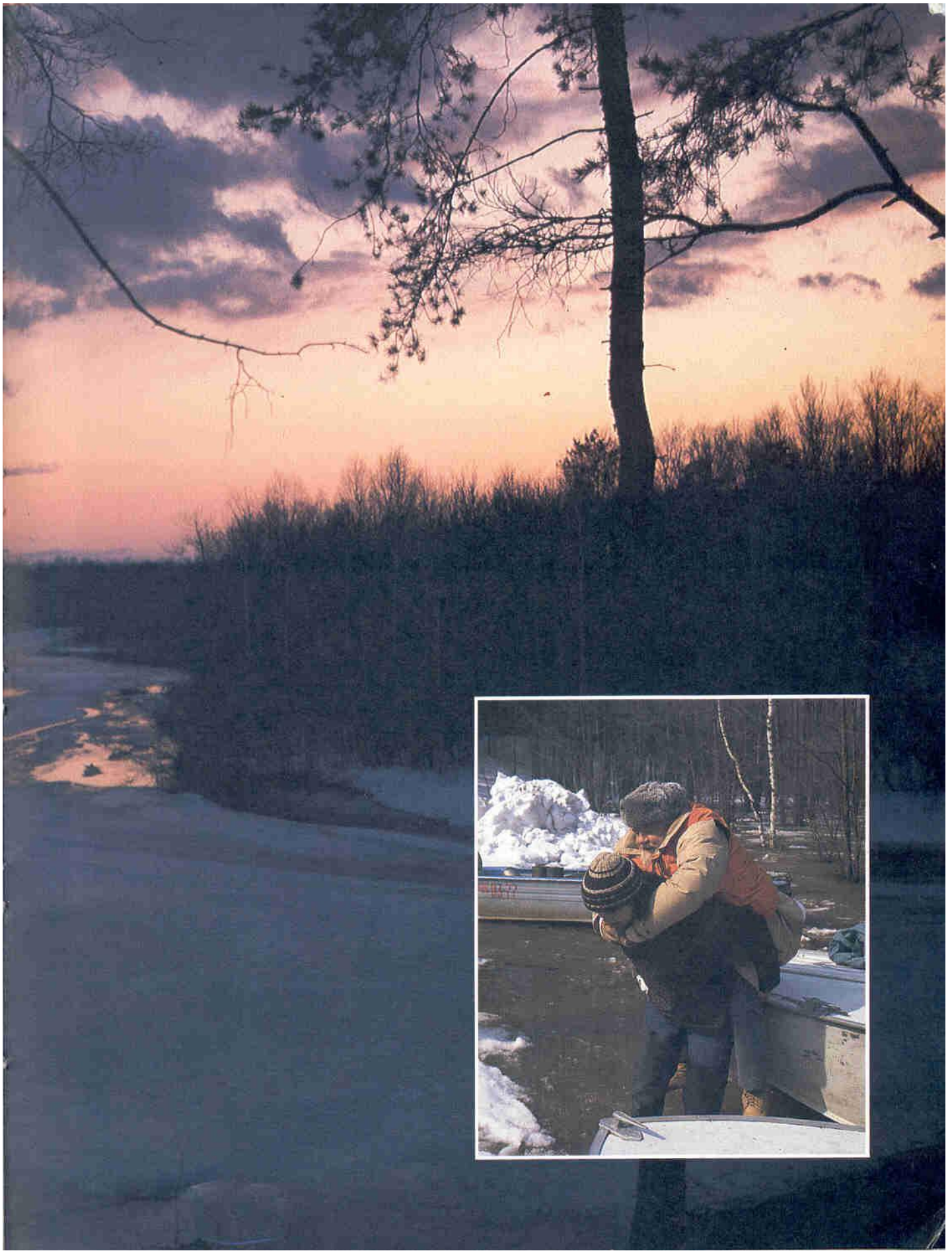
Исполнив свой долг перед камерой, он признался, что его супруга (которая с презрительным видом наблюдала за его выходками) никогда его по-настоящему не понимала и Ли, хоть и не носит перьев, ему гораздо более по вкусу. Поэтому, ухватившись за подол пальто, он потянул её в вольер с Бог знает какими коварными птичьими замыслами в голове. К счастью, с помощью щекотки мне удалось отвлечь его, и побег Ли от мужа с черным грифом так и не состоялся.

Одним среди множества важных направлений работы Окского заповедника, который мы непременно хотели зафиксировать на плёнке, было ежегодное проведение спасательных операций во время паводка. Когда зима подходит к концу и железные объятия льда немного смягчаются, Ока разбухает от этого излишка влаги, выходит из берегов и, словно расплавленное стекло, растекается по равнинным участкам поймы, настигая и отрезая от суши на крохотных островках и покрытых травой холмиках животных, которые, хотя и способны плавать, но, ослабевшие после зимы, не в силах преодолеть огромные расстояния, отделяющие их от безопасности, сухой земли и источников свежей пищи. Таким образом, повсюду оказываются сонмища потерпевших кораблекрушение млекопитающих, словно многочисленных Робинзонов Крузо, которых надо спасти, пока они не погибли. Поэтому, когда лёд начинает ломаться и коричневато-жёлтая вода окружает каждое дерево, целые флотилии лодок отправляются вылавливать из Оки несчастных, застигнутых паводком.

Как обычно, едва соберёшься начать съёмки, всё начинает оборачиваться против тебя. В данном случае, хотя паводок должен был быть в самом разгаре, внезапно началось резкое похолодание, куски подтаявшего льда снова замёрзли и заперли все лодки на причалах. Однако директор заповедника не собирался отступать перед такой мелочью и был полон решимости помочь нам довести до конца то, ради чего мы приехали. Поэтому он собрал всех имеющихся в его распоряжении лесничих, которые просто высвободили лодки из ледяных оков и протащили их пару миль по лесу до того места, где река разлилась и лодки можно было спустить на воду. Но теперь они оказались довольно далеко от берега, и, чтобы добраться до них, нам пришлось бы пересечь полосу воды, глины и льда. Директор был страшно шокирован моим намерением добраться туда вброд и, как всегда изобретательный, велел одному из лесничих переправить меня и Ли. Выбранный им молодой человек оказался настоящим гигантом – 6 футов 7 дюймов ростом [15], – мускулистым, как динозавр.







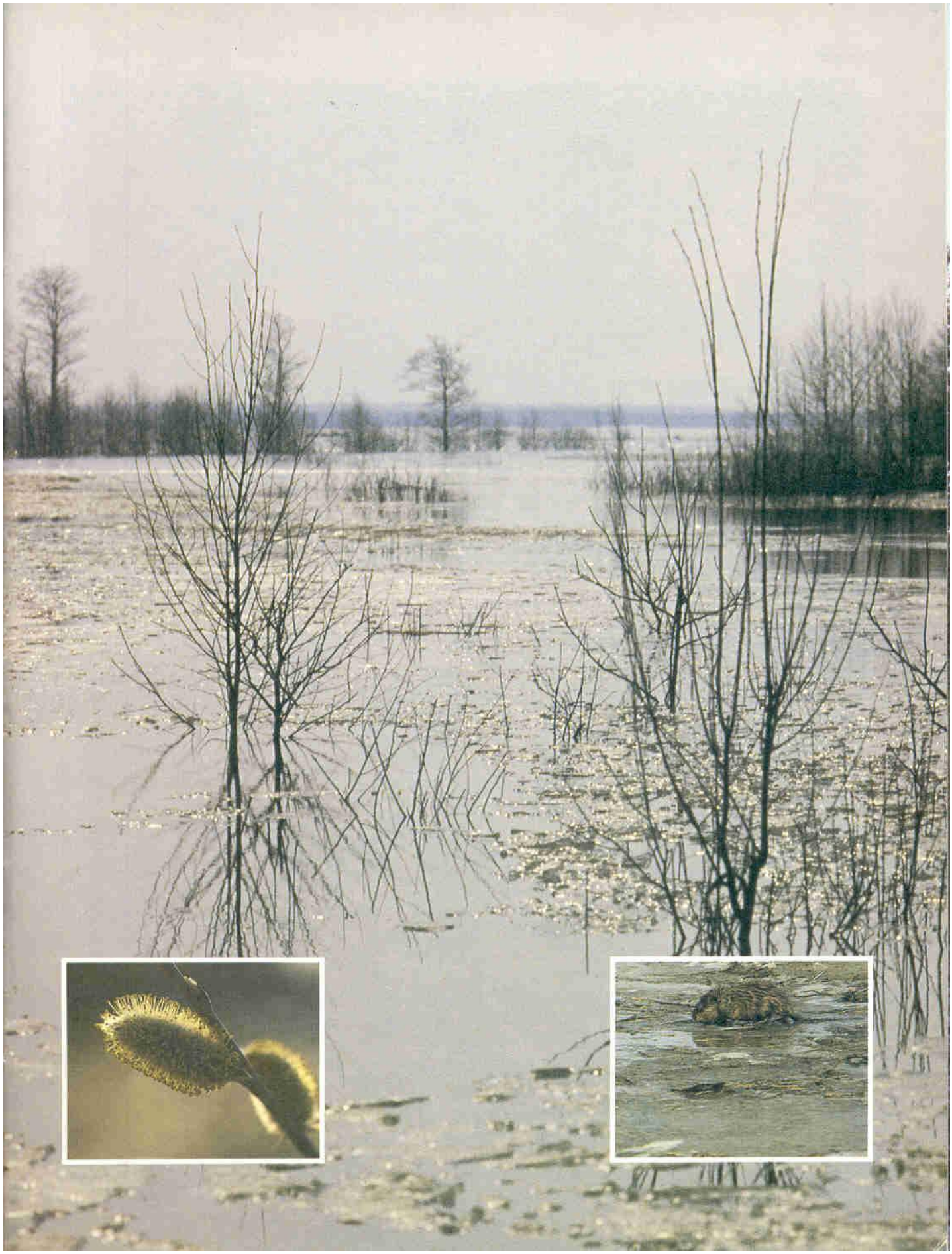
Начался паводок (вверху)*, а вместе с ним – и работы по спасению «Робинзонов Крузо» животного мира с островков, образованных широко разлившейся рекой.*

Напротив: *Мы двигались на лодках по затопленным лугам, на которых кое-где ещё сохранились остатки льда. Деревья стояли по колено в воде, словно люди во время праздничных соревнований по морской гребле. Распустились напоминающие муфты «барашки» ивы* (на вкладке слева) – *первый признак весны, а ондатры* (на вкладке справа) *были по-настоящему довольны, потому что умели хорошо плавать, и с упоением ныряли за пищей к затопленным лесным полянам.*

На предыдущей странице: *В ту ночь, когда мы меньше всего ожидали этого, река вдруг замёрзла, сковав льдом наши лодки, поэтому их пришлось буквально вырезать оттуда и перетаскивать через лес к полоске освободившейся ото льда воды. Меня* (на вкладке) *до нашей лодки тащил на закорках наш гигантский ангел-хранитель, который позже подарил мне свой овечий тулуп.*

С его красивого лица не сходила улыбка, а одет он был в роскошный тулуп из овчины. Несмотря на мои протесты, он поднял меня на руки с такой лёгкостью, словно я весил не больше пучка перьев, и перенёс в лодку, а затем повторил ту же процедуру с Ли. Его переполняла гордость за то, что его выбрали нашим ангелом-хранителем, и он весь день старался держаться поближе к нам, готовый прикрыть наши царственные особы своим телом при малейшей опасности. Уже в ходе нашего путешествия, когда я с восхищением отозвался о его дублёнке, он торжественно снял её и отдал мне, и никакие аргументы с моей стороны не могли заставить гиганта забрать её обратно. Позднее я выяснил, что такие овечьи тулупы шьются на заказ и стоят около 250 фунтов стерлингов. Это излечило меня от привычки вслух восхищаться чем-либо во время дальнейшего пребывания в России.

Итак, наша армада из шести человек отправилась вниз по реке, сквозь затопленные низины, мимо деревьев, стоявших по горло в коричневой воде, нагромождений льда и снега, неприятно-серых и своим одиноким и потерянным видом напоминающих куски свадебного пирога мисс Хэвишем [16]. Вода переливалась солнечными бликами, лодочные моторы мерно урчали, иногда раздавался шипящий треск, когда мы натыкались на миниатюрное поле из тающего льда и глины, которое словно прокладывало нам путь в коричневой патоке. Скопления веток и мёртвой зимней растительности, напоминая потерянные парики, забивались в просветы между деревьями и кустарниками. На многих из этих импровизированных плотов сидели толстые коричневые ондатры, жадно поедающие зелёную траву, которую они добывали, ныряя к затопленным паводком лесным полянам. Казалось, всё вокруг радуется солнцу и окончанию ледяного господства зимы. Цветы красной вербы, которые до этого напоминали миниатюрные муфты сдержанного покроя, которые носили леди времён короля Эдуарда VII [17], на глазах превращались в крохотные сады ярко-жёлтых цветов.



В отличие от ондатр, такие животные, как барсуки (ниже), *лисы* (внизу) *и енотовидные собаки* (справа), *плавают не очень хорошо, поэтому они нуждались в услугах нашей «скорой помощи».*

Жаворонки, жизнерадостные, как школьники, отпущенные с уроков раньше положенного времени, выводили в небе свои рулады, а затем, словно Икар, камнем падали вниз, к зелёным полянам, едва освободившимся от снежного савана. Трясогузки маленькими нежными балеринами в пачках, танцуя, переносились с одной плывущей льдины на другую, а с вершин деревьев раздавались торжествующие крики грачей.

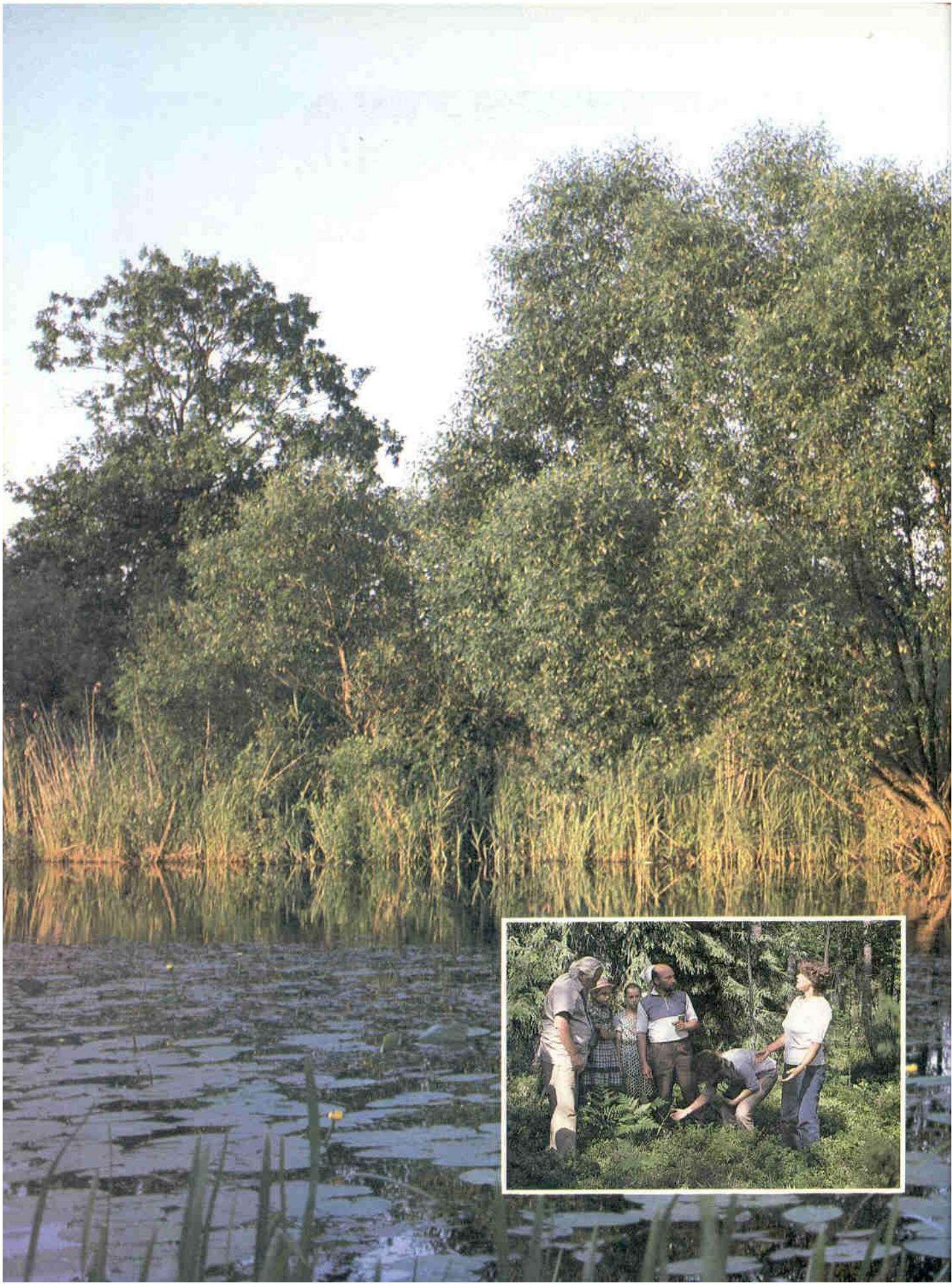
По прошествии примерно часа мы добрались до места, где вода заливала всю землю, насколько хватало глаз, и вся её поверхность была усеяна точками крохотных островков земли и торчащих из воды вершин деревьев. Отсюда и начались наши спасательные операции. На одном из островков мы нашли измученную енотовидную собаку, которая делала слабые попытки спастись. Вскоре она была поймана с помощью сетки, похожей на гигантский сачок для бабочек, и водворена в проволочную клетку. Несколькими островками далее мы обнаружили потерпевшего кораблекрушение барсука и приступили к его поимке. Он был очень недружелюбным и ни в коем случае не желал с радостью принимать наши попытки его спасти. Барсук вразвалку удирал от нас, презрительно фыркая и ворча, а когда нам, наконец, удалось загнать его в угол, проявил свою «благодарность», довольно сильно укусив одного из лесников за руку, прежде чем был водворён в мешок. Нашей следующей невольной пленницей стала яростно огрызавшаяся лиса в роскошной рыжей зимней шубке. Она, как и барсук, категорически отказывалась принять нашу помощь, рычала низким голосом и кусала всё, до чего могла дотянуться, щёлкая белоснежными зубами, словно кастаньетами. Мы отвезли всех троих пленников в сухое место и там отпустили их. Енотовидная собака лежала и тряслась мелкой дрожью, явно полагая, что пришёл её последний час, и нам пришлось её отогнать. Барсук, напротив, вырвался из мешка, словно покрытый шерстью бульдозер, и быстро покатился от нас через луг, ни разу не оглянувшись и презрительно фыркая и пыхтя себе под нос. Лиса появилась из своего мешка с определённой долей предосторожностей, но, почувствовав возможность выбраться на свободу, немедленно умчалась прочь – только хвост пламенел на фоне зеленой травы. Она добралась до небольшого возвышения и остановилась за ним, так что видны были только макушка и уши, и минут десять оглядывалась на нас.

Именно здесь, когда мы сидели на солнышке, ели бутерброды и пытались охладиться и утолить жажду неизменной водкой, наш неутомимый директор преподнёс нам сюрприз, и какой замечательный сюрприз! Это было создание, с которым я давно хотел познакомиться, – русская выхухоль. Эти удивительные насекомоядные размером приблизительно с крупную морскую свинку покрыты мягким тёмным мехом, похожим на шкурку крота. У этих водяных животных сильные перепончатые лапки с большими когтями и мощный, тяжёлый безволосый хвост, уплощённый с боков, как у головастиков. Но, пожалуй, самое удивительное в этом зверьке – это его голова, точнее – его нос. Маленькие ушки почти полностью скрыты в густой шерсти, рудиментарные глазки – просто чёрные точки на бледной коже, но вот нос – просто великолепен. Он длинный, напоминающий мохнатый слоновий хобот или трубу, удивительно подвижный, колеблющийся из стороны в сторону, как счётчик Гейгера, поднимаясь вертикально или изгибаясь серпом, словно Фагин [18]. Как и все насекомоядные, выхухоль – сверхактивна. Её тельце трепетало, как только что пойманная птица, лапки царапали мою одежду, а дрожащий нос исследовал все уголки и закоулки моего пальто в надежде найти что-нибудь съедобное. Из-за красивых шкурок эти очаровательные создания были почти полностью истреблены, но, к счастью, опасность была вовремя замечена, и советские власти ввели запрет на их добычу. Сегодня количество выхухолей постепенно возрастает.

Мы выпустили ее в большой, но очень мелкий пруд, чтобы иметь возможность поснимать зверька под водой. Выхухоль вела себя отлично. Едва она скользнула в воду, её шёрстка сразу заблестела и стала серебристой от воздушных пузырьков, мощный хвост двигался из стороны в сторону, снова заставляя вспомнить о головастиках. Зверёк скрёб илистое дно перепончатыми лапками, надеясь выгнать из укрытий улиток или другую подобную добычу, шевеля своим смешным носом вверх и вниз со всем энтузиазмом новобрачной, осваивающей свой первый пылесос. Из всего множества восхитительных животных, встреченных нами в России, думаю, именно выхухоль я хотел бы забрать с собой на Джерси.

В продолжение вечера мы спасли ещё множество созданий: зайцев, ежей и других животных. Затем, когда заходящее солнце залило небо бледно-жёлтым светом, мы двинулись в обратный путь по тёмным паводковым водам, расчерченным на квадраты островками плавающего льда.

Именно это очаровательное и смешное создание мы хотели привезти с собой домой из России – русскую выхухоль, пленительного инопланетянина среди насекомоядных.



BEREZINA
Children in nature
Березина
Дети и природа

БЕРЕЗИНА

Березинский заповедник известен своими бобрами, черными аистами и цветами (вверху и рисунки напротив). *Изначально его основали, чтобы защитить бобров, когда обнаружили, что их популяция уменьшается по всему Советскому Союзу из-за бесконтрольной охоты. Эта программа была настолько успешной, что однажды бобров Березины использовали для пополнения других советских заповедников. Здесь есть и перспектива для черного аиста, однако, не такая радужная.*

Предыдущая страница: Река Березина и *(вкладка)* в лесу на уроке ботаники с местными детьми.

Мы хотели увидеть и снять русскую реку в полном расцвете лета, и поэтому в конце июня мы направились на запад – в Белоруссию и Березинский заповедник. Чтобы добраться туда, нам пришлось лететь в Минск (о котором, как и о многих русских городах, невозможно написать лимерик [19]), а затем два часа проехать по восхитительной холмистой стране смешанных лесов и полей, живой изгороди дикорастущих люпинов бледного голубовато – розовато – лилового оттенка, которая была очень красива на фоне темных деревьев.

Заповедник, расположенный на реке Березине, был основан в 1925 году, чтобы сохранить бобра, животное, которое, главным образом из-за бесконтрольного отстрела, находилось в угрожающем положении и даже могло исчезнуть, если бы не своевременная помощь. Сейчас в заповеднике постоянно живет свыше шестисот бобров. Они оказались настолько плодовиты, что в 1950-е и 1960-е годы свыше тысячи особей были посланы поддержать популяции бобров в заповедники по всей России. Мы также хотели увидеть и снять красивого черного аиста, редкую и скрытную птицу, которая здесь гнездиться.

После того, как мы устроились в лагере, мы могли отправиться исследовать реку. Началось наше путешествие по красивому, заросшему камышом и покрытому кувшинками каналу, который искрился от стрекоз. Этот канал, созданный во времена Екатерины Великой, был одним из серии, которым по претенциозному плану предназначалось связать разрозненную речную и озерную систему вместе таким образом, чтобы соединить Балтийское море с Черным. В то время как нас несло течением по покрытой ряской глади канала, было приятно представить, что когда-то пароходы и баржи медленно проплывали по его чистой воде, прибывая из одного конца России, и доставляли свои богатые грузы в другой, и перевозили чрезвычайное множество пассажиров. Должно быть, это было замечательное тихое и степенное путешествие сквозь самое сердце этой широкой страны.

В конце концов, к моему разочарованию, канал закончился, но затем мы оказались на самой реке Березине, прикрытой красивым шарфом из камышей. На ее берегах кое-где встречались огромные древние ивы, которые, шелестя листвой на легком ветру, меняли цвет от зеленого до серебристого и наоборот. Мы видели много бобровых хаток, с гигантскими куполами из прутьев и веток, скрепленных грязью, но их жильцы упрямо не показывались. Тем не менее, пока мы дрейфовали по усыпанным кувшинками водам, нам стала наградой встреча с черным аистом. Он вылетел из-за группы деревьев, медленно взмахивая крыльями, направляясь вниз по течению реки. Странным образом его силуэт напоминал птеродактиля. Мы были очень взволнованы этим зрелищем, поэтому вы можете представить наше уныние, когда, по возвращению в лагерь, мы узнали, что троих птенцов черных аистов, которых мы должны были снимать, съели вóроны. После этой новости, мое уважение и восхищение к воронам очень сильно ослабло, так как это повлияло не только на наши съемки, но и на то, что в заповеднике было всего семь известных гнезд аиста. Так что потеря этих трех птенцов была главной трагедией в любом отношении.

Однако прелестная молодая девушка – орнитолог – уверила нас, что они ищут другое гнездо в месте доступном для съемок, и этим, до некоторой степени холодным, утешением нам пришлось довольствоваться.

Во время ожидания, пока найдется гнездо черного аиста и между остановившимися попытками снять сопротивляющихся бобров, мы исследовали местную школу. Мы были в восторге. Прежде всего, школа была обычная, но с сильным экологическим уклоном по охране природы. Мы узнали, что детей учили таким дисциплинам, как лесоводство и охрана окружающей среды на практике. Более того, у них была собственная ферма со всем необходимым: начиная от ульев до коров, за которыми они ухаживали сами под руководством своих учителей.

Канал Екатерины Великой, сейчас заросшая заводь, богат на растительную и животную жизнь. Когда-то его воды волновались от работы моторов пароходов, которые перевозили грузы с одного конца России в другой. Сейчас здесь все спокойно, лишь квакают лягушки и перекликаются птицы.

На территории заповедника у них был маленький зоопарк с загонами, где содержались различные представители дикой фауны, такие как олень, кабан и несколько зубров. В 1974 шесть зубров были доставлены в заповедник, о чем нам с гордостью говорили дети, а сейчас их стадо увеличилось до двадцати трех. Работа детей заключалась в обеспечении кормом этих и других животных в течение нескольких зим. Для этого они заготавливали сено из сочной травы, которая росла под яблонями в их саду. Так как слишком много времени прошло с тех пор, как я заготавливал сено, мы собрали группу этих очаровательных детей с ярко-голубыми глазами в старый школьный автобус и отправились на сенокос, как бывало, говорили в Хемпшире «пошли на сено». Некоторые дети немного говорили по-английски, но не решались показать свои знания. Однако с помощью такого необходимого дипломатического оружия, как жевательная резинка, мы сломали этот барьер. В то время как мы тряслись дальше по дороге, они пели песни об охране природы прелестным хором робких сопрано и рассказывали нам о своих занятиях. Как и все дети, они также рассказывали нам истории, от которых кровь застывала в наших жилах, и держали наше воображение в напряжении и доверчивости.

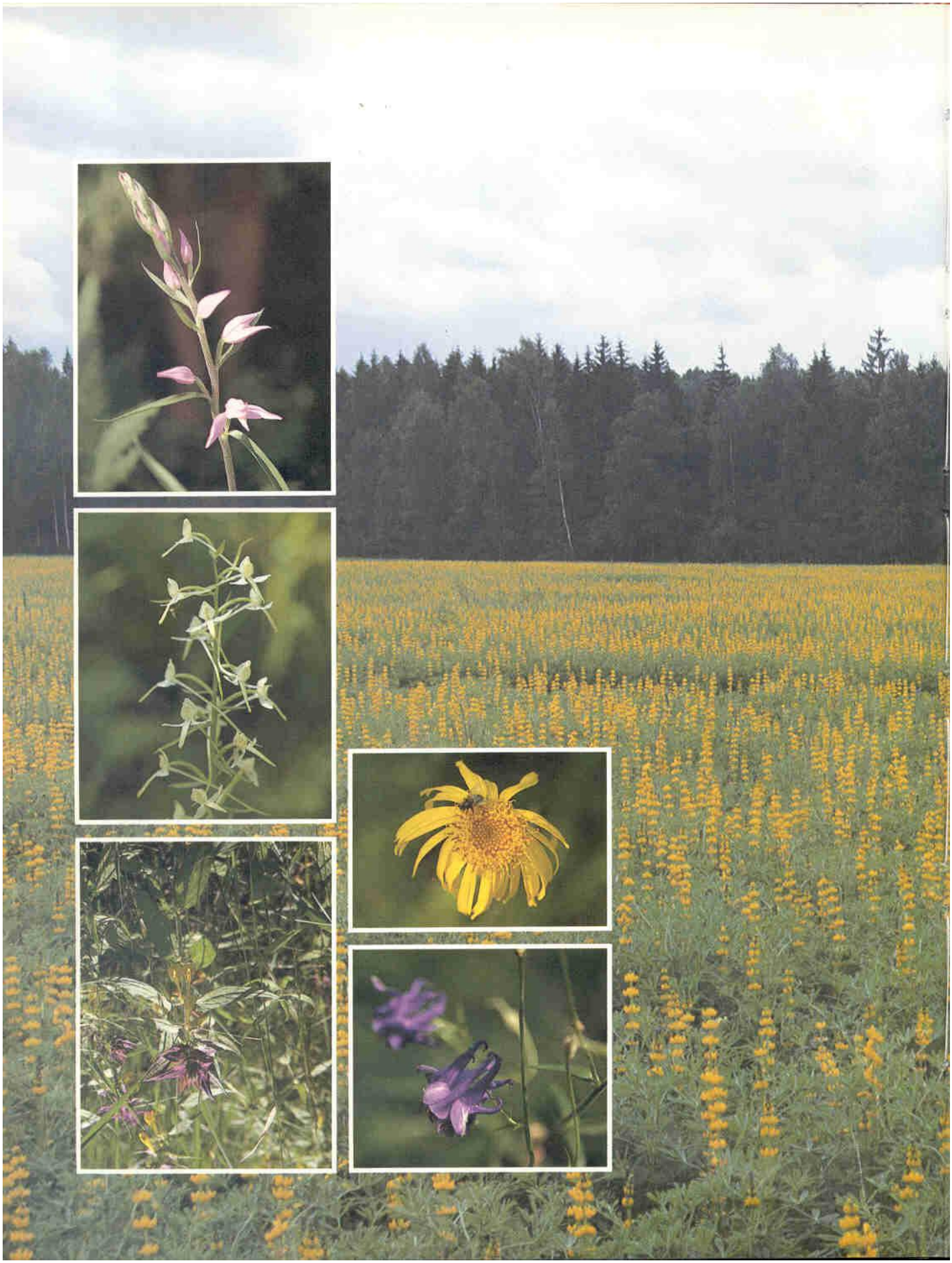
Возможно, рассказ о медведе был самым лучшим, хотя у него грустный и кровавый финал. Школьные ульи, - объясняли дети, - были установлены под яблонями, куда сейчас они собирались на сенокос. Однажды ранней зимой в позапрошлом году они пришли и увидели, что один улей разграблен. Он лежал выпотрошенный на земле, пчелы замерзли, мед из расколотых сот вытек лужицами на замерзшую траву. Вокруг улья находились зловещие, словно грозовые тучи, следы медведя. Ребята надеялись, что это был медведь, проходивший мимо по пути к месту зимней спячки, находившейся далеко отсюда. Но вес и сила лап, то, как они разломали ранний зимний лед, служило не хорошим, а ужасным предзнаменованием. К тому времени весь автобус застыл в ужасе ожидаемой опасности. Моей любимицей среди девочек было миниатюрное существо с огромными фарфорово-голубыми глазами и нелепой соломенной шляпой с ленточками эпохи короля Эдуарда, которая делала ее неотразимой.

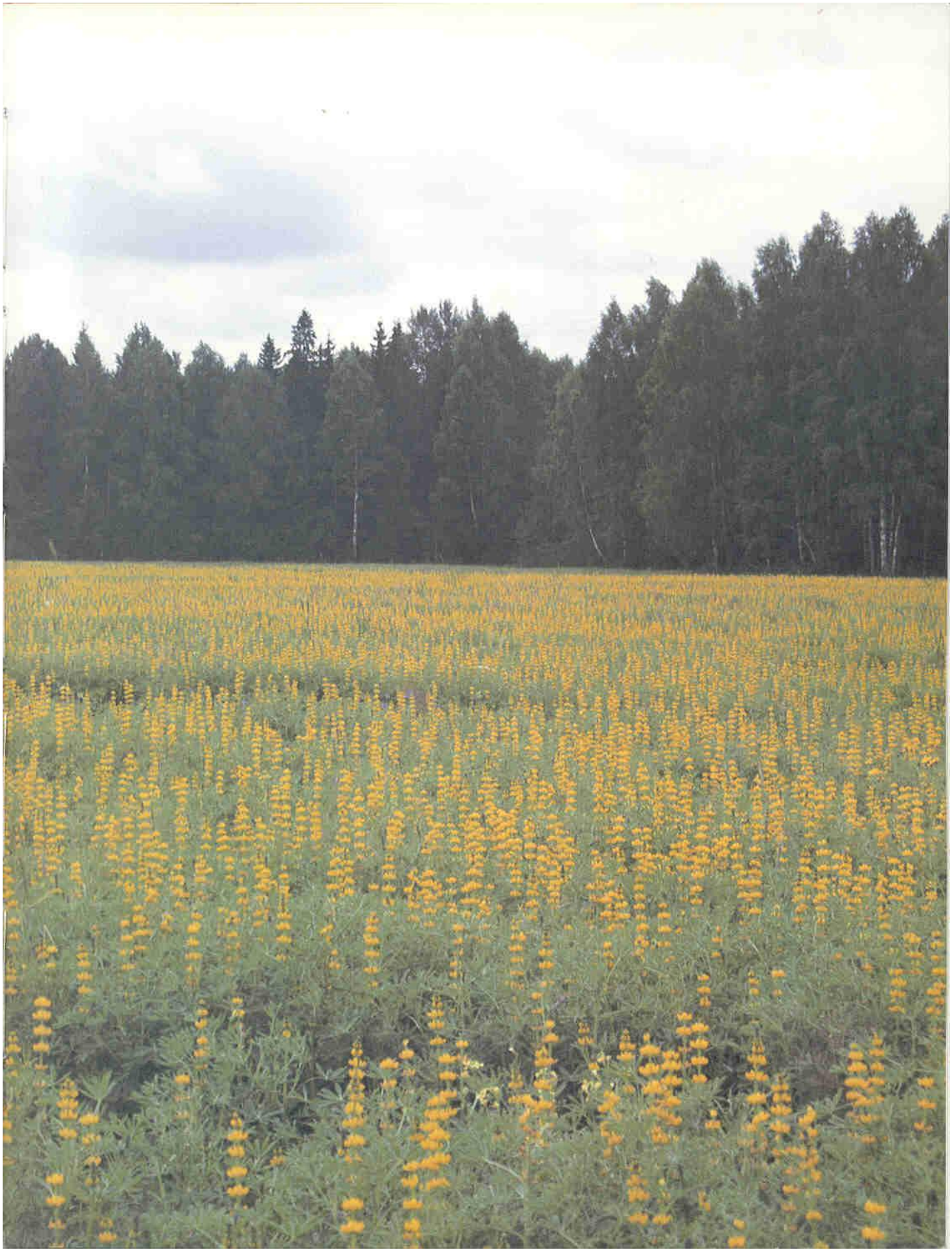
Хотя мы и видели множество свидетельств обитания бобров в виде их жилищ (слева), *сами они оставались упрямо невидимыми. Однако, в качестве компенсации, мы все-таки увидели группу черных аистов* (внизу), *пролетающих над рекой.*

Она описывала медведя так живо, что ее удивительные голубые глаза становились просто огромными. Итак, история продолжалась. Они пришли на следующий день, и нашли еще один улей разрушенным и опустошенным. Восхитительные соты были съедены, пчелы лежали на морозе, подергиваясь в предсмертных судорогах. Через день произошло такое же осквернение улья. Это было ужасно, потому что с таким успехом все их улья исчезнут. Школьники должны были положить конец пчеловодческой деятельности медведя – его нужно было застрелить. «Но, - запротестовал я, смотря на мою девочку в шляпе эпохи короля Эдуарда, - разве это был не русский медведь? Не ужасный ли поступок – убивать русского медведя?» «Да, - согласилась она, глаза ее были такие огромные, как само Средиземное море, - но нужно было сохранить ульи, а если вмешиваются медведи, то их нужно остановить»

Сейчас мы подошли к кульминации этого рассказа и все дети присоединились к повествованию так, что из-за шума мотора в старом автобусе и десяти пронзительных голосов, пытающихся рассказать нам, что произошло, нам потребовалось некоторое время, пока мы вникли в суть. Однажды ранним утром отряд устроил засаду в яблоневом саду. А когда на рассвете медведь по-борцовски прокладывал плечами себе путь к улью, неуклюже переваливаясь и сутулясь, единственная пуля завершила его жизнь. Но ликование было недолгим, потому что, когда обследовали тушу, обнаружили, почему этот медведь так пристрастился к меду. Это был старый медведь, такой старый, что потерял все зубы и поэтому больше не мог охотиться на оленя или другую дичь. Ему пришлось снизойти до мха и ягод и другой мягкой пищи до тех пор, пока он не открыл щедрый подарок ульев. Если бы ему позволили продолжать грабить ульи, это длилось бы не долго, так как затем его бы врасплох застигла суровая зима, и он умер в любом случае, потому что не смог отложить достаточный запас жира, чтобы обеспечить себя во время долгой зимней спячки. Возможно, поэтому застрелить его было милосердием. Но было грустно думать о беззубом восьмидесятилетнем медведе, грабившем ульи для того, чтобы есть мед ради выживания и так встретившим свою смерть.

На следующей странице: *Мы будем помнить весь Советский Союз из-за его богатства цветами, но никакое другое место не было так украшено ими как Березина. Цветы были повсюду, поэтому было боязно ступить, чтобы не повредить какой-нибудь сверкающий и хрупкий цветок. Поля желтых дикорастущих люпинов раскинулись так, что их нельзя было окинуть взглядом, и представляли собой красивое зрелище. На вкладках: пыльцеголовник красный* (вверху слева), *любка двулистная* (слева в центре), *иван-да-марья* (слева внизу), *арника горная* (справа вверху), *водосбор* (справа внизу).





Когда мы доехали до садов, дети описали нам, как заготавливается сено. Вначале, когда трава становилась достаточно высокой, поле, на котором росли яблони, косили старшие дети и учителя. Они были заняты работой в углу сада, и зрелище взмахивающих кос было восхитительным, лучше, чем любое зловонное механическое приспособление. Ритмические, почти как в балете, движения тела, плавный взмах лезвия косы, как будто резали шелк, и крепкий опьяняющий аромат скошенных трав и лекарственных растений были удивительны. Когда трава была скошена аккуратными рядами, младшие дети должны были поворачивать ее на солнце, чтобы она подвяла и просохла и ее могли увезти повозки и сложить в белесые стога сена.

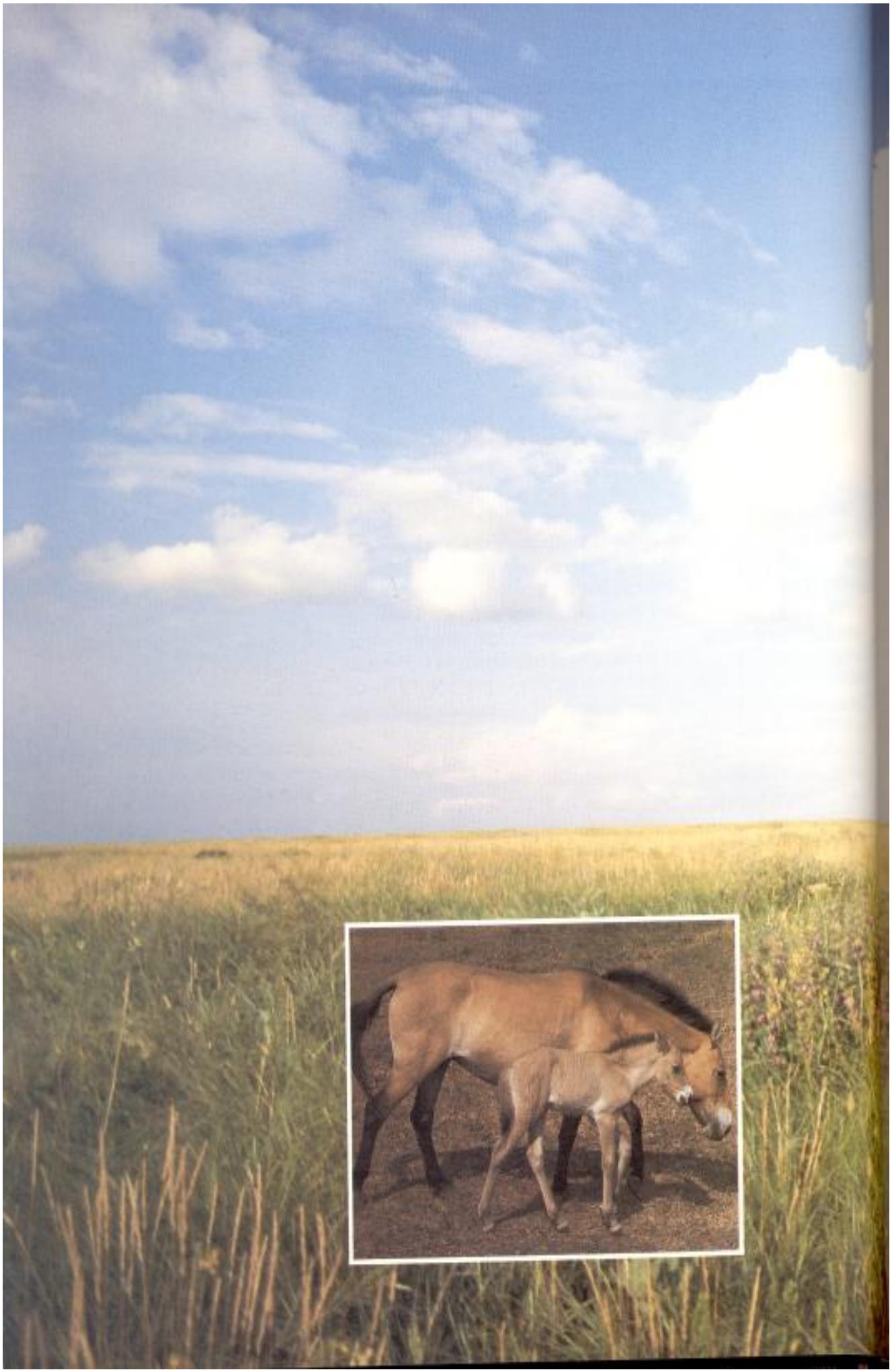
После того, как мы справились с нашим ароматным заданием перевернуть сено и отцепили колючки и жучков со своих брюк, мы взяли немного сена для детского зоопарка, чтобы покормить зубра и оленя, которые обрадовались свежему сочному корму. Затем, в сопровождении Любы, ботаника зоопарка, мы отправились разыскивать цветы в лесу, а дети бросились врассыпную перед нами, как охотничьи собаки, в поисках земляники для нас. В то время как мы жевали и испачкали рты земляникой, Люба нашла и показала нам сокровища в густо растущих под деревьями кустах – растения не только редкие и приятные взгляду, но и имеющие очаровательные названия: красный пыльцеголовник, к примеру, который был скорее фиолетовым, чем красным; любка двулистная («орхидея малая бабочка»), красивая белая и нежная, без сомнения получившая свое название из-за сходства с бабочкой, хотя на самом деле она опыляется молью. Затем был водосбор из семейства лютиков, высокий красивый фиолетовый цветок ни капли не похожий на канареечно-желтые лютики моей молодости, и арника горная (без сомнения лекарственная), которая выглядела как желтая маргаритка. Обращаясь к нашему маленькому путеводителю, я был поражен (уже не впервые) образным использованием названий, даваемых растениям ботаниками. Как бы нам хотелось, но мы не повстречали хохлатку луковичную, зубянку клубненосную, гладыш широколистный, тайник сердцевидный и многоножку обыкновенную. Я должен признаться, что было исключительным удовольствием увидеть редкие растения, и все они были очень красивые. Я полюбил простую сорную траву не просто красивую, а с которой связана следующая романтическая история. Трава эта называется Иван-да-марья. В середине стебля находятся крошечные желтые похожие на львиный зев цветы, а сам стебель начинался зелеными и заканчивался фиолетовыми и серебристыми листьями на верхушке стебля. Казалось, что два растения соединились в одном, а по легенде так оно и было. Давным-давно Иван да Марья (из двух разных деревень) безрассудно и безнадежно полюбили друг друга. Но, к сожалению, из-за злорадства царя, они не могли пожениться. Тогда они попросили бога соединить их после смерти, если им не суждено было быть вместе при жизни. И так они вернулись на землю обнимающимися цветами: Марья – как нежные цветы, Иван – как твердые, сильные зеленые, фиолетовые и серебристые листья.

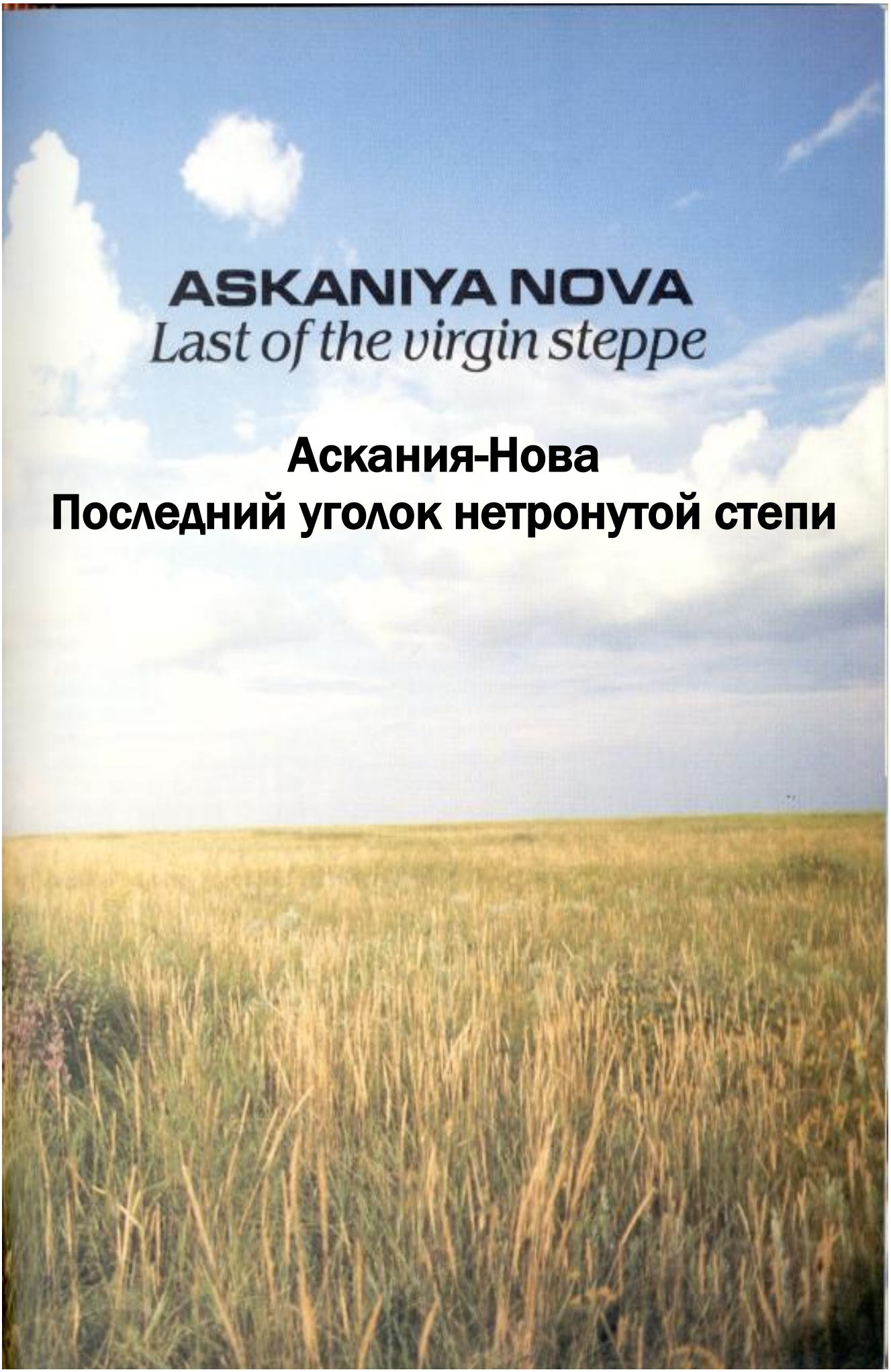
Мы замечательно провели время, как с цветами, так и с детьми. А когда мы вернулись в лагерь, нас ждала хорошая новость о том, что для нас было найдено еще одно доступное гнездо черного аиста. На следующий день ранним утром мы отправились в лес.

Мы посетили местную школу, ориентированную на охрану природы. Дети являются хозяевами собственной фермы. С ними мы отправились на сенокос в солнечные яблоневые сады.

Обычно эти птицы, будучи очень скрытными, гнездятся в самых недоступных местах. Но это гнездо, что достаточно странно, было всего в четверти мили от дороги. Земля в этом лесу была покрыта густым старым ковром ярко-зеленого и золотого цветов и на нем росли миниатюрные заросли черники, только поспевшей, которую мы ели по пути. Здесь в изобилии росли дикие цветы: одни как плетеные кружева, другие как желтые и белые наперстянки, еще одни ярко-голубые цветы выглядели как викторианские бархатные подушечки для булавок различных оттенков от фиолетового до винно-красного. Вскоре мы пришли на просеку. С одной стороны рос огромный ясень, и среди его ветвей на высоте сорока футов [20] было гнездо аиста.

Оно представляло собой громадную конструкцию глубиной примерно четыре фута и около шести футов в ширину [21]. Очевидно, что это было старое гнездо, которое с любовью достраивалось годами по мере наступления нового сезона выведения птенцов. Мы двигались осторожно вокруг дерева, пока не смогли разглядеть двух толстых птенцов, сидевших в гнезде. Они все еще были в грязном белесоватом пушке с длинными желтыми клювами. Они вглядывались в нас с высоты очень серьезно и несчастно, как будто все заботы мира свалились на их согнутые плечи. Они явно взирали на нас с некоторым подозрением, потому что, когда мы обходили дерево, они поворачивались в гнезде вслед за нами. После того, как мы понаблюдали за ними некоторое время, мы их покинули. Родни остался, чтобы попытаться снять родителей, а мы отправились по бриллиантовому ковру из мха к дороге, жуя по пути полные пригоршни черники.





Аскания-Нова
Последний уголок нетронутой степи

АСКАНИЯ-НОВА

Каким прекрасным должен был показаться этот район первым его поселенцам – просто покрывало из благоуханных и ярких цветов, распростершееся так далеко, насколько хватает взгляда.

Дорогой читатель! Не важно, живете Вы в Архангельске или Гродно, Риге или Ялте, Париже или Вашингтоне – Вас со всех сторон окружает природа, культурная или естественная, и она дорога каждому из нас до слез, ведь природа уникальна для каждого, ее вспоминают вдали от родины, вместе со счастливыми и радостными моментами детства, первой любви...»

Так очаровательно начинается глава английского путеводителя, посвященная самому известному заповеднику Советского Союза – Аскания-Нова, который расположен в степях Украины, и большую часть его 27 тысяч 500 акров [22] занимает последняя оставшаяся в первозданном виде степь в мире. История Аскании-Нова совершенно удивительна – Екатерина Великая хотела заселить своими подданными обширные пустые земли у Черного моря, и один юный, но абсолютно нищий немец Иоганн Фейн приехал сюда, выполняя указ выдающейся императрицы. Попытка наладить сельское хозяйство в этих отдаленных краях, где морозы зимой суровы и жестоки было действительно смелым начинанием, но, тем не менее, она удалась. Впоследствии семейство Фейн только процветало, и старший сын Иоганна, прикупив соседнюю ферму, назвал новые владения Аскания-Нова.

Его праправнук положил начало тому, чем занимаются в Аскании-Нова по сей день – здесь содержатся виды животных, почти исчезнувшие в России, созданы все необходимые условия для увеличения их поголовья. Сюда же привозят экзотические виды со всего света – не только для того, чтобы узнать на практике – смогут ли они успешно акклиматизироваться, но и стремясь улучшить отечественные породы, или (как случилось с восточноафриканской антилопой канной) вообще приручить их, переведя в ранг сельскохозяйственных животных.

Дела в заповеднике шли настолько хорошо, что сам Николай II посетил Асканию-Нова, и, несмотря на то, что во время данного визита его клюнула большая дрофа, семейству Фейн императором был присвоен аристократический титул, который, правда, не принес им счастья – после революции новоиспеченным буржуа пришлось покинуть пределы России. Их труд не был загублен – Аскания-Нова просто сменила владельцев и благополучно процветала и развивалась при новом строе.

До Одессы мы долетели вполне удачно, но зато долго ждали глиссер, с помощью которого надеялись добраться до следующего пункта нашего путешествия. Правда, меня это совсем не расстроило – взамен я получил великолепную возможность в деталях ознакомиться с воистину титаническим сооружением – знаменитой одесской лестницей, ступени которой спускаются к самой пристани, увековеченной русским кинематографом в эпической ленте «Броненосец Потемкин».

Наконец прибыл наш транспорт – довольно быстрое и очень комфортабельное судно, и уже в сумерках автобус повез нас через обширные поля необъятной степи. Было очень приятно видеть, что каждое поле заботливо защищено от ветров специально высаженными деревьями.

Мне давно хотелось посетить Асканию-Нова – я много читал и слышал о ней.

На предыдущей странице: *это последняя оставшаяся в первозданном виде степь во всем мире и* (на вкладке) *один из ее обитателей – лошадь Пржевальского.*

Первые экзотические животные, завезенные в Асканию-Нова в 1880 году с целью узнать – смогут ли они акклиматизироваться в степи. Многим видам это удалось – например, индийской антилопе нильгау, южно-американский ламе, африканской антилопе канна и лошади Пржевальского из Монголии.

Не знаю, что именно я ожидал увидеть, но процветающий городок с довольно внушительным административным зданием, блочными домами, где жили ученые и служащие заповедника, широкие улицы и великолепные розы украшающие их, - воистину стал для меня сюрпризом.

На следующее утро мы отправились в ознакомительную экскурсию – дабы определиться с объектами киносъемки, и в первую очередь нас интересовал непосредственно зоопарк. Аскания-Нова – действительно и зоопарк, и ферма в одном лице, и чтобы разобраться, что и кого вы видите перед собой, приходиться приложить определенные умственные усилия. Сперва вы встречаете чистокровную зебру, а через несколько минут мимо вас проходит нечто, похожее на вымершую квагу, словно частично собранный пазл, а в действительности это результат скрещивания современных лошади с зеброй.

Мы посетили зоопарк. Он оказался обычным, как и любой зоопарк маленького городка: с клетками, загонами, вольерами, озерцами и прудами. Но подбор видов в нем был изумительный. Здесь разводили группу журавлей – красавок очень изящных и стройных птиц, как и их птенцы.

Здесь было несколько великолепных, высокомерного вида лебедей – кликунов, и стоило нам войти в его вольер, как птица с громким криком, оправдывая свое название, весьма воинственно бросилась отгонять непрошенных гостей от стаи молодняка, словно собранных из множества желтых головок одуванчика.

Но самая красивая птица, которую я когда-либо видел, это, без всякого сомнения, большая дрофа.

Мы были удостоены чести посетить загон дроф и увидеть семь представителей этого вида – прекраснейшие птицы размером с индейку тут же окружили нас, беря из наших ладоней заранее припасенный хлеб. Брюшки у них беленькие, плавно переходящие в синевато-серый оттенок горлышка, шеи и головы.

В небольшом зоопарке Аскании-Нова содержатся многие виды животных. Надменного вида лебедь – кликун, самый большой из лебедей, очень грациозен, но на суше он напоминает человека, впервые обувшего резиновые сапоги. Численность птиц этого вида все уменьшается и сейчас их отстрел строго запрещен.

Среди экзотических птиц, находящихся в Аскании-Нова есть и этот фазан очень яркой раскраски (сверху). *Горный гусь* (справа) – *редкий вид в Советском Союзе.*

У самцов на щеках длинные серые перья – словно усы, а бока, крылья и хвост окрашены довольно ярко. Основной цвет варьируется от бронзового до бежевого, по нему пущены темно-серые и черные волны вперемешку с белыми пятнышками – словно рябь на морских волнах, омывающих песчаный берег.

Художник, которому удастся передать на холсте оперение дрофы во всем его великолепии, не упустив ни одной детали, - воистину мастер своего дела! На своем веку мне приходилось встречать самых разнообразных пернатых – от райской птицы до воробья, многие могли похвастаться причудливо окрашенным и ярким оперением, но ни одна из них не может сравниться с большой дрофой.

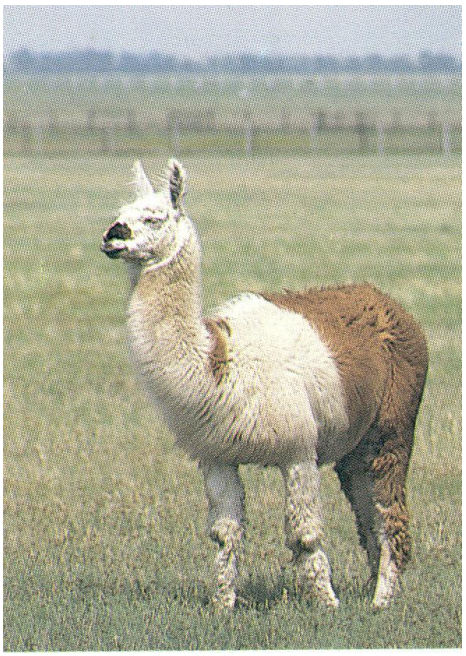
Окруженный этими великолепными птицами я чувствовал себя словно нахожусь не в вольере, а на великосветском рауте среди дам, разодетых в платья от Луи Феро. [23]

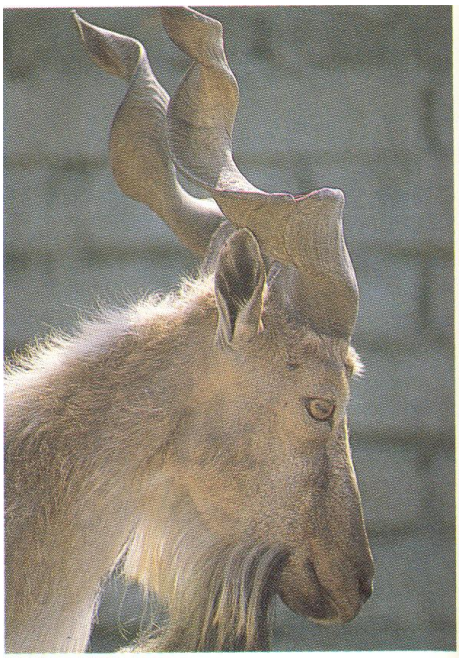
В Аскании-Нова пытаются вернуть дроф в исконное место их обитания – степь, где они были безжалостно истреблены охотниками, и откуда этих великолепных птиц вытеснило все расширяющееся сельское хозяйство.

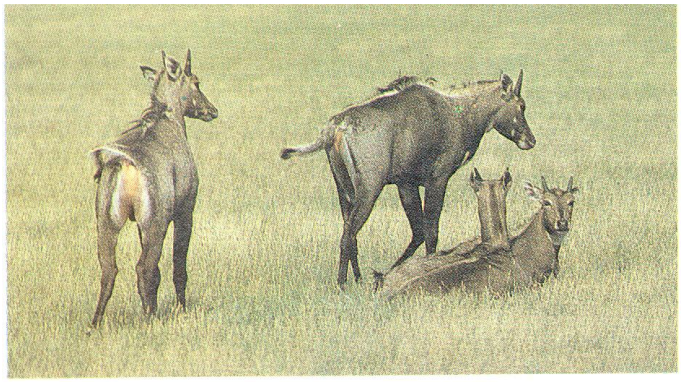
Начало колонии дроф положили найденные на пашнях и принесенные в заповедник гнезда – из уцелевших яиц вылупились пять птенцов. Еще двух птиц нашли совсем закоченевшими и обессилившими от голода прошлой зимой, особенно холодной. Их выходили и сейчас, полные сил и здоровья, бывшие страдальцы вовсю атаковали мешок, с помощью которого смотритель попытался заставить дроф принять наиболее выгодный для съемки ракурс – видимо птицы приняли мешок за сородича-чужака и принялись активно отстаивать свою территорию.

Как только мы вошли в вольер дроф, держа в руках щедрые подношения – ломти хлеба, нас тут же кинулась встречать женская половина семейства, прихорашиваясь на ходу и теряя перья изумительного окраса цвета осенней листвы, которые впоследствии триумфально украсили наши головные уборы. Несмотря на все старания спасти большую дрофу численность их неотвратимо уменьшается. Эти птицы наиболее уязвимы во время высиживания птенцов – гнездятся дрофы на открытых участках степи. Яйца и птенцы – легкая добыча для врагов – включая таких беспощадных хищников, как трактор и плуг.

Лама (справа) *при полном параде – белый верх и темный низ – бродит по степи с таким видом, словно ее чем-то обидели или сильно смутили. Родина ламы – Анды, и нет ничего удивительного в том, что она легко адаптировалась к холодам степи, а вот о нильгау* (ниже) *– родом из жаркой Индии, этого никто не ожидал, но ей это удалось очень хорошо. Мархур* (крайний справа) *– представитель большого семейства козлов, его отчизна – обширные горные цепи Центральной Азии. Замысловато закрученные рога мархура напоминают старомодные папильотки, накрученные на ячменном сахаре – так они лоснятся.*







Опустив крылья и расправив хвост подобно павлину – перья расправились с хрустом, какой издает накрахмаленное белье – и самцы атакуют мешок, клюя его похожим на куриный, только гораздо больше размером, клювом, испуская глубокие грудные звуки – словно барабанная дробь или даже скорее бренчание. С виду самец дрофы весьма свиреп.

Развитие сельского хозяйства вытесняет дроф с их мест обитания, но, будем надеяться, что благодаря Аскании-Нова эта великолепная птица будет и дальше украшать наш мир.

Вдоволь навосхищавшись большими дрофами мы вернулись к внедорожникам и отправились к следующему пункту нашего путешествия – участку степи, отведенному парнокопытным и крупным млекопитающим. Здесь в просторных вольерах живут индийские нильгау, горбатые бизоны с черной и курчавой шерстью, а также ламы, «одетые» в белые блузки и шоколадного цвета бриджи.

Слева: *элегантная красавица антилопа канна – характерная черта Аскании-Нова. Решение приручить ее было весьма дальновидно – вполне вероятно, что в будущем антилопа заменит крупный рогатый скот в тропических странах.*

Интересно, что североамериканский бизон (в центре слева) *прекрасно чувствует себя в степях Аскании-Нова, а леса Европы так и пришлись ему по душе.*

Внизу: *этому достойному представителю диких ослов – кулану, как и всем его сородичам, грозит полное исчезновение, но, благодаря всем принятым мерам по сохранению, число куланов успешно увеличивается в Центральной Азии.*

От полного исчезновения лошадь Пржевальского спасают только зоопарки. Сейчас находящихся в заповедниках животных пытаются вернуть в исконные места их обитания. Сородич монгольской лошади тарпан, степной житель, уже исчез с лица земли. Надеюсь, что лошадь Пржевальского не разделит его судьбу.

По соседству с ними проживают голубые белобородые гну, скользящие по траве подобно балеринам, издавая хриплое урчание, и довольно большая колония антилоп канна – на фоне шумных гну они выглядят довольно благонравно, настоящие аристократы.

Но больше всего меня интересовали кулан, известный также как дикий осел, и лошадь Пржевальского, или дикая монгольская лошадь.

Несколько куланов пробежали совсем рядом с нами – их гладкие шкуры сверкали на солнце, темные гривы косичками свисали вдоль шей. Некоторое время куланы бежали параллельно внедорожникам, затем животные свернули и вскоре пропали из виду.

Сейчас на территории Советского Союза почти не осталось куланов, но в Аскании-Нова они довольно неплохо размножаются.

Лошадь Пржевальского довольно коренастая, коричнево–серой раскраски. Вытянутая форма черепа придает ей неуловимый восточный оттенок. Грива темная, как у валлийского пони. Жеребята появляются на свет нежно-коричневого цвета, к двум годам их окрас становится таким же, как у взрослых лошадей.

Эти замечательнейшие лошади впервые были описаны знаменитым русским исследователем Пржевальским в прошлом веке. Численность, когда–то широко распространенной монгольской лошади, сейчас сократилась из-за столкновения с прогрессирующим сельским хозяйством и конкуренции с домашним скотом. Диких лошадей Пржевальского в природе больше не существует (хотя ходил слух о небольшом диком стаде) но, к счастью, они еще сохранились в советских, европейских и американских зоопарках.

Пока мы были в Аскании-Нова, в Москве прошла конференция с участием представителей зоопарков Америки, Европы и знаменитого британского зоопарка Марвелл, где сохраняется большое стадо этих лошадей. Целью съезда стала совместная работа по возвращению живущих в заповедниках и зоопарках всего мира монгольских лошадей в подходящий для этого район Монголии. Сотрудничество государств в гонке вооружений не стало успешным, быть может, объединенные усилия в работе с лошадьми Пржевальского будут более плодотворными.

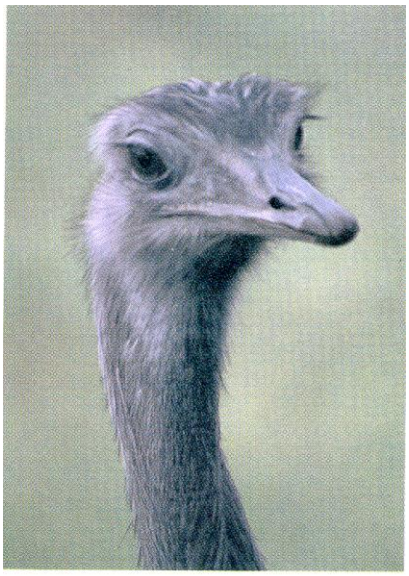
В Аскании-Нова два стада – одно состоит из шести холостых жеребцов, в другом царит пожилой конь, окруженный десятком или дюжиной кобыл плюс их детишки.

На второй день съемок нам представился случай увидеть, насколько лошади Пржевальского могут быть жестокими в битве. Один из холостых жеребцов во время кормления решил потягаться со своим пожилым сородичем за право на внимание женской половины. Не знаю, как долго длилось сражение, но к нашему приезду оба уже были совсем разъярены, а их шкуры лоснились от пота, бока и плечи были испещрены глубокими ранами. Кровь заливала землю, противники визжали, лягали друг друга и кусали. Кобылы и жеребята взирали на схватку с неподдельным изумлением, смущенно перебирая ногами и кружа вокруг борцов, попадая под брызги крови. Казалось, что схватке не будет конца – до тех пор, пока один из бойцов не будет убит.

Но тут происходящее заметил один из смотрителей, он вскочил на лошадь и бросился к соперникам, вооружившись бычьим кнутом, с помощью которого умудрился развести соперников – окровавленных, но не сдавшихся.

Послеобеденное время мы посвятили съемкам других обитателей Аскании-Нова – ведь, кроме лошадей Пржевальского и куланов здесь разводят обыкновенных животных – таких, как африканский страус, южно-американский нанду и австралийский эму – их потом передают в советские зоопарки. По-моему, здорово придумано – ведь так не уменьшается истинно «дикое» поголовье.

Первым мы решили запечатлеть африканского страуса – его оперение весьма элегантно, мышцы бедер мощны, как у танцовщика балета, а движения очень грациозны – короче говоря, африканский страус просто неотразим. Затем чести принять нас была удостоено семейство эму – папаша эму и его одиннадцать цыплят. Папа эму, по всей видимости, нашему вторжению был не совсем рад. Пол, наш режиссер, за работой погружается в своеобразный транс и перестает замечать все, что с процессом снятия фильма не связано, так что он не придал значения сердитым взглядам отца семейства и решил приблизить камеру к детишкам.



Африканский страус весьма специфичная птица, что по внешнему виду, что по повадкам. Его мощные голые ноги такие же сильные, как у балерины; большие, словно затуманенные глаза, и клюв будто растянут в смущенной улыбке.

Эму – австралийский двойник африканского страуса. Глядя на эту немного курьезного вида птицу трудно поверить, что она способна выпотрошить вас одним ударом лапы, как только что попытался сделать с нашим режиссером папа-эму, защищая своих птенцов от вторжения нашей группы.

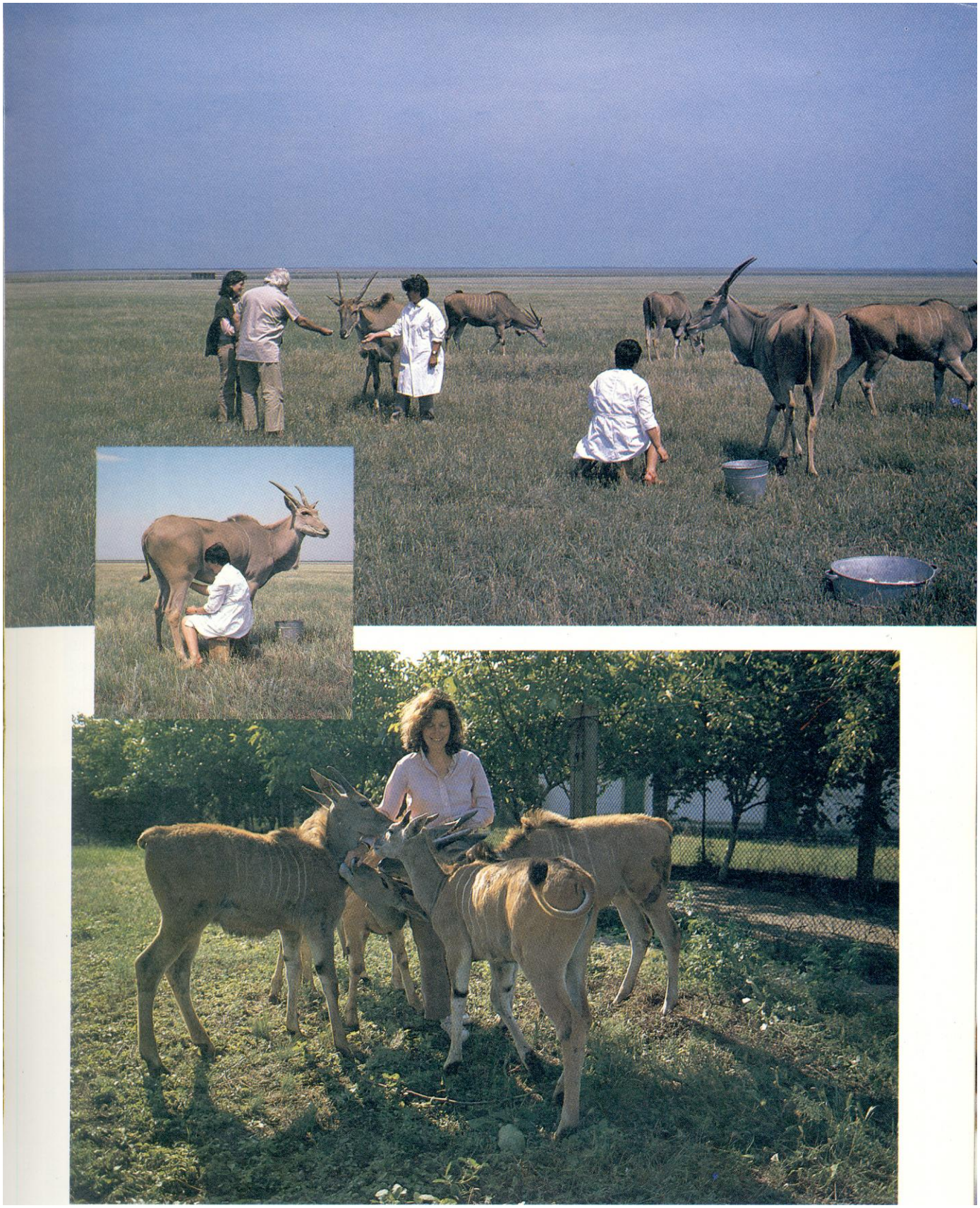
Напротив: *нам так и не удалось уговорить антилоп канна выстроиться в правильный круг. К большому огорчению служительниц заповедника, животные вели себя совершенно неуправляемо* (вверху). *В конце концов с помощью всевозможных ухищрений одна из них все же согласилась дать подоить себя* (на вкладке), *а Ли совершенно покорили детеныши антилопы* (внизу). *Когда пакет молока опустел, они принялись сосать ее пальцы в надежде добыть из них еще немного провианта, и вскоре они совсем вытеснили Ли из вольера и нам пришлось просто-таки отбивать ее от детенышей.*

Этого старший эму уже не вынес, и, безошибочно определив в Поле вожака группы надоедливых людей, внезапно бросился на нашего режиссера, сильно пнув. Каждый из нашей команды в свое время мечтал хорошенько пнуть Пола, но не делали этого по причине отсутствия достаточного мужества (у меня так точно), и пернатый друг показал нам, как же это все-таки делается. Мы прекрасно знали, насколько может быть опасен удар этой бескрылой птицы – эму вполне способен выпотрошить вас одним ударом когтистой лапы, поэтому негодующий папаша был выдворен прежде, чем он смог выбрать новую мишень и причинить ей какой-либо вред. Полу повезло – эму немного промахнулся и ударил его в бедро – довольно болезненно, но зато без таких ужасных последствий, какими бы они могли быть при более удачном пинке. Меня это несколько расстроило, ведь я всегда мечтал дирижировать хором мальчиков – сопрано, о чем тут же и сообщил Полу, получив в ответ убийственно ледяной взгляд.

Следующими мы хотели заснять антилоп канн – как их доят. В Аскании-Нова проводят очень интересное исследование по приручению этих крупных и элегантных антилоп, мясо их очень вкусное, а молоко обладает многими полезными свойствами – оно способствует скорейшему лечению от туберкулеза, гастрита, язв желудка и помогает быстрее заживлять раны животных.

Даже на самый предвзятый взгляд выгода исследования несомненна. Например, разведение антилоп в саваннах Африки вместо коров, на которых там просто жаль смотреть, настолько они тощие. К тому же у антилоп канна (опуская их эстетичные в сравнении с коровами внешние данные) есть иммунитет к укусам мухи цеце, тогда как коровы им похвастаться не могут. Да, попытки приручить антилоп канна могут принести в будущем много выгоды для сельского хозяйства тропических стран.

Доят антилоп не в стойле, а в загоне, устроенном прямо в степи, где животные могут спокойно пастись.



Вверху: *путешествие по степи ранним утром, когда растения и животные только пробуждаются к жизни - совершенно незабываемое впечатление. Каждый шаг лошади вызывает фонтанчик росы, а запах свежераздавленных цветов и трав просто ошеломляет.*

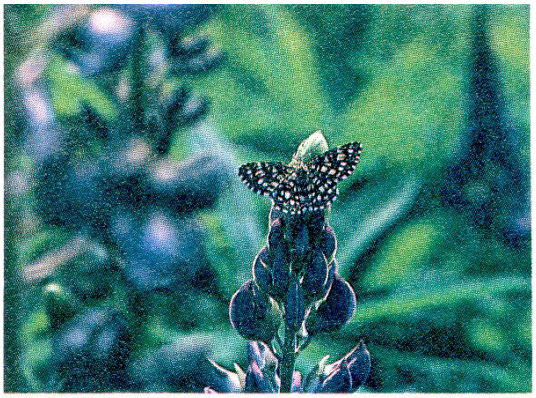
Служащие предупредили нас об опасности резких движений и шума – антилопы очень пугливы. Проникнувшись наставлениями и вооружившись камерами наша группа на цыпочках прошла в загон, переговариваясь исключительно шепотом – в общем, мы из кожи вон лезли дабы сохранить нервную систему наших будущих звезд экрана в сохранности. И вот мы уже на месте, и две служительницы приготовили ведра для молока и разложили угощение – ломти хлеба, в торжественной тишине открываются ворота загона.

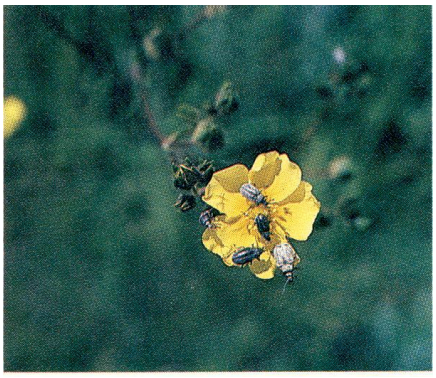
За два часа ожидания мы успели вообразить появление антилоп во всех подробностях – вот робкие создания показываются из ворот, видят нас и прячутся обратно – до тех пор, пока не наберутся достаточно мужества рискнуть снова выйти, дрожа, осторожно, медленно, готовые бежать в любой момент, пугаясь каждой тени, шарахаясь каждого звука... Ничего подобного! Только ворота открылись, как антилопы ворвались внутрь, словно толпа учеников из школы, глаза их горели любопытством, ведра опрокинуты, зерно рассыпано, припасенный хлеб расхватан в доли секунды и вот уже они рванули обратно, по пути хорошенько дохнув на камеру, так что объектив запотел и ни о какой съемке не могло быть и речи. Потребовалось немало времени и взяток из уцелевших от расхищения ломтей хлеба, прежде чем служительницам удалось успокоить животных и выстроить их в круг – конечно, кругом это можно было назвать с большой долей воображения. К этому моменту антилопы были уже настолько возбуждены, что ни о какой дойке и слышать не хотели – они вовсю пинали друг друга, бодались и старались стащить у соседей хлеб. В конечном итоге нам удалось буквально выцедить капельку молока из одной из антилоп, но для фильма это явно не годилось, да и сам процесс съемки явно действовал животным на нервы. Зато на следующий день антилопы были просто душки и, нам удалось заснять процесс доения. Полученное молоко мы охладили в холодильнике и попробовали позднее – оно густое, жирное и немного сладкое.

Внизу: *повсюду, где только можно было видеть невооруженным взглядом, светились паучьи сети.*

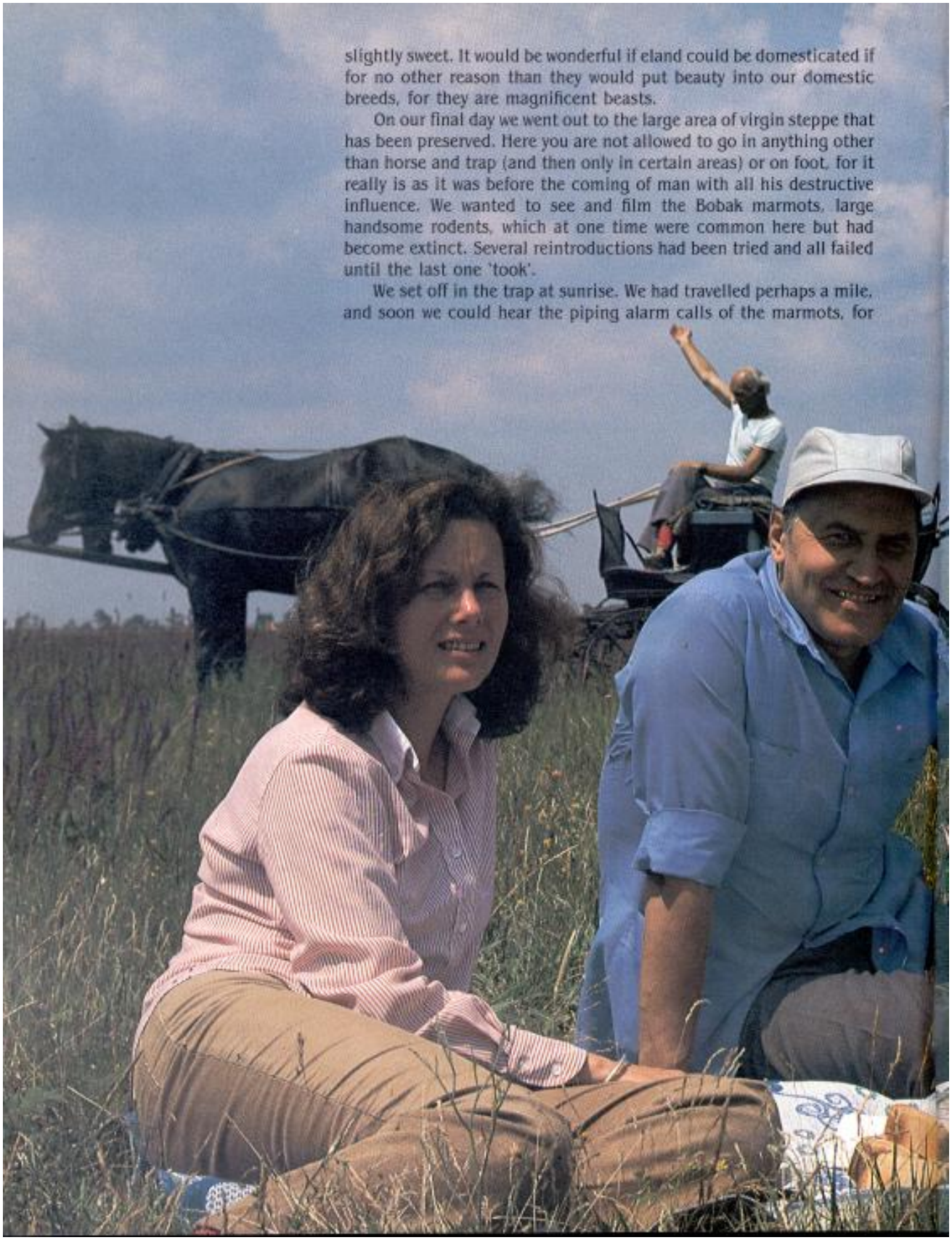
Взошло солнце, подняв покровы тумана над степью подобно театральному занавесу и на сцену вышли самые разные актеры – сурок байбак (вверху слева) *– сейчас в степи встречается очень редко, с виду очень величественен, совсем как член городской управы с завидной заработной платой; крошечная зеленая жаба* (вверху) *– ее кожа словно атласная и усеяна зелеными, красными и желтовато-коричневыми пятнышками.*

Тонкие стебли ковыля и цветы словно искрятся под лучами восходящего солнца. Ковыль находится под угрозой исчезновения и, вполне вероятно, степь – единственное место в мире, где его еще можно встретить.





В степи насчитывается 450 видов растений, но они также недолговечны, как снег. Многокрасочная весной степь летом выцветает под лучами солнца до однообразно желтого цвета, цветы вянут, а трава становится жесткой и хрустящей, как тосты. Нам больше всего понравилась крошечная акация с тяжеловесным громоздким названием гониолимон татарский (на странице напротив).



slightly sweet. It would be wonderful if eland could be domesticated if for no other reason than they would put beauty into our domestic breeds, for they are magnificent beasts.

On our final day we went out to the large area of virgin steppe that has been preserved. Here you are not allowed to go in anything other than horse and trap (and then only in certain areas) or on foot, for it really is as it was before the coming of man with all his destructive influence. We wanted to see and film the Bobak marmots, large handsome rodents, which at one time were common here but had become extinct. Several reintroductions had been tried and all failed until the last one 'took'.

We set off in the trap at sunrise. We had travelled perhaps a mile, and soon we could hear the piping alarm calls of the marmots, for

Было бы просто замечательно, если бы антилоп канна удалось приручить – нет причин, по которым это великолепное животное не может занять достойное место в ряду одомашненных животных.

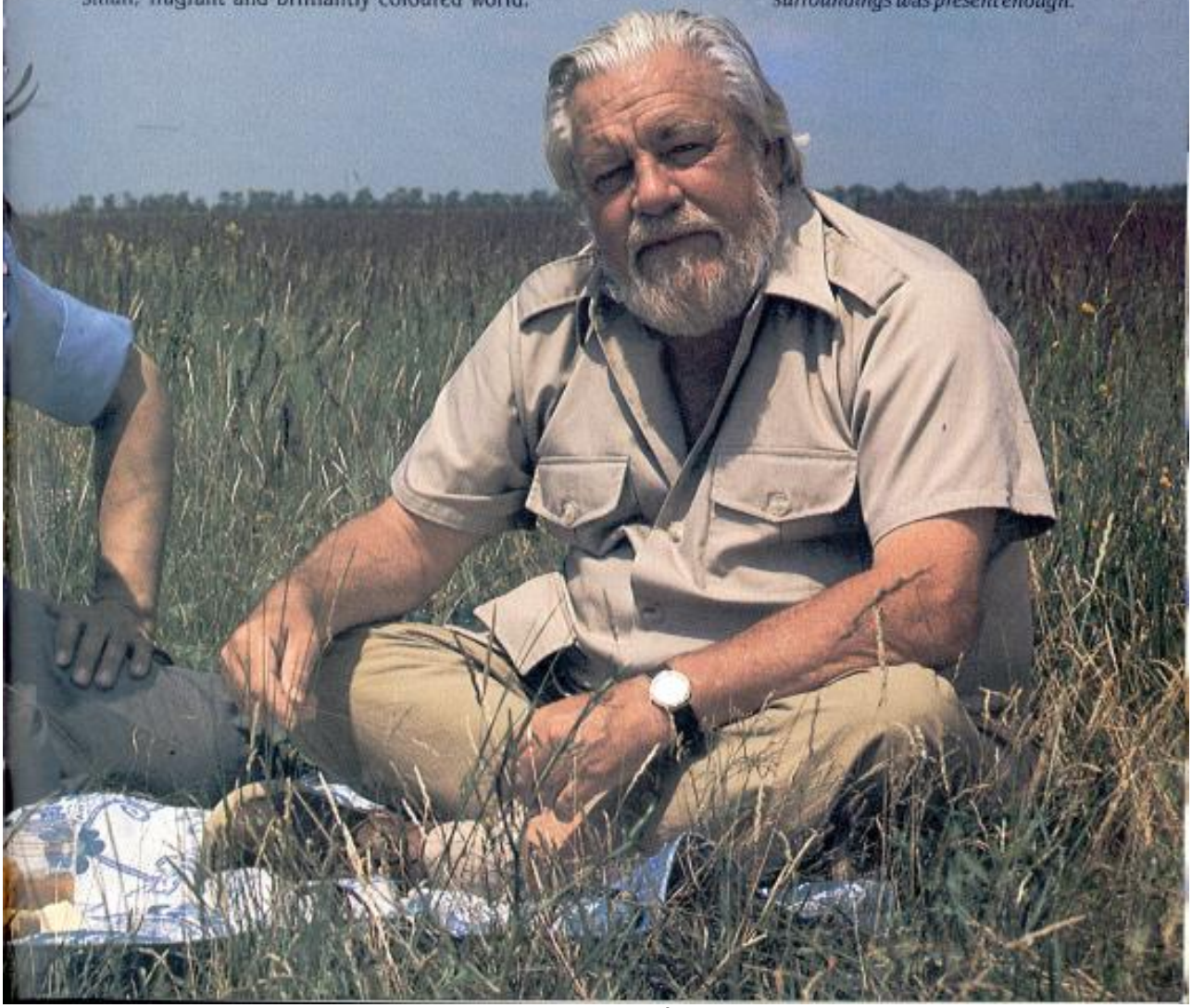
В последний день нашего пребывания в Аскании-Нова мы отправились на большой участок степи, который до сих пор находится в первозданном виде, как будто человечества на нашей планете до сих пор нет, - здесь невозможно проехать ни на лошади, ни на каком другом средстве передвижения, а кое-где и вовсе не пройти пешком. Нам хотелось снять сурка – этого большого и красивого грызуна, почти исчезнувшего с лица земли. Были попытки вернуть сохраненных особей в исконные места их обитания, но все они закончились провалом, успех был достигнут лишь здесь.

Мы выехали на рассвете и успели проехать, наверное, около мили, когда услышали встревоженный писк сурков

though we could not see them – nor they us – they could hear our approach. When we got close to their burrows we abandoned the trap and moved cautiously forward. As the sun warmed the mist, the steppe started to come alive. Mantids, moths, butterflies and spiders drying out from their night's dew-drenched sleep started to move amongst the resplendent tapestry of flowers.

Suddenly the sun pulled up the curtain of mist near us, and there was the marmot township and, sitting at the door of one of the burrows, its fat, prosperous owner, a handsome creature, a rich chestnut-brown on the back and with a pale yellow tummy. He was soon joined by his mate and they both sat bolt upright regarding us with suspicion. However, as we made no move they soon relaxed and started feeding. Presently their babies emerged and started to feed, clean their faces and occasionally break off from these important duties to practise a little judo. We watched and filmed this enchanting family for some time and then, with reluctance, we retraced our way over the steppe, feeling we ought to bend down and apologise to the inhabitants of each plant for our Gulliver-like intrusion into their small, fragrant and brilliantly coloured world.

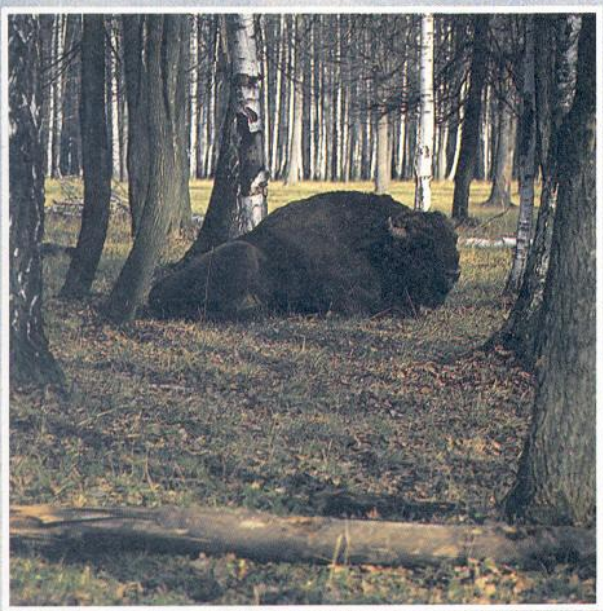
Nick Drozdov joined us at Askaniya Nova, and on the last day we had a picnic on the warm, flower-scented virgin steppe where the insects were having a feast among the blooms around us. For once Nick had not got his Gladstone bag full of presents with him, but just having him with us in such enchanting surroundings was present enough.

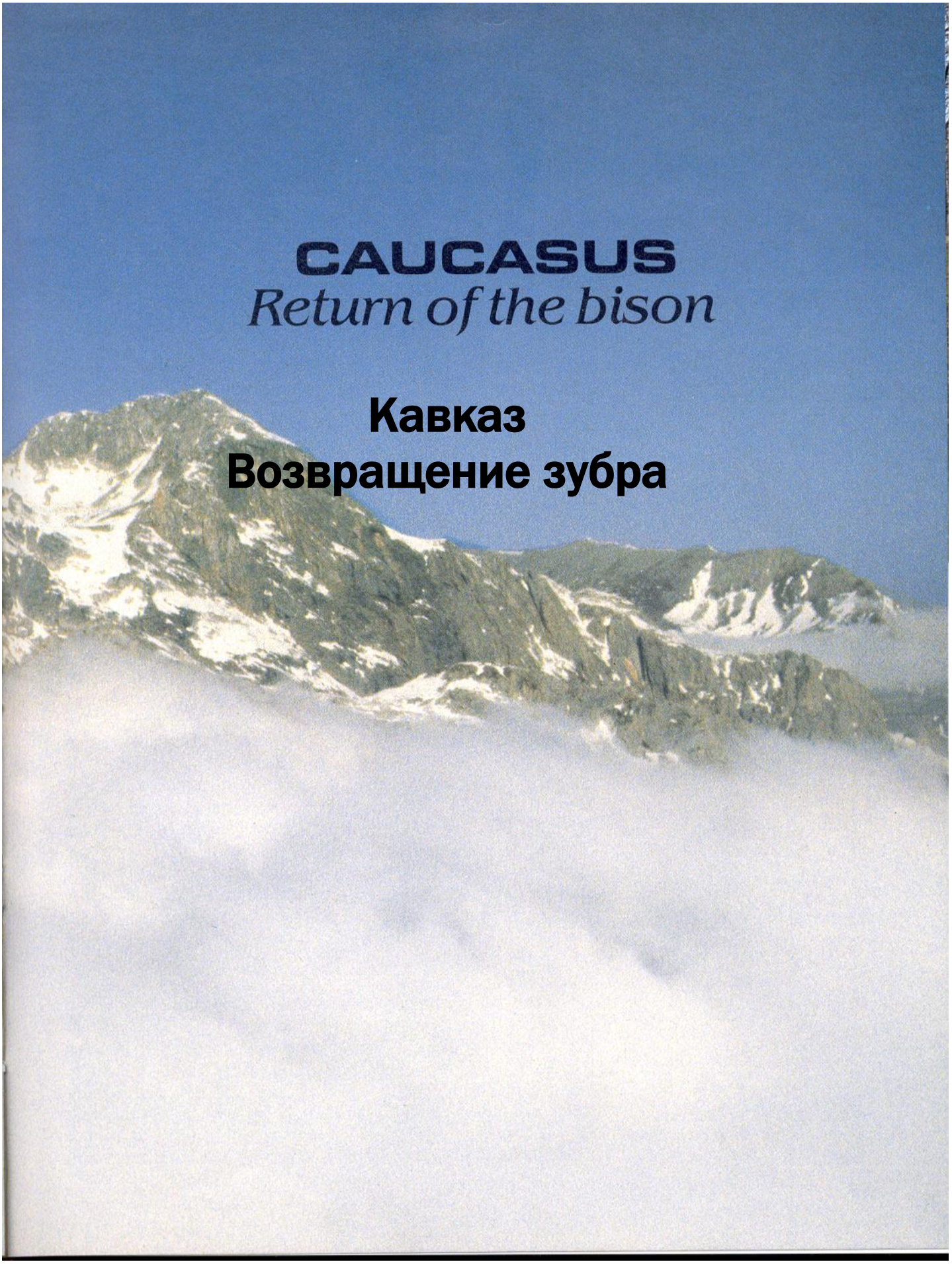


– хотя ни мы не видели их, ни они нас, животные могли слышать наше приближение, поэтому к самим норам мы подбирались пешком. Солнце развеяло туман и степь начала пробуждаться ото сна – богомолы, бабочки и пауки покинули свои затопленные росой ночные убежища и дополнили собой великолепный цветочный ковер. Лучи солнца выхватили из тумана совсем рядом с нами целое поселение сурков и сидящего у входа одной из норок ее упитанного симпатичного и на вид вполне довольного жизнью владельца. Бока зверька каштанового оттенка, брюшко светло-желтое. Вскоре к сурку присоединилась его супруга и они вдвоем уставились на нас с большим подозрением. Мы сидели тихо, как мышки, поэтому через какое-то время супружеская пара расслабилась и принялась за завтрак, а еще чуть позже к родителям присоединились детишки, составив им компанию за столом и чистя мордашки, периодически отрываясь от этих важных занятий чтобы немного поупражняться в дзюдо.

Сняв это очаровательное семейство на камеру, мы с неохотой отправились в обратный путь через степь, испытывая желание беспрестанно извиняться перед каждым ее жителем и растением за свое вторжение Гулливеров в их миниатюрный благоуханный и раскрашенный яркими красками мир.

Николай Дроздов присоединился к нам в Аскании-Нова и в последний день пребывания в заповеднике мы устроили пикник прямо в степи, в окружении цветов, ставших банкетными столиками и для насекомых. В этот раз Николай был без своего портфеля, полного сюрпризов, но само его присутствие в этом прекрасном месте стало для нас настоящим подарком.





Кавказ
Возвращение зубра

После пребывания на морозе в горах, было чудесно очутиться в теплом городе Тбилиси, столице Грузии, где на рынке можно было купить такие экзотические фрукты, как гранаты, красные, словно солнце зимой, и сладкие, словно мёд.

Предыдущая страница: *Кавказские горы и* (на вкладке) *зубр.*

КАВКАЗ

Мы совершили одну из наших первых вылазок за пределы Москвы в питомник по разведению зубров. История этого величественного животного – отличный пример того, как можно сохранить вид от вымирания посредством разведения в неволе. Когда-то зубры наполняли леса Европы и России, но постепенно из-за чрезмерно активной охоты и разрушения среды обитания их количество сократилось настолько, что в начале этого века зубров можно было найти лишь в Беловежской пуще в восточной Польше и на нижних склонах Кавказских гор. Ужасные трагические события Первой мировой войны и ее последствия истребили оставшихся зубров к 20-ым годам XX века. К счастью, эти прекрасные животные сохранились в неволе, и в 1923 г было создано общество по их защите и разведению. Постепенно их количество возросло, и в 1950-х годах этих зубров вновь заселили в Беловежской пуще. Правительство Советского Союза решило, что животные должны обитать и в южных регионах их прежнего ареала, и в 1940-х годах недалеко от Москвы под руководством Михаила Заблоцкого был создан зубровый питомник.

Мы ехали в питомник сквозь бесконечный заснеженный березовый лес. Деревья были массивными. Их изящные голые ветви, ниспадающие, подобно брызгам фонтана, черным кружевом виднелись на горизонте. Их огромные серебряные стволы с черными пятнами (непохожими друг на друга, точно отпечатки пальцев) напоминали миллионы далматинцев на снегу. Было невероятно холодно, но небо было голубое и светило солнце, заставляя атласную березовую кору блестеть, как свежелакированную. Хвойные деревья, изредка попадавшиеся на нашем пути, были цвета темно-зеленого сукна со снежными шапками на ветвях. В питомнике нас встретил господин Заблоцкий со своей дочерью Мариной. Они посвятили нас в программу по разведению животных. Пятьсот из 12000 акров [24] общей площади заповедника отведены под разведение зубров. Для этого оставлено всего семнадцать животных, а потомство, достигшее двухлетнего возраста, отправляется на Кавказ или же Карпаты. Прибывших животных селят к двухлеткам из других питомников Советского Союза, а поздним летом небольшими стадами выпускают на волю. Лесничий должен наблюдать за стадами, чтобы узнать, как животные пережили первую зиму. Благодаря этой программе по разведению в советских горах в настоящий момент живет около 1000 зубров.

Затем мы отправились к загону, чтобы посмотреть на зубров. Мы были рады увидеть в соседнем загоне бизонов. Так мы могли сравнить два вида. Бизон – это крупное животное с горбатой спиной, покрытой вьющейся шерстью, а также с широкой и массивной головой. Зубр, напротив, будучи лесным, а не степным животным, более стройный и элегантный. У него длинные ноги, голова и тело не такие массивные, как у американского сородича.

Разведению и расселению зубров на территориях их прежнего ареала Советскому Союзу сопутствовал невероятный успех. Если вы завтракаете в лесу, а эти величественные животные решили к вам присоединиться, они оказали вам невероятную честь, даже если это означает, что вам придется взбираться на дерево, в то время как зубры будут есть ваши бутерброды.

Мы вошли в загон к зубрам, и, хоть и с некоторой настороженностью, они позволили нам приблизиться на расстояние трех - трех с половиной метров, в то время как сами жевали сено, глубоко и тяжело вздыхая. Снег хрустел под копытами, когда они двигались. Время от времени животные издавали приглушенный, похожий на бульканье, крик схожий с тем, который издает корова, страдающая тяжелой формой ларингита. Заинтригованная Ли поинтересовалась: одинаковые ли звуки издают зубры и бизоны.

«Не совсем, - ответила Марина, - у зубров звуки намного печальней». Он представился мне одним из тех обреченных героев из некоторых наиболее депрессивных и психологических русских романов, в которых каждый, кажется, оканчивает свою жизнь самоубийством в амбаре. Полюбовавшись небольшим стадом в загоне поменьше, мы перешли к стаду побольше в загоне размером 125 акров [25]. Животные, конечно, исчезли в зарослях леса, но вскоре появилась очень полная, кровь с молоком, женщина с большим рогом для привлечения внимания. Надув щеки и нахмурившись, она подула в этот рог, издав ряд гулких звонких звуков, и вскоре – к счастью до того, как ее хватил удар от этого занятия – появились зубры, вяло пробираясь сквозь деревья и фыркая в надежде на угощенье.

Молодых зубров поместили в специальные ящики и погрузили в огромные грузовики для транспортировки на расстояние около 2000 миль [26] в дикие горы Кавказа. Если бы мы сопровождали зубров во время этого длительного путешествия к свободе, то отняли бы чересчур много времени в нашем плотном графике. Так что мы отправились дальше и прилетели в Сочи, замечательный курортный городок на берегу Черного моря, который благодаря своему прекрасному климату называют Ривьерой Советского Союза.

Различия между бизоном и зубром очевидны, если рассматривать их рядом: бизон (справа) *гораздо крупнее; его спина и голова намного массивней. А зубр* (на следующей странице) *- более стройный и изящный.*

Животных, выращиваемых здесь, в Московской области, перевозят на расстояния в тысячи миль, чтобы заселить в лесах Кавказа и Карпат.

Мы отправились в Кавказские горы, чтобы увидеть, как осуществляется программа по разведению зубров.

Здесь вместе с горой нашего оборудования мы очутились в большом вертолете с четырьмя пилотами, которые доставили нас в горы на расстояние полусотни километров. Нас встретил Анатолий, главный лесничий и наш гид. Это был человек крупного телосложения с добродушной улыбкой, на которую обязательно хотелось улыбнуться в ответ. Он занимался тем, что неделями жил в горах в одиночестве, нося дом, в прямом смысле на своих плечах, как улитка, и наблюдал за животными. Он милосердно смотрел на нас, словно на детей, немного задержавшихся в развитии. По-английски он говорил очень плохо, но с таким энтузиазмом, что можно было уловить его мысль. «Ли, Джон, - бывало со вздохом говорил он, когда мы зажигали сигареты, - не курите, не курите, курить плохо».

Это был прекрасный полет. Мы летели не слишком высоко и могли любоваться пейзажем. Горы покрывали деревья, зеленые, желтые, багряные и оранжевые, но их вершины были окутаны снегом. Из скалистых пород, подобно складкам на батистовой ткани, струились водопады, а в полях виднелись реки, сверкающие янтарем. Изредка мелькали зеркальные поверхности горных озер. Ниже нас летели стаи голубей, словно конфетти, рассыпанное над долинами. В конце концов мы приземлились в красивой долине. Лопасти нашего вертолета сдули сухие тополиные листья, посыпавшиеся золотым дождем. Мы устроились в большом каменном гостевом доме с огромными холодными спальнями и гостиной, похожей на пещеру, но, к счастью, отапливаемой дровяным камином. Здесь мы оттаяли, так как в вертолете не было отопления и мы окоченели от холода. Наше оборудование вытащили из вертолета, и мы вновь сели в него и отправились в путь в поисках зубра.

Мы поднимались всё выше и выше. Лес сменился обширными снежными равнинами, сверкающими, точно сахарный песок на солнце. Неожиданно вертолет снизился и накренился. Мы поняли, что пилот заметил шесть серн, скачущих, словно марионетки на веревочках, по снегу и скалам. На их головах возвышались рога в форме перевернутого наоборот вопросительного знака. Десять минут спустя мы увидели четырех горных козлов или, как их здесь называют, туров. Они были не такие проворные, как серны, но всё же это были красивые животные с длинными изогнутыми рогами, похожими на ятаганы. Всё это очень взбудораживало, и с камерами и биноклями мы носились из одной части вертолета в другую, выкрикивая друг другу инструкции и описывая увиденное, но не обращая друг на друга внимания.

Затем мы развернулись и полетели в направлении дома, разочарованные, что не увидели ни одного зубра. Но через полчаса, когда мы пролетали над огромным заснеженным склоном, прямо в центре которого находилось то, что с первого взгляда можно было принять за огромные коричневые пласты горных пород, вышедшие на поверхность. Наш пилот снизился, и мы увидели, что это было стадо скачущих зубров, около тридцати животных, коричневых, точно каштаны. Наш пилот наспех посадил вертолет, и мы выскочили из него на снег, чтобы последовать за зубрами и попробовать их заснять. Снег был по колено глубиной, что мешало передвигаться нам, но не животным, у которых ноги были длиннее. Мы бежали следом, тяжело дыша, - высота неблагоприятно влияла на нас, и, в конце концов, прибежали к крутому подъему, на котором не было деревьев, что позволило нам сделать несколько фотографий убегающих зубров, но бежать следом мы уже не могли. Так что, удовлетворенные своими успехами, мы полетели домой, где нас ожидал богатый ужин, заправляемый водкой.

На следующий день мы хотели увидеть и заснять тура с земли, поэтому отправились в горы на паре внедорожников.

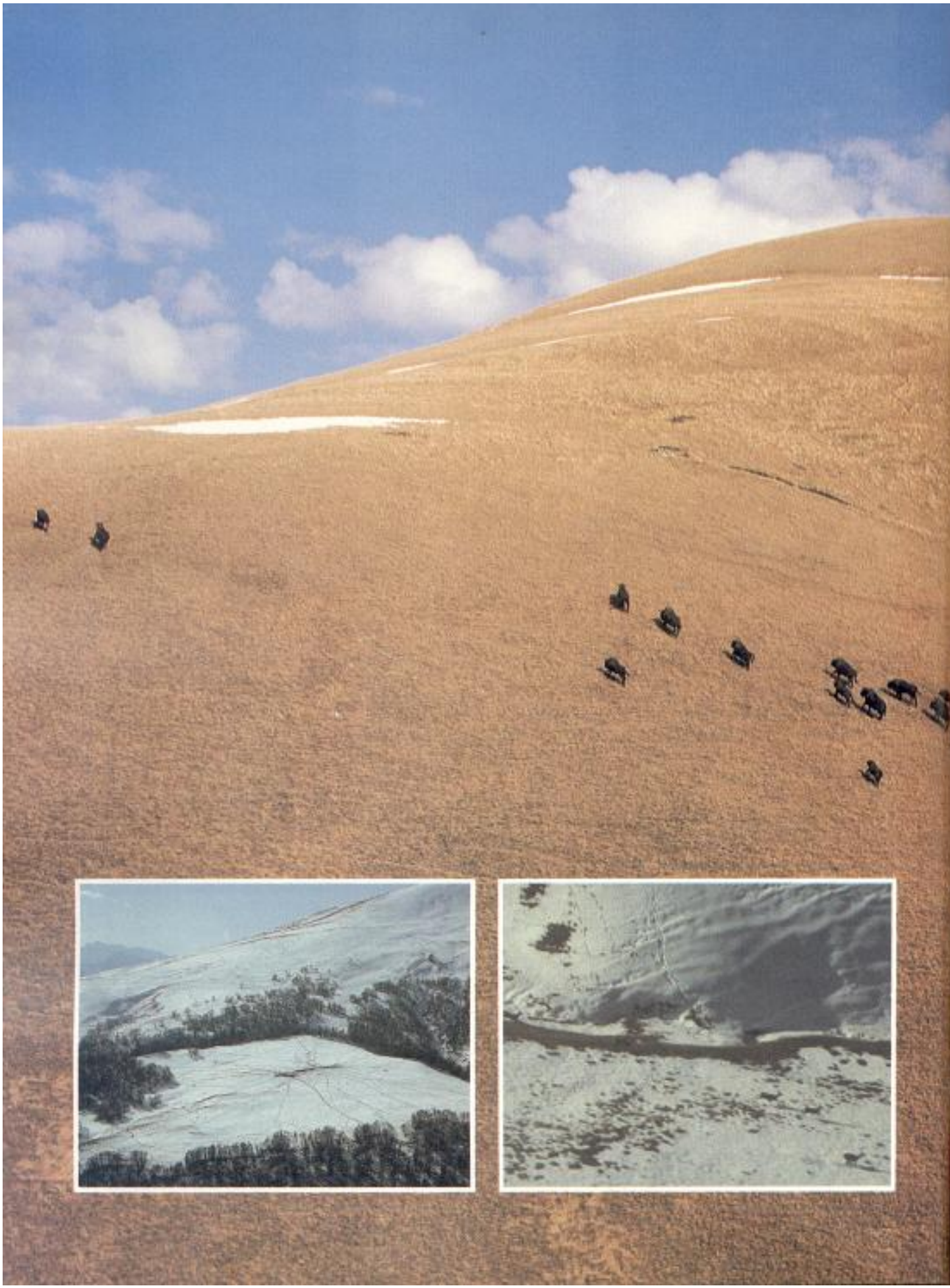
Прибыв в горы, мы продолжили своё путешествие на вертолете. Таких захватывающих ландшафтов я ещё никогда не видел.

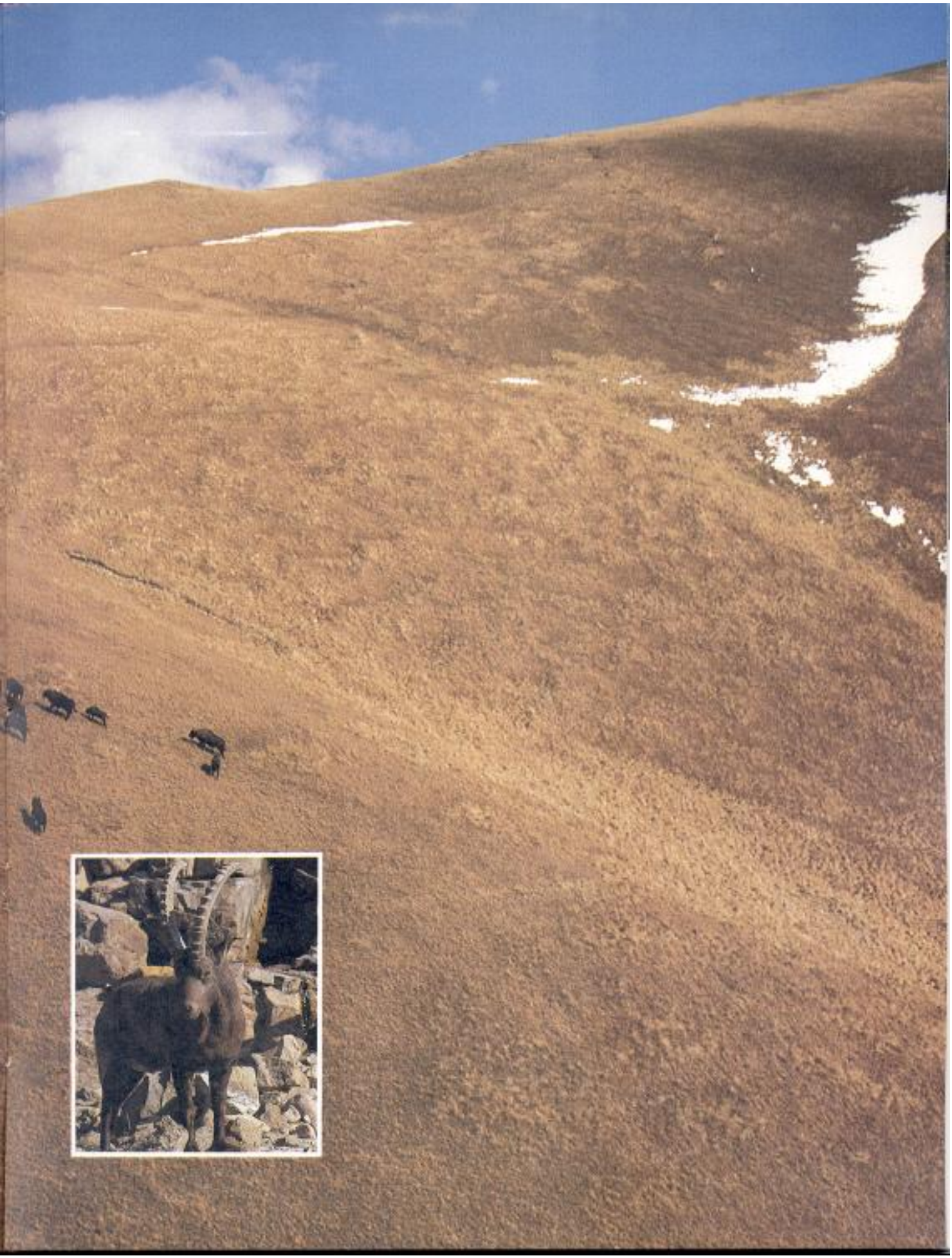
На следующей странице: *Внезапно мы увидели зубров, несущихся вверх по крутому склону. Это был потрясающий вид, ведь мы сами с трудом дышали на такой высоте, в то время как зубры молниеносно поднимались по склону, точно экспресс поезда.*

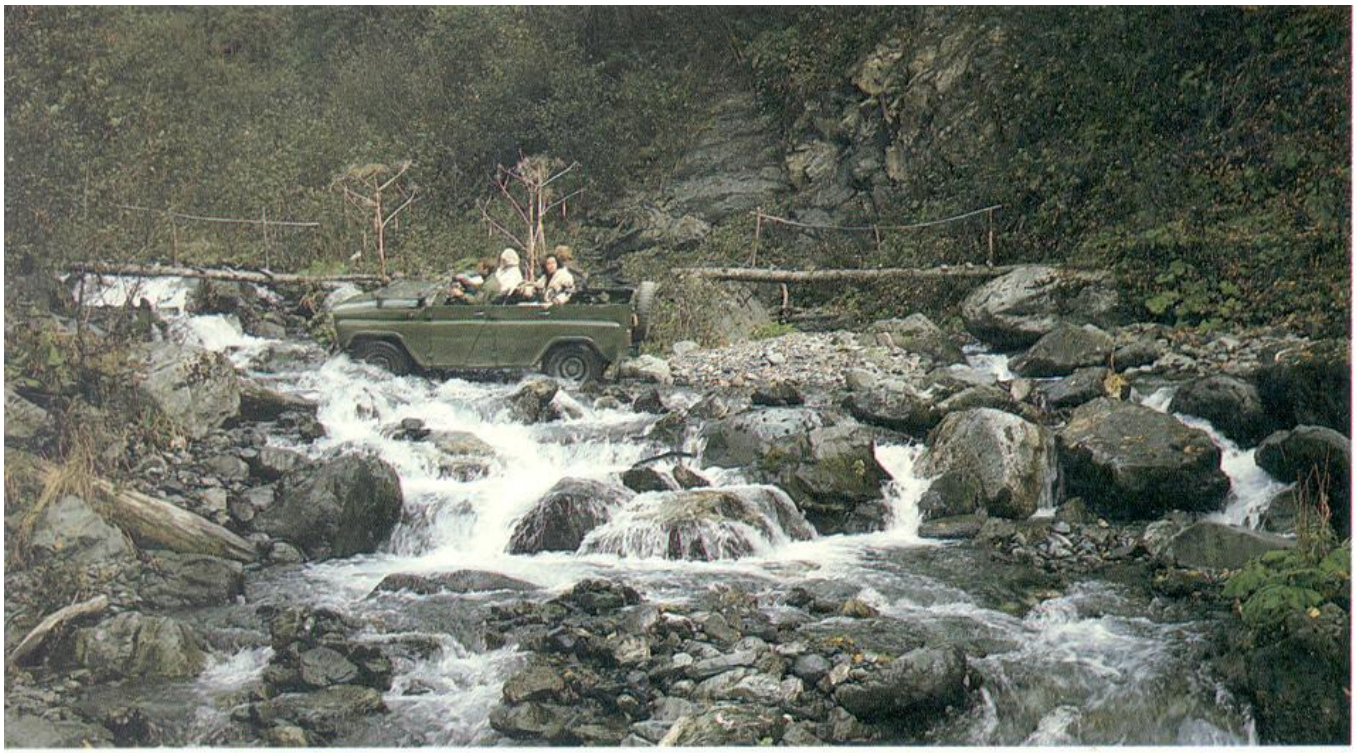
На вкладке слева: *Узорами виднеются на снегу тропы животных, которые сходятся в одном месте: основном месте удовлетворения естественных потребностей - соленом источнике.*

На вкладке в центре: *На склонах выше мы увидели скачущих серн.*

На вкладке справа: *Тур, или кавказский козёл, - один из представителей семейства козлов, которого мы надеялись увидеть. Для чего и отправились высоко в горы, чтобы навестить ареал его обитания. В конце концов, к нашему восторгу, мы увидели туров, скачущих по снежной равнине. Это были коренастые животные, как будто сошедшие с герба.*



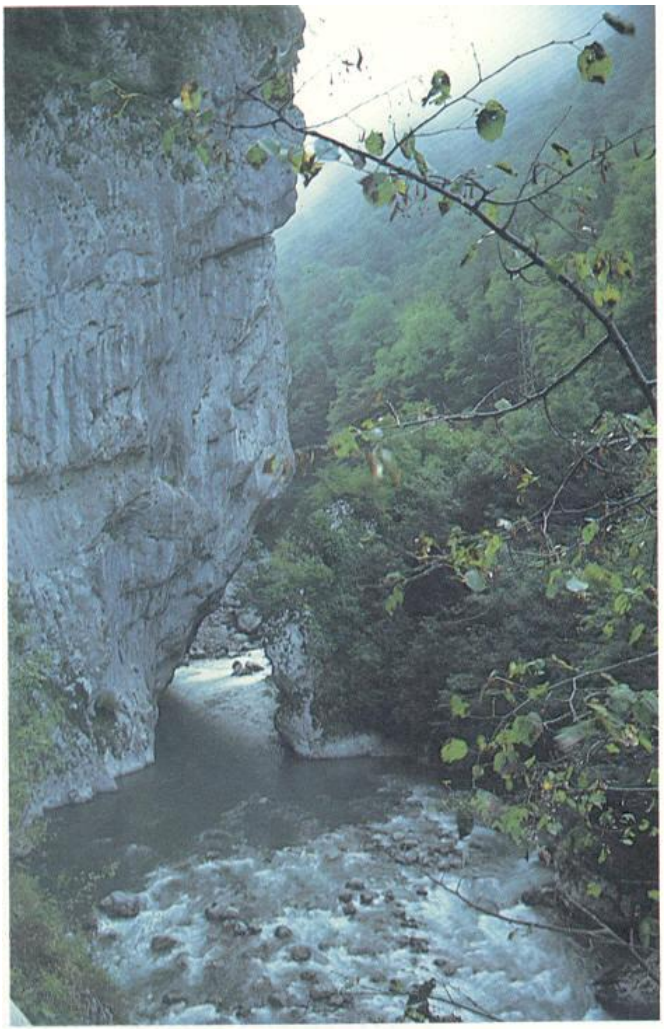


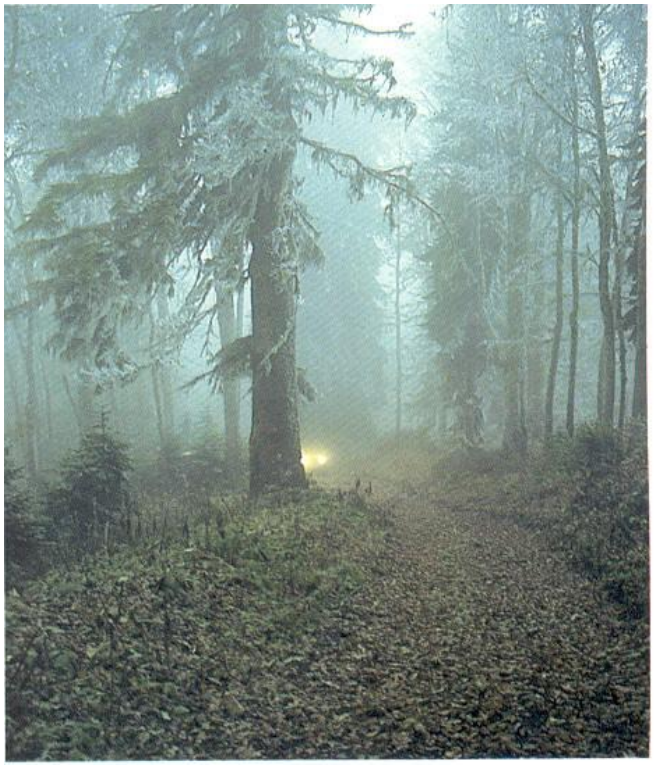


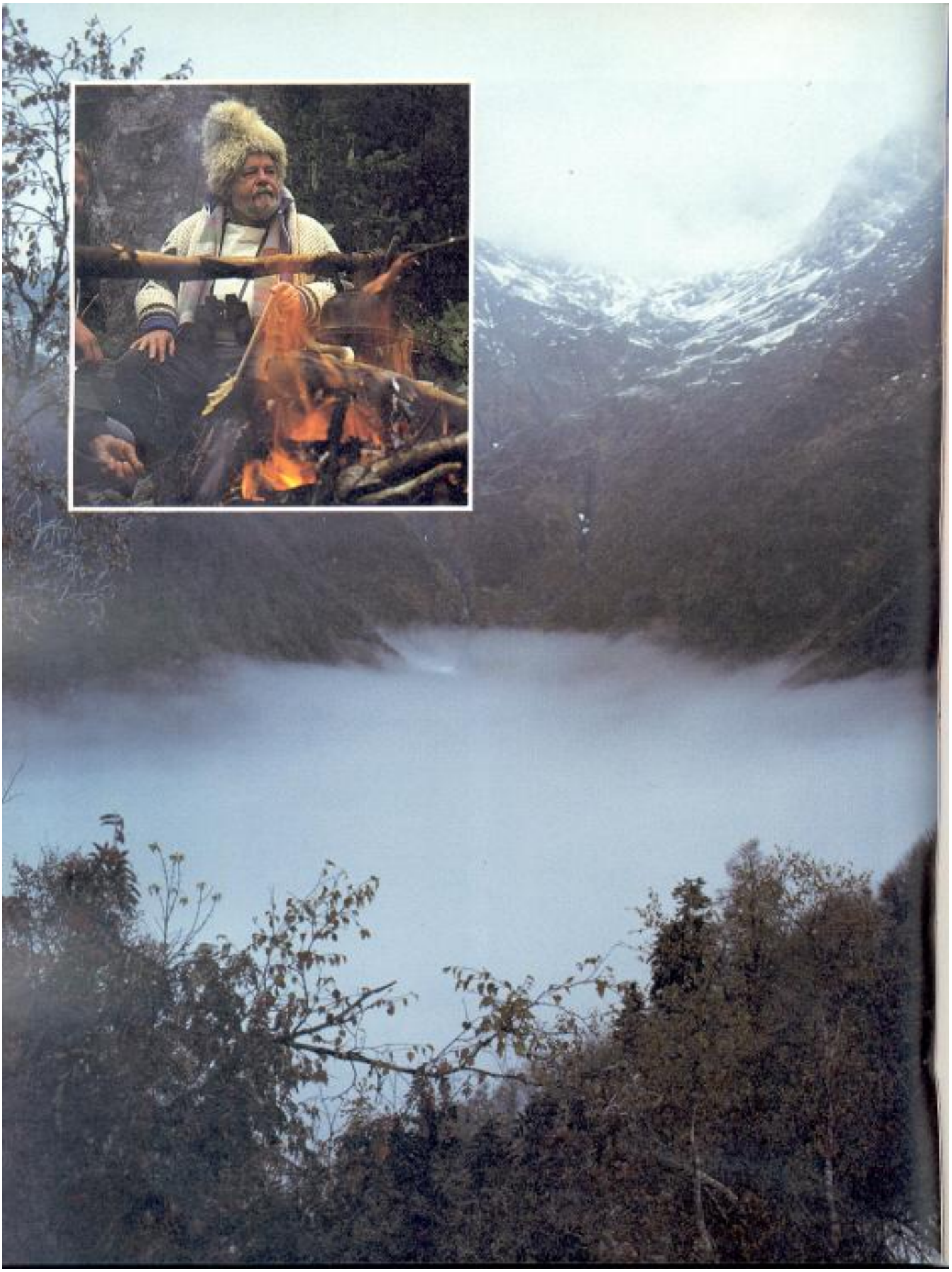
Вверху и на следующей странице: *Путешествуя на внедорожнике в поисках тура, мы остановились на пасеке, где пчеловод настоял, чтобы мы надели защитные маски, чтобы оградить нас от внимания его подопечных. Поднимаясь всё выше и выше в горы, мы увидели ели и лиственницы, с которых свисали замерзшие лишайники, и листья, покрытые инеем по краям.*

У подножия гор дубы и буки были золотисто-желтого цвета. Хрустящие, как печенье, листья кружились и опускались на наши головы и колени. Какое-то время мы ехали вдоль широкой, но мелкой янтарно-желтой реки. Вода разбивалась о гладкие камни, образуя на поверхности реки белую пену. Затем мы оказались в долине, полной яблочных деревьев, под которыми раскинулся настоящий город из деревянных ульев, покрашенных голубым, желтым и серым цветами. Мы остановились, чтобы заснять эту картину, и тут пчеловод вынес огромный горшок с медом – мёд казался растопленным золотом – и выложил его на тарелку, чтобы мы поели. Мёд был просто восхитительным. Затем этот человек нагрузил нас желтыми яблоками, такими кособокими и уродливыми, что даже Белоснежка почувствовала бы неладное, но они оказались вкусными.

Выше в горах стали появляться ели и лиственницы. На их ветвях раскинулись похожие на испанский мох зелено-серые лишайники, которые ветер, как занавески, раскачивал из стороны в сторону. Но ещё выше в горах под слоем льда лишайники неподвижно покоились на ветвях. По инею на ветвях можно было определить с какой стороны дует ветер. Каждый лист на кустах был покрыт белоснежными кристаллами льда. Поднявшись на высоту почти что двух тысяч метров, мы оказались выше облаков и могли видеть, как они растекались по долинам, точно как сливки растекаются по зелено-золотистой посуде. Падал снег размером с иголочную головку, и было настолько тихо, что можно было услышать, как снежинки ложатся на землю. Было невероятно холодно, поэтому мы развели костер, пожарили шашлык и сосиски и выпили, наверно, несколько галлонов чая [27]. Я сдуру оставил свою шапку дома и озабоченный моим здоровьем Анатолий настоял на том, чтобы я надел его шапку из овечьей шкуры, за что я был особенно благодарен - я как будто надел мангал на голову.







В конце концов, сквозь пелену тумана показалась дорога, и мы достигли вершины. На такой высоте можно было посмотреть вниз и увидеть, как облака растекаются по долинам, подобно сливкам (предыдущая страница)*, и посмотреть вверх и увидеть ледники в объятиях гор* (слева)*. Было настолько тихо, что мы могли слышать, как падает снег, и настолько холодно, что мы были рады огню и чаю. Я был очень благодарен Анатолию за шапку, которую он мне одолжил* (вкладка на предыдущей странице)*.*

Мы поднялись выше. Деревья внезапно сменились миниатюрными рододендронами, покрытыми инеем. Нас окружали снежные поля и огромные пласты вышедших на поверхность горных пород. Это и было царство тура, серны и белой куропатки. Мы видели белых куропаток (или, если быть точнее, Анатолий без бинокля их видел, а я с биноклем их не видел). И внезапно появился тур. Его гордый и величественный силуэт предстал взору на вершине заснеженного холма. К нему присоединился другой, и они двинулись по краю холма, медленно передвигаясь и останавливаясь, чтобы бросить на нас пренебрежительный взгляд. Какое-то время мы наблюдали за ними и снимали их, а потом облака стали окутывать горы и, выражаясь языком кинооператоров, мы стали терять свет, так что мы отправились обратно сквозь окутавшие нас пургу и облака.

На следующий день нас забрал вертолет, и мы полетели над горами. На каждой вершине покоилось облако. С высоты горы выглядели как огромная неубранная постель, покрытая одеялом из медвежьей шкуры, стеганым коричневыми, красными и золотистыми лоскутами. В конце концов, мы прибыли в Пслух, где собирались заснять типичный дом лесника. Для нашей команды было приготовлено отличное место для отдыха, но что нас смутило так это то, что мы с Ли должны были остаться в доме лесничего Виктора и его супруги Наташи. Нас смутил тот факт, что дом лесника состоял всего из двух комнат: спальни и гостиной. В последней находился большой горящий очаг. Лесничий с женой оставили свою спальню и приготовили нам две перины, в то время как сами спали в гостиной. Ни на какой другой вариант они не соглашались. Они были очаровательной парой. У Наташи было моложавое мальчишеское лицо, выражение которого постоянно менялось. Те двадцать английских слов, которые она знала, сопровождались чересчур активными движениями рук и мимикой. А Виктор был привлекательным мужчиной с бородой и выглядел как элегантный конкистадор. Он кротко улыбался и следил, чтобы наши стаканы всегда были полны, и вдруг ни с того ни с сего поразил нас, серьезно заявив в паузе между разговором: «Джерри, я тебя люблю».

В конце концов, на самом верху горы Анатолий заметил кавказского тура, влачившего своё существование в суровой альпийской местности.

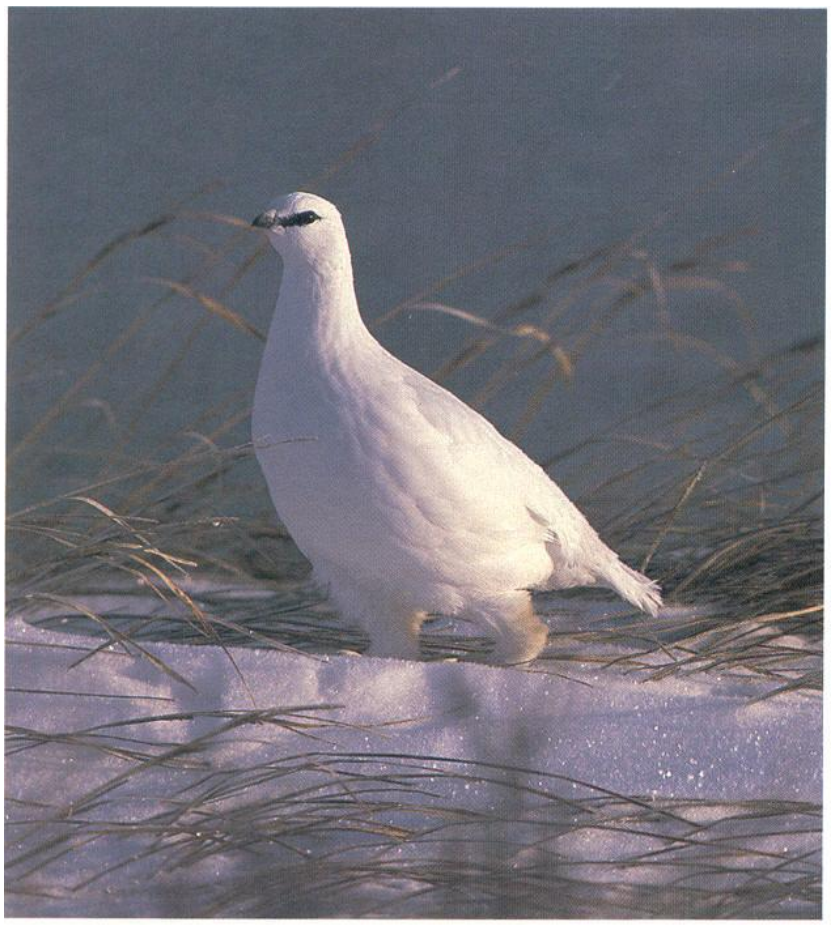
Оба они когда-то были актерами и снимались в нескольких советских фильмах, но потом поняли, что жизнь в шумном городе ограничена, поэтому и устроились на эту работу. Их крошечный дом был забит вещами: книгами, картинами, фотографиями. Он излучал тепло, уют и свидетельствовал об интеллигентности его хозяев.

Мы провели с хозяевами прекрасный вечер, хотя без алкоголя не обошлось. Беседовали о животных, которые у них жили и варьировались от медведя до серны. При этом Наташа изображала каждое животное. Затем мы буквально упали на наши тёплые удобные кровати и спали, как мёртвые, до рассвета. Когда мы вышли в гостиную, то обнаружили там Наташу, которая очевидно была на ногах уже несколько часов и готовила завтрак – настоящий королевский пир. Они где-то отыскали прабабушкин посеребрённый самовар, огромный сильно украшенный предмет в форме погребальной урны, который занял большую часть обеденного стола. В своём невежестве я всегда думал, что русские в самоваре заваривают чай, но это не так. Это всего лишь разливной автомат с горячей водой, а раскаленные угли внутри нужны лишь для того, чтобы вода всегда оставалась горячей. Помимо чая на столе стояло свежее, тёплое, прямо из-под коровы молоко, два вида похожей на йогурт сметаны (одна сметана была очень кислой, а вторая сладковатой), козий сыр, пироги, свежеприготовленные лепешки, мёд, грецкие орехи и крошечные дикие персики в сиропе. Всё было настолько вкусно, что мы ели, как обжоры.

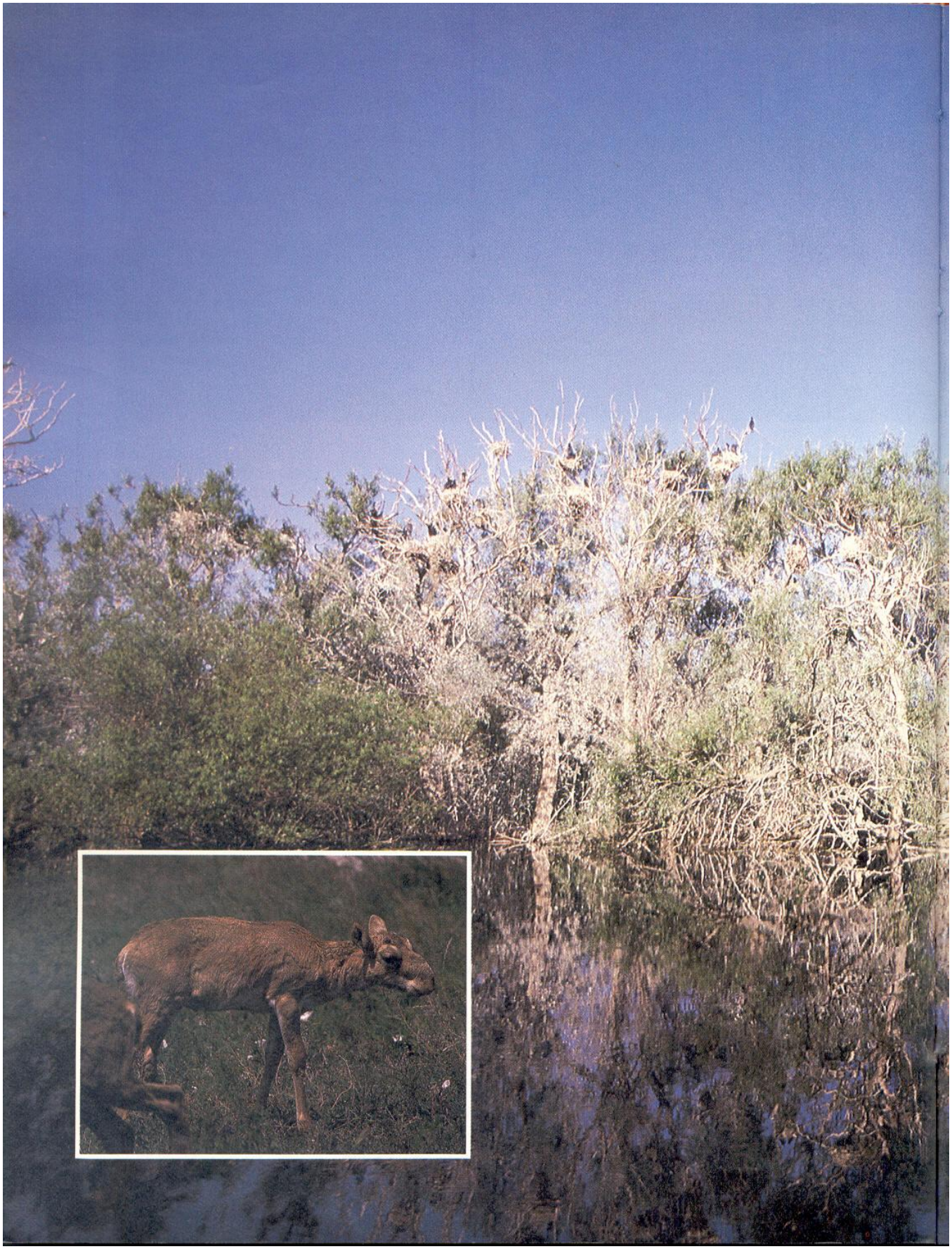
Нам было очень жаль расставаться с Виктором и Наташей, они были добродушной и очаровательной парой. Но нам пришлось лететь назад в Сочи и сесть на поезд до Грузии, в горах которой мы надеялись заснять миграцию животных. С приходом весны дикие звери и птицы, сопровождаемые стадами домашних овец, коров, коз и даже роями пчел, перебираются в горы, а потом, когда выпадает первый снег, спускаются обратно. Однако, когда мы прибыли в Тбилиси, то обнаружили, что зима началась рано и все животные уже спустились с гор, так что нам пришлось сидеть в городе в течение пяти дней, проводя съемки на самом роскошном рынке и в обворожительных глухих улочках, где у каждого дома были красивые резные балконы, покрашенные синим, зелёным или же золотым цветом.

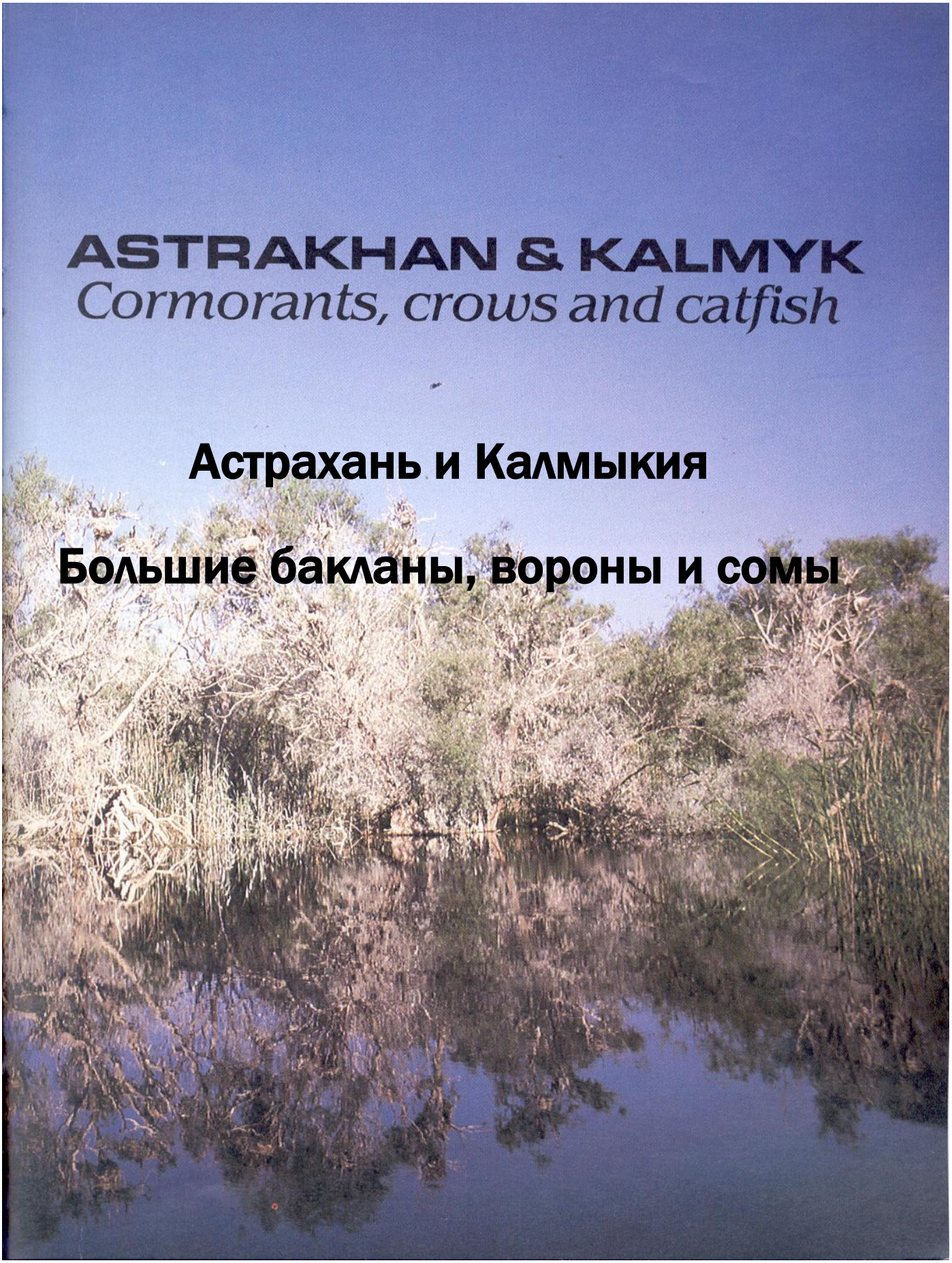
Затем измученные мы полетели обратно в Москву. Запись в моём дневнике гласит: «Невероятно, как быстро можно устать от красной икры. Её постоянное употребление заставляет чувствовать себя страдающим расстройством желудка игроком в снукер [28]».

Полёт над горами, вершины которых высились над облаками.



Красивая белая куропатка.




ASTRAKHAN & KALMYK
Cormorants, crows and catfish
Астрахань и Калмыкия
Большие бакланы, вороны и сомы

Когда мы начали свое путешествие вниз по Волге, волны, оставляемые лодкой, потревожили многих насекомых, таких как стрекозы, которые урчали, проносясь мимо нас на блестящих крыльях.

Предыдущая страница: *колония больших бакланов и (на вставке) детеныш сайгака – менее чем двух недель от роду, но уже может бегать со скоростью 50 миль в час [30].*

Большой Астраханский заповедник, который охватывает большую часть дельты Волги, очень важен как биологически, так и исторически. Ленин, весьма дальновидный человек, был глубоко убежден в важности охраны рек и лесов еще в то время, когда охрану природы только начинали всерьез принимать как концепцию. Думается, что в 1918 году Ленину хватало дел и без того, чтобы беспокоиться о природных заповедниках. Но многие годы в дельте Волги ловили рыбы больше, чем можно, а огромное количество птиц погубили браконьеры, а их кладки разграбили, чтобы пустить их на производство мыла. Власти Астрахани обратились к Ленину с планом – очень разумным планом – по созданию огромного заповедника на пышных плесах реки Волги, где она расходится, как пальцы руки, приготовленной к объятью, и впадает в Каспийское море.

Ленин немедленно увидел в этом необходимость, и так Астраханский заповедник, который нам предстояло посетить сейчас, стал первым заповедником, созданным в Советском Союзе.

Сев на самолет из Москвы в десять вечера, мы прибыли в Астрахань в два часа ночи в раздраженном из-за духоты состоянии. Однако после сна мое плохое настроение испарилось, потому что мы снова были в одном из городов с волшебным названием, о которых я только читал в молодости и страстно желал увидеть. Как оказалось, у нас не было возможности оценить его красоты, разве что проезжая Астрахань по пути к реке. Город казался старым и спокойным, с очень милыми деревянными домами и сделанной со вкусом деревянной резьбой на ставнях и дверях. Большинство городов в Советском Союзе вызывают легкий приступ тошноты – груда обломков, большие и недостроенные. Почему, спрашивается, люди хотят жить где-то еще, а не в этих восхитительных деревянных домах? Я не могу поверить, что кто-то по доброй воле поменяет одно из этих замечательных зданий, выглядящих как будто в сказке, на отвратительную квартиру, до которой высоко подниматься и в которой меньше художественной притягательности, чем у мусорной корзины.

В конце концов, мы достигли берегов реки, и там нас ожидала наша маленькая флотилия – две баржи длиной в 80 футов [29] с элегантными навесами и сиденьями, со столами на палубе, а внизу две удобные каюты на двоих и одна одноместная. Был маленький зал, где можно было пообедать, если капризы погоды не позволяли, есть на палубе. Это было роскошно, и мы чувствовали себя так, словно в наше распоряжение был предоставлен лайнер «Королева Елизавета II». Мы испытывали волнение, путешествуя вниз по Волге, конечно, не самой длинной реке в Советском Союзе, но реке, у которой за все время на счету больше упоминаний в прессе, чем у любой другой, а потому более широко известной. А какой элегантной, разнообразной и красивой была эта река!

Вначале, река была широкая с любопытным оттенком коричнево-зеленого цвета. Берега были лесистыми, а кое-где мы могли видеть милые деревянные дома с весело разукрашенными ставнями, а местами маленький завод с важно выглядящим облаком дыма, выходящим из трубы. Затем, кода мы стали приближаться к более открытой местности, вид реки изменился.

Наша большая лодка была величественна и прорезала свой путь через воды, минуя берега, населенные насекомыми и птицами.

Здесь было зеленое пастбище, а берег реки – чрезвычайно высокий из-за наводнения – охранялся рядами огромных старых ив, толстых как вдовствующие герцогини, стоящие по колено в воде. Их необъятные животы были исполосаны и украшены прямоугольным орнаментом как от отметин слишком тугого корсета. Под ними был широкий ряд тростника - жесткого и прямого, каждый стебель с белым пером, поэтому они выглядели как армия, собирающаяся в бой. Лодка перед нами подняла гладкую зелёную водную плоть, которая изгибалась и струилась как хвост какого-нибудь дракона, и, врезавшись в армию тростника, заставляла его дрожать, шелестеть и склоняться, беспокоя стан стрекоз с блестящими крыльями, которые гудели, трепетали и сияли в неподвижном воздухе. В местах позади метёлок тростника, за тучными ивами, простирались акры и акры цветущего тамариска, или астраханской сирени, очень красивого темно розового цвета. Я спросил, почему деревья тамариска были высотой до колена, думая, что они отличаются от средиземноморского вида, с которым я был знаком. Однако оказалось, что тамарисковые леса были такими карликовыми, потому что местные жители рубили деревья на дрова. Я всегда увлекался тамариском, и видеть такие широкие полосы этих мини-деревьев в цвету, как большие розовые покрывала, было великолепно. Места, где трава была очень высокой и сочной и, очевидно, кишела лягушками, были любимым местом охоты для белых и серых цапель, дюжины которых гордо выступали по воде, но казались бестелесными, так как только их длинные шеи и головы были видны над высокой травой. Пока мы продвигались медленно и величественно вниз по реке, старые заросли ив становились гуще и были увешаны грачевниками: тысячами гнёзд похожих на странные чёрные фрукты в оранжерее, а с деревьев доносился такой какофонический хор, что воздух пульсировал, как в гигантском улье.

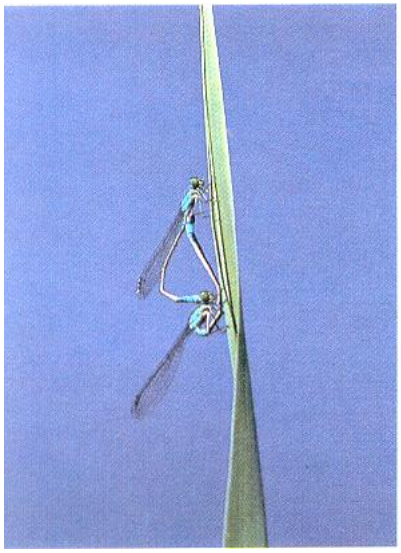
Чайки (вверху слева) *и крачки* (внизу) *в огромном количестве заполонили воздух своими криками. Большие белые цапли* (вверху справа) *бродили по заливным лугам, готовые загарпунить своим клювом неосторожную лягушку или рыбу.*

На следующей странице: *Дом* (вверху)*, где мы остановились, был окружен затопленными лугами, которые пульсировали от хора лягушек, и сверкал стрекозами. Когда мы исследовали заросли тростника, окружавшие нас* (в центре слева)*, мы нашли много гнезд водоплавающих птиц, некоторые с яйцами, другие с птенцами несчастного вида, как этот малыш рыжей цапли* (внизу слева)*. На нависающих ветках было много гнезд ремезов* (внизу в центре)*. Возможно, это самые удобные колыбели для яиц и птенцов в мире пернатых. На блестящих, словно недавно вымытых щеткой, деревьях сизоворонки* (внизу справа) *были заняты сбором корма для малышей. В одно мгновенье молодой вепрь* (в центре справа)*, разыскивающий на мелководье коренья, улиток, птичьи гнезда и другие съедобные мелочи, запаниковал при нашем внезапном появлении.*

Чегравы, каспийские крачки, изящные, как гигантские бабочки, гравировали зелёную поверхность воды своими клювами, когда они добывали корм. Птицы всех форм и видов появлялись в больших количествах. Большие озерные чайки, блестящего черного и белого цветов с любопытной бледной отметиной на переднем крыле, как отпечаток пальца, летали над нами стремительно, легко, нетерпеливо, словно американский бизнесмен по пути к выгодному торговому объединению.

В конечном счете, мы свернули с главного русла и спускались по более узкому притоку, а птиц стало еще больше. Воздух от них казался густым: кукушки, похожие на ястребов, стремительно мчались через ивы; все сухие пни были украшены блестящим оперением сизоворонок; тяжело и спокойно летали цапли; крачки, вороны и деревенские ласточки едва касались зарослей тростника в поисках щедрого подарка из насекомых, которых мы потревожили. После нескольких миль путешествия через этот сбивающий с толку показ орнитологического фейерверка мы в конце концов прибыли в предназначенный нам лагерь в хорошо расположенной небольшой деревушке. Для жилья нам предоставили маленький домик, расположенный на заливном лугу, полном лягушек, которые кричали как нетерпеливые маленькие дети. Мы заселились и провели самые удивительные три дня в моей жизни, потому что заповедник был не только изумительно красив, но и настолько богат на все формы жизни, что мы и не знали на что смотреть за такой небольшой промежуток времени.

Мы исследовали и сняли различные водные пути и притоки, расположенные запутанной сетью вокруг нас, путешествуя с помощью флота состоявшего из маленьких лодок с навесными двигателями. Двигатели заводились, чтобы доставить нас в определённую точку, а затем глушились и мы плавно плыли по течению. Отправившись утром, мы дрейфовали по узким искрящимся каналам рыжевато-коричневой воды рядом с шелестящими зарослями тростника, где местами висели гнёзда ремезов, похожие на маленькие викторианские муфты: искусные овальные сооружения из перьев и мягкого пушка с метёлок тростника. Архитекторами этих изящных гнёзд были привлекательные, грациозные маленькие птички с ржаво-красными плечами и заметной чёрной бандитской маской на глазах. Они порхали и кружились в тростнике, словно крошечные акробаты. В зарослях камышей было полно стрекоз – больших, голубых как дельфиниум, пролетающих мимо нас парами, словно в медовый месяц, сверкая, будто покрытыми инеем, крыльями. В воде около тростника от волны наших лодок раскачивались зелёные тарелкообразные листья кувшинок, а шалфейно-зелёных лягушек кидало в воду. На мелководье аккуратно передвигались мальки так плотно один к одному, что казались коричневым кружевным покрывалом, небрежно брошенным в воду.



Дорога к колонии больших бакланов проходила вдоль зарослей камышей, где стрекозы-стрелки были вовлечены в безумство спаривания. Родители – бакланы летают, раз или дважды в день, к устью дельты или даже дальше к Каспийскому морю, чтобы наловить рыбы для своих семей.

На отмели стрекозы-стрелки цвета полированной бронзы и голубые, как незабудки, были заняты откладыванием яиц. Самцы находились прямо на головах своих жён, в то время как бедные самки кружились над водой, погружая в неё хвостики, чтобы отложить яйца на стебли широколистного рогоза. Это очень сложный способ размножения, потому что он равнозначен тому, как если бы вас попросили родить пятерых, поднимая вверх мужа, стоящего у вас на голове.

Конечной целью нашего путешествия была колония больших бакланов. По мере того как сужались протоки, мы слышали шум бакланов впереди на деревьях. Бакланы оказались великолепными, красивыми блестящими чёрными птицами с жёлтым ободком вокруг глаз и у основания клюва, белыми щеками и лёгкой сединой на голове и верхней части шеи. Это колония насчитывала 1200 пар, а во всём Астраханском заповеднике обитает 100 000 особей этих птиц. Родни отправился вперёд на другой лодке, а мы пустили свой плот по течению, пока оно не принесло нас к затору из брёвен прямо в центре колонии. Это было изумительное зрелище. Повсюду среди полузасохших деревьев, каждое из которых было окрашено помётом в белый цвет, располагались огромные гнёзда из прутьев, примерно в 2 фута толщиной и 3 или 4 фута в диаметре [31] . Они были построены очень близко друг от друга, в некоторых местах соприкасались и в каждом сидели птенцы больших бакланов – уже оперившиеся – и ожидали, пока прилетят родители и накормят их. Во многих гнёздах было только два птенца, но во многих и до четырёх. Они сидели на ярком солнце. Их горлышки пульсировали, когда они издавали, задыхаясь, жалобные щебечущие звуки. Родители летали к морю не вместе, поэтому то мамы, то папы всё время прибывали с рыбой в зобу для молодёжи, и колония находилась в постоянном движении. Если появлялась птица – родитель, то птенцы вычисляли её на некотором расстоянии (хотя, как они её узнавали – было тайной, потому что для меня все взрослые были на одно лицо), и их жалобное щебетание переходило в громкие хриплые крики, когда родители приближались к гнезду. Птица – родитель приземлялась, издавала громкий металлический крик и малыши с трепещущимися крыльями просили у них, чтобы те отрыгнули, стуча своими клювами по родительским.

Помимо того, что большие бакланы быстро летают, они также отличные пловцы и ныряльщики, преследующие рыбу под водой. На гнездах или рядышком молодые бакланы сидели и изнывали под горячим солнцем в ожидании возвращения своих родителей с едой.

Это необыкновенный опыт – побывать в центре такого огромного скопления птиц, потому что воздух вибрирует от криков и шелеста крыльев. Это птичье царство ни на миг не смолкает. Местами на глаза нам попадались малые белые цапли (справа)*, мерцавшие как бутоны подснежников. Кваква* (вверху справа) *сгорбилась в своей черной бандитской маске, как выносящий приговор судья. Она не брезгует грабежом гнезд других птиц, чтобы прокормить своих собственных птенцов.*

Каравайка (внизу слева) *с перьями, напоминающие переливчатый шелк, отложила яйца в хорошо спрятанное гнездо, а над головой колпицы* (внизу справа) *с необычными клювами, как вытянутые ракетки для пинг-понга, возвращались назад в свои гнезда, лениво рассекая горячий воздух.*

Под таким воздействием родитель вдруг открывал клюв, после чего малыш погружал голову внутрь и жадно и быстро съедал тёплую кашицу из полупереваренной рыбы.

Мы провели много часов в этом идиллическом уголке, наблюдая за большими бакланами и другими птицами (так как колония была усеяна гнёздами серых цапель, караваек, египетских белых цапель, серых ворон, дятлов и множества других пернатых). С местным орнитологом мы говорили о незаслуженной недоброй репутации больших бакланов в дельте. Рыбаки в Каспийском море жаловались на больших бакланов, говорили, что те съели слишком много рыбы, а их экскременты сожгли деревья и привели их к гибели. Однако было проведено тщательное исследование, и начала вырисовываться замечательная картина. Оказалось, что влияние бакланов было благотворным, а не губительным для дельты – фактически, без них было бы ещё меньше рыбы, а не больше.

Вот что происходит. Птицы прилетают для кормёжки как раз во время разлива на Волге, когда огромные массы воды через дельту двигаются в Каспийское море. Экскременты бакланов, богатые азотом и фосфором, смываются и удобряют весь район дельты, где живут мальки рыб, предоставляя им больше еды на мелководье. Более того, мы полагаем, что бакланы не виноваты в гибели деревьев.

Родитель баклан остановился перед тем, как покормить своего голодного птенца, в то время как серая ворона терпеливо ждет своей возможности напугать малыша, чтобы он отрыгнул свою еду (вверху слева). *Серая ворона и огромный грозный сом* (вверху справа), *ожидающий остатков в воде внизу, получают выгоду от этого грабежа, тем самым, доказывая, что большие бакланы жизненно необходимое звено дельты.*

Большие бакланы возвращаются с рыбалки как нить эбеновых крестов в небе.

Немного позже летом открытая вода будет покрыта всеми известными лотосами, словно оркестр зеленых труб, а на мелководье будут спокойные зеленые розетки водяных орехов.

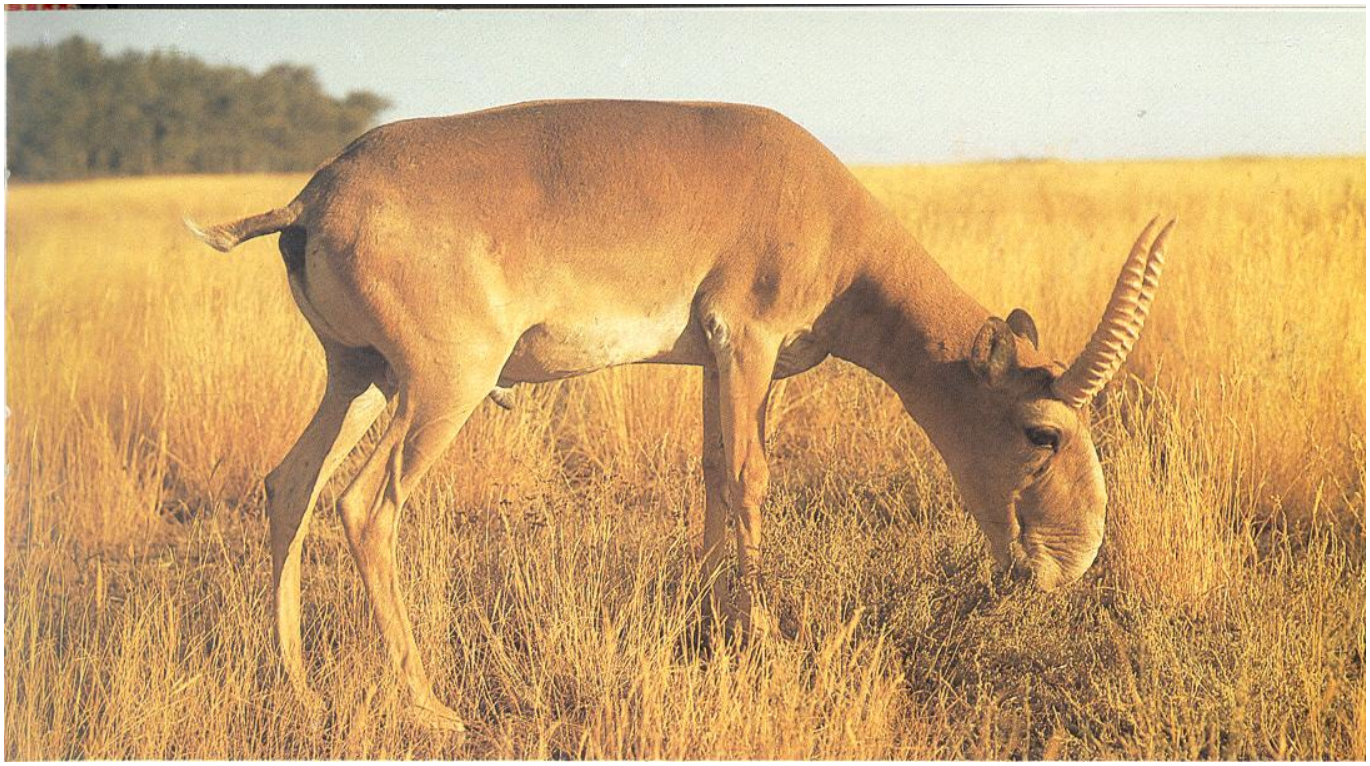
Они выбирают старые деревья на исходе жизни: через два или три года дерево само по себе умирает, а пока оно стоит, птицы продолжают гнездиться на нём.

Пока мы наблюдали за колонией, мы заметили неправдоподобную дружбу - любопытное взаимодействие между воронами и рыбой. В мелких, янтарных водах под гнёздами бакланов проплывали огромные сомы. В длину они были от 4 до 5 футов, а размер головы головы от 6 до 8 дюймов в поперечнике [32], с массивными угрюмыми лицами и большими длинными усами.

Высоко на деревьях притаились бандитского вида серые вороны. Эти очень сообразительные птицы разработали успешную систему грабежа. Как только родитель – баклан кормил своих птенцов и улетал, ворона слетала к гнезду и приближалась к малышам. Достаточно было несколько раз точно запугивающее клюнуть, и молодые бакланы отрыгивали в испуге свою еду. Часть рыбы падала в гнездо, откуда ее крали вороны. Но оставшаяся рыба падала сквозь ветви прямо в воду, а там выступающие рты сомов без промедления поглощали ее.

Астраханский заповедник – очаровательное место, и мы могли бы провести там недели, потому что каждый день мы видели что-нибудь новое. В центральном канале движение, казалось, не прекращалось. Стаи больших бакланов, как вереницы эбеновых крестов, махали крыльями в небе; величественно, медленно летали цапли, отведя назад шеи и головы, как будто птиц сильно оскорбили; каравайки с переливчатым шелковистым оперением, которое становилось то пурпурным, то бронзовым, то зеленым, описывали круги по направлению к своим гнездам. В глубоких водах этого канала росли длинные, похожие на волосы, водоросли, огромные пряди которых расчесывало спокойное течение, а запутывали их кучи переплетенных веток, покоящихся на густорастущей ряске. Все это казалось частями красивого мозаичного поля, выложенного из крошечных фрагментов прекрасного зеленого нефрита. Невероятными были не только виды, но и звуки. Кроме шума, производимого большими бакланами, слышался редкий, резкий, глубокий и предостерегающий зов цапли; стук дятла напоминал сердцебиение; пронзительное лепетание камышевок; мурлыканье и потрескивание пролетающих стрекоз, будто кто-то открывал особый рождественский подарок; кружение и плеск сомов; кваканье лягушек в тростнике; непрерывные выкрики несметного множества кукушек, напоминавших съезд швейцарских банкиров, вступивших одновременно в общий разговор; внезапная болтовня сорок, словно кто-то раздул зимний костер. А над всем этим плавное журчание воды, касающейся лодок так нежно, словно котенок, пьющий из блюдца сливки. Это было волшебное место, и нам было жаль покидать его, но мы должны были путешествовать дальше - выше дельты Волги в Калмыкскую Автономную Республику.

Нам предстояло увидеть и снять одних из самых странных парнокопытных млекопитающих – сайгаков. Это таинственного вида существа размером с маленького козла, с рогами соблазнительной формы и огромным выпуклым носом, которым они могут подергивать самым удивительным образом. Я видел фотографии этих зверей, но никогда не встречался с ними, поэтому я с нетерпением ждал встречи. Однако так как наше путешествие до пункта назначения длилось пять часов по реке и семь часов по ужасным дорогам, мой энтузиазм по поводу встречи с сайгаком исчез.



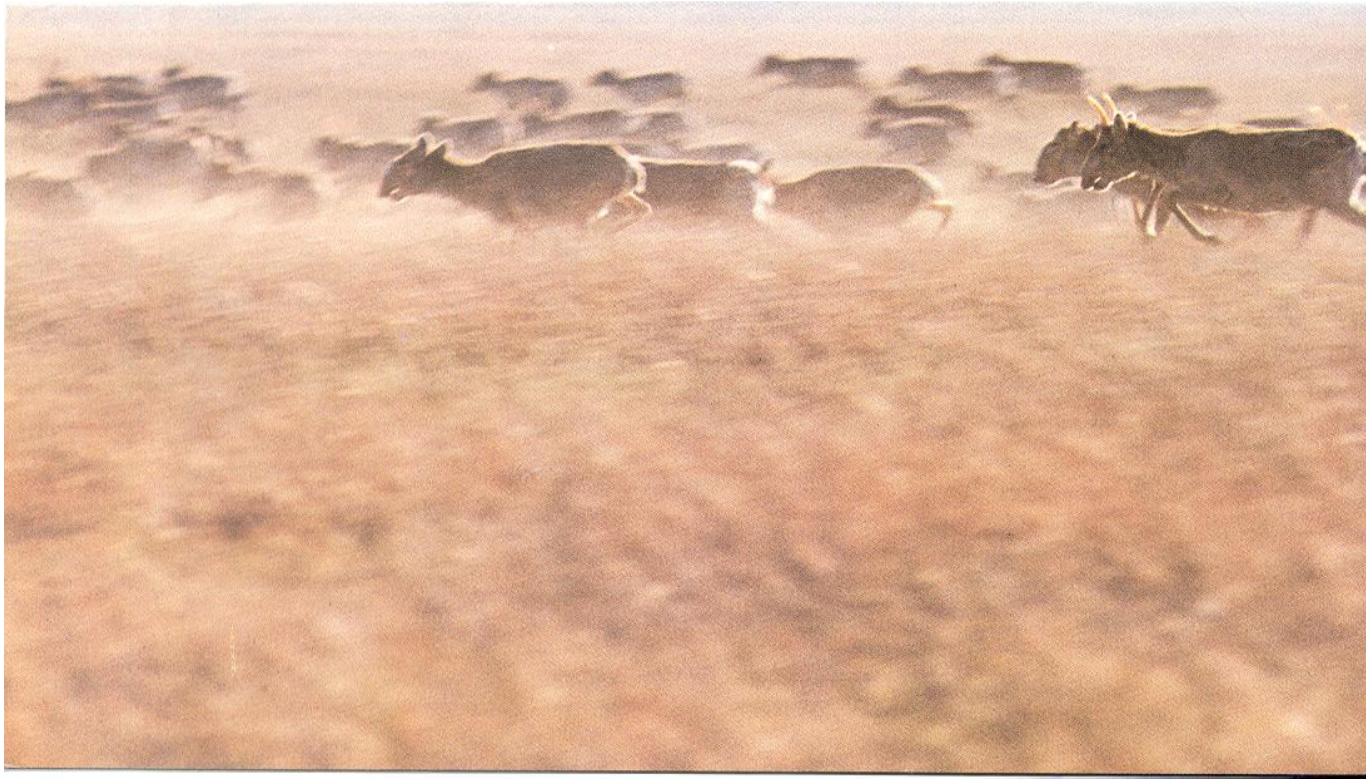
По невероятному контрасту с почти подавляюще плодородной дельтой, откуда мы прибыли, сейчас мы оказались в засушливой местности, называемой сухостепью кое-где переходившей в полупустыню. Эта ровная земля, раскинувшаяся до горизонта, была покрыта низкой зеленой, серебристой и коричневой порослью. Так как была весна, ее усеивали группы диких цветов. Ближе к вечеру мы увидели многочисленных изящных журавлей красавок – хрупких серых птиц, у многих из которых были птенцы, а на одном участке дороги мы повстречали скопление степных орлов, очень красивых птиц, чей полет очень грациозен.

Мы продолжали ехать все дальше и дальше в степь. За семичасовую поездку мы миновали лишь одну деревню, состоявшую из нескольких маленьких домиков, и на собственном опыте убедились в широте России. Небо было багряным и зеленым, солнце в нем пылало как опал и мы наслаждались этим зрелищем, когда вдруг на его фоне вырисовывались силуэты - огромное стадо сайгаков, мирно щиплющих траву. Их копыта поднимали небольшие облака пыли при передвижении. Любопытно, какие у них тяжелые головы, казавшиеся слишком большими для их тел из-за нелепых выпуклых носов, но их рога были изящными, бледно-желтого цвета, как воск. Они представляли собой восхитительное зрелище, когда медленно скакали через степь на фоне неба и садящегося солнца. Молодые сайгаки блеяли странно, резко, громко, а их матери вторили им в ответ более глубоким тоном.

Мы ехали дальше, и только я начал думать, что мы заблудились, и наши побелевшие кости найдут в степи через 100 лет, как мы увидели группу мерцающих огней впереди. Это было местонахождение нашего лагеря. И что за лагерь это оказался! Для нашего удобства просто построили то, что можно описать как мини-деревню посреди пустыни.

Сверху и на следующей странице: *Сайгак, возможно, одно из самых необычных степных животных со своим огромным носом, странным хриплым громким блеянием и своими рогами в кольцах, которые высоко ценятся на Востоке как лекарство и афродизиак – средство, повышающее жизненные силы организма. С ним связана одна из великих историй по охране природы, показывающая, как при бережном отношении мы можем жить в гармонии с существами, которые делят с нами эту планету.*

Там была обильная кухня, огромная палатка, где будет спать команда, две большие юрты – одна служила столовой, а другая – спальней вместе с жилой комнатой для Ли и меня, отдельные душевые кабинки и туалеты, и полный комплект, включая фонари вдоль нашей деревенской «улицы», зажигаемые гигантским генератором. Автопарк, который выстроился за кухней, состоял из автобуса, двух внедорожников, трех грузовиков, машины скорой помощи и биплана внушительного размера. Организатором этих чрезвычайно роскошных удобств был представитель местного телевидения, очаровательный мужчина, похожий



на реинкарнацию Будды, и он был доволен нашим нескрываемым восторгом, когда он проводил нас в нашу юрту. Юрта – большая круглая куполообразная конструкция, похожая на панцирь омара, была покрыта войлоком из овечьей шерсти. Внутри пол и стены были скрыты под ткаными коврами и одеялами веселой расцветки, а на полу были тюфяки и огромные кучи подушек и простыней. Это было самое удобное жилье, которое привело нас в восторг. Позже, когда мы пошли в юрту-столовую на роскошный обед, мы заметили тянущиеся вдоль стен красные шелковые портьеры, что придавало восточный шарм.

Деревня (вверху) *в мгновение ока была возведена для нас местными жителями в отдаленной части калмыкской степи, где мы обедали в очень необычной и изысканной палатке, которая называется юрта* (внизу).

На следующий день наш самолет взмыл вверх, и мы отправились выискивать сайгаков. Мы приземлялись в степи, колеса самолета мяли ароматные травы, насыщенный запах которых проникал сквозь оставленную открытой дверь, чтобы Родни мог снимать. Когда мы медленно кружились над нашей маленькой деревней, наши юрты казались необычайно похожими на шляпки черных грибов, пробивающихся сквозь зеленые травы степей. За сравнительно короткое время мы нашли маленькое стадо сайгаков, состоящее примерно из 30-40 животных, которые в панике бежали перед нами, стоило нам снизиться для съемок. Их коричневые, как печенье, спины подпрыгивали, маленькие копыта поднимали крошечные клубы бледной пыли.

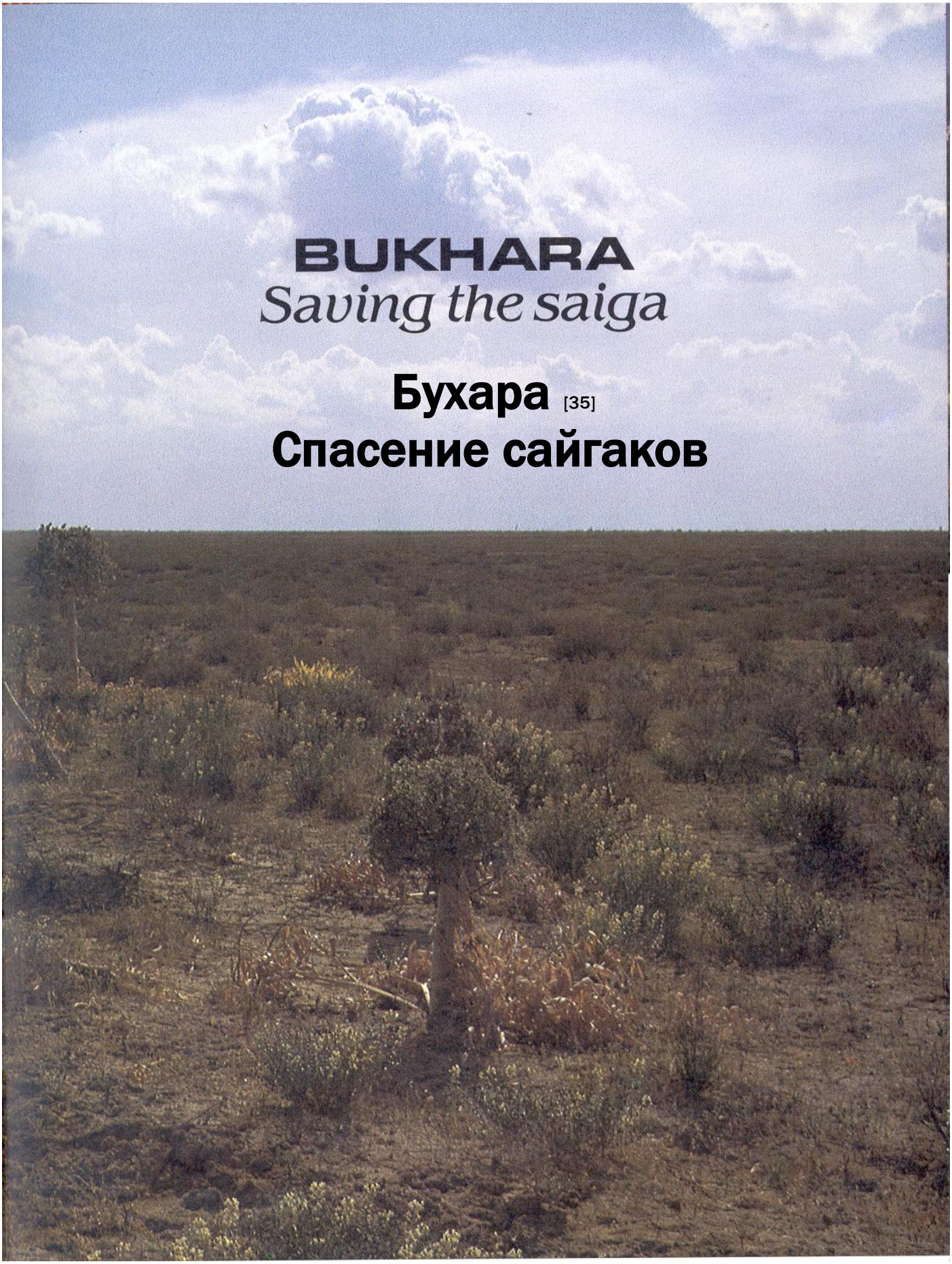
Вскоре после этого мы находили все большие стада до тех пор, пока земля не показалась морем из сайгаков. Это было греющее душу зрелище, потому что в начале этого века стада сайгаков были так истреблены в результате бесконтрольной охоты, что находились под угрозой исчезновения. Затем, как раз вовремя, охоту запретили и постепенно поголовье сайгаков начало возрождаться. Из оставшихся нескольких сотен стада укреплялись и увеличивались, и сейчас их более миллиона. В одной Калмыкии их 170 тысяч.

Мы посадили самолет около стада и оставили Родни и Байрона в степи, а затем, используя самолет как овчарку, или точнее сайгачарку, пробовали направить стадо в сторону Родни. Однако у сайгаков были другие намерения и они непоколебимо отказывались двигаться в нужном нам направлении.

После нескольких неудачных попыток нам пришлось сдаться, так как малыши (хотя эти крепыши десяти дней от роду могут бежать со скоростью 50 миль в час [33]) стали уставать. Поэтому мы полетели назад в нашу деревню и составили другой план. Он заключался в том, чтобы оставить Родни и Байрона в степи с маленькой палаткой на ночь. Мы надеялись, что на рассвете пройдут стада сайгаков, и можно будет их снять, но сайгаки опять отказались сотрудничать. Наконец, в отчаянии мы попробовали еще один способ, который к нашему облегчению сработал. Мы расположили команду, как можно незаметнее, что было весьма сложно на ровной, как обеденный стол местности, и внедорожниками гнали стадо к камере. Это потребовало много времени и терпения, но мы, в конце концов, добились желаемых результатов.

Эти степи были восхитительными, и нам было жаль покидать их. Жаль было оставлять романтические и удобные юрты, жаль перестать подниматься с жемчужно-голубым рассветом, чтобы пройти в ванную по ковру из крошечных колючек чертополоха, изобилие белых и желтых цветов и множества трав, на которые стоило лишь наступить, и они издавали чудесное благоухание. Как повезло сайгакам жить в этом ароматном мире, есть и передвигаться по ковру приятных запахов, воспроизвести которые в пробирке неподвластно ни одному химику, и лежать ночью на душистом ложе из цветов.

В юрте, где мы работали и спали, нас развлекали калмыкской музыкой и танцами две девушки в национальных костюмах. Справа запечатлен профессор Владимир Флинт, выдающийся советский орнитолог и наш хороший друг, который перевел большинство моих книг на русский. [34]



Бухара [35]
Спасение сайгаков

Мы приехали в Бухару, чтобы снять фильм о виде, который находится под угрозой исчезновения – джейране, или зобастой антилопе (что за отвратительное название для такого красивого животного!).

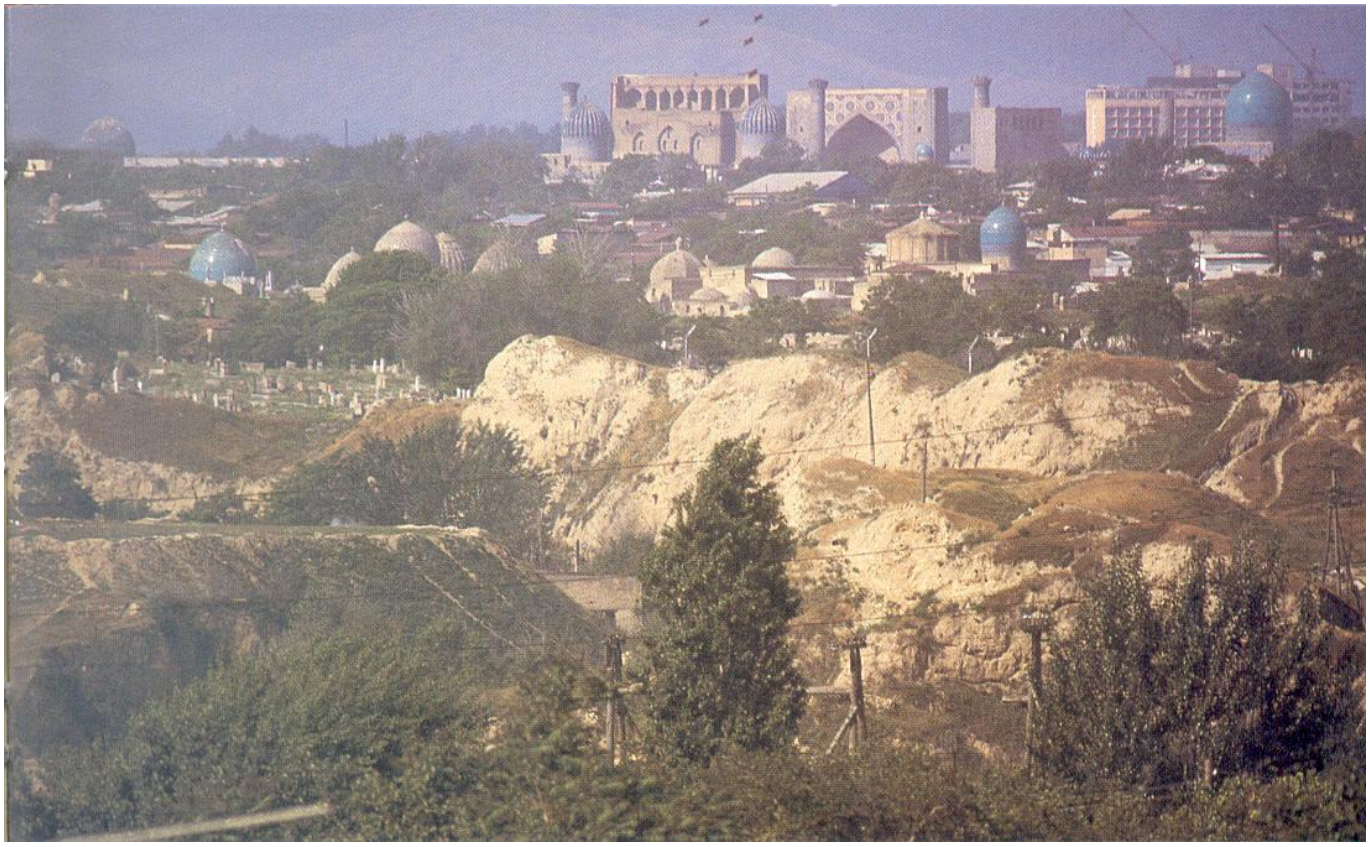
На предыдущей странице: *В этой загадочной пустынной стране мы обнаружили множество редких и восхитительных созданий.*

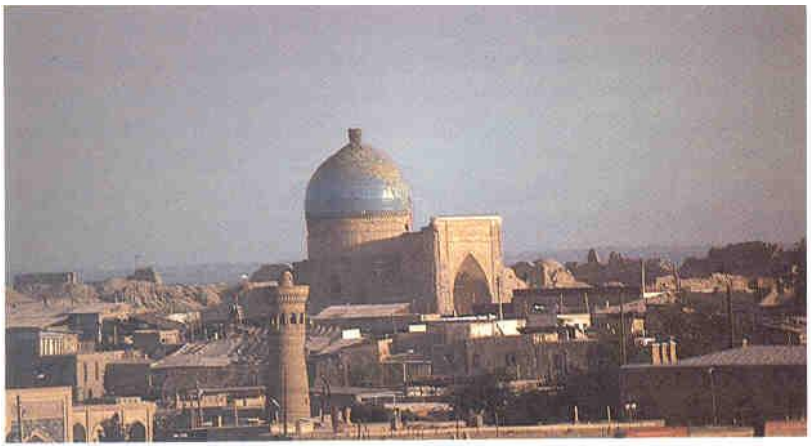
Бухара

По каким-то причинам рейсы в России назначают на самые неудобные часы. Наш самолёт на Ташкент, к примеру, вылетел из Москвы в час ночи и прибыл в место назначения к завтраку. Поэтому мы чувствовали себя как недоеденный слоном букет цветов, на который он потом ещё и присел. Пытаясь справиться с этим отвратительным чувством, мы валялись в номере гостиницы в ожидании следующего самолёта, который должен был доставить нас в Бухару (этим чудесным словом называлось место, которое мне так долго хотелось посетить). Мы летели над необычным равнинным ландшафтом: поля бледных оттенков бронзового и кофейного цвета, напоминающие туго накрахмаленный шёлк-сырец, были кое-где отмечены зеленью всходов сельскохозяйственных растений. Затем под нами оказался город, и мы смогли разглядеть нечёткие в жарком мареве ярко-голубые минареты мечетей, похожие на гигантские бутоны крокусов, пробивающиеся сквозь каменные нагромождения зданий. Мы оказались в сердце Узбекистана.

Если Москва – город ворон, то Бухара – город горлиц. Они были повсюду – красивые небольшие птицы с лоснящимся оперением и спинками цвета корицы. Удивительно ручные, они соблазняли друг друга и спаривались прямо у наших ног, и воздух вокруг звенел от их застенчивого мелодичного воркования. Пожалуй, это был самый успокаивающий и нежный звук в городе. В первую очередь мы посетили и сняли на плёнку несколько мечетей, которыми славится Бухара. Они и вправду оказались ослепительно прекрасными: украшенные зелёной и голубой с золотом мозаикой, они выглядели так, словно были задрапированы в драконью шкуру. Одна из самых красивых башен, минарет Калян, имеет форму гигантской перечницы высотой в 140 футов. [36] Рассказывают, что всякого посмевшего обидеть правящего эмира отводили на самую вершину минарета и сбрасывали оттуда, чтобы нарушитель стал полным глубочайшего раскаяния трупом на булыжной мостовой. Однажды была заподозрена в неверности любимая жена эмира, и тот (похоже, парень был очень раздражительным) приговорил её к смерти посредством скидывания с минарета. Однако женщина, возмущённая несправедливым обвинением (или, может быть, просто тем, что её раскрыли), совершенно иначе представляла себе собственное будущее. В назначенный день, когда её должны были сбросить с вершины башни, она оделась с особым тщанием, надев на себя не только все доступные ей драгоценности, но и столько юбок, сколько смогла. Итак, когда её толкнули с минарета и, так сказать, отправили в полёт, скорость её падения заставила её юбки наполниться воздухом, и они превратились в парашют «от кутюр», который и доставил её на землю в целости и сохранности. Эмир, увидев это, решил, что чудо стало доказательством её невиновности, и немедленно простил её. С тех пор женщина счастливо жила в его гареме. В пользу достоверности этого исторического факта говорит то, что я слышал эту историю не менее чем в трёх разных городах Средней Азии.

Сама мечеть Калян производит глубочайшее впечатление. Огромный внутренний двор, способный вместить около двенадцати тысяч верующих, обступают роскошно украшенные стены и арки. Как раз во время нашего приезда мечеть реставрировали.

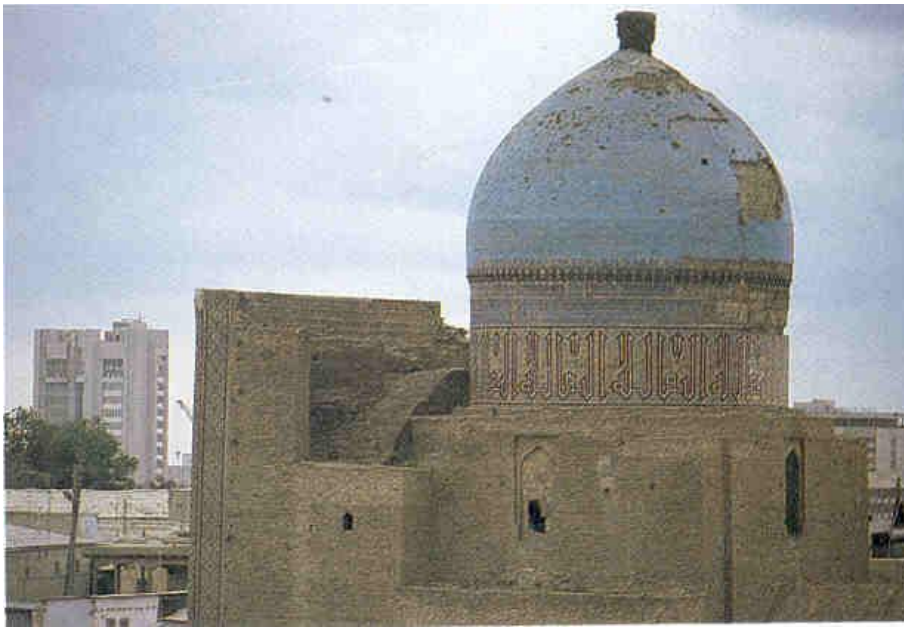




Там, где куски ярко голубой мозаики вывалились, обнажив коричневый кирпичный каркас стен, майны и полевые воробьи немедленно облюбовали появившиеся укромные уголки и трещины, построив в них гнёзда, которые смахивали на неопрятные парики. Под арками гнездились стрижи. Они целыми эскадрильями носились по гигантскому внутреннему двору, издавая характерное для этих птиц детское хихиканье и пролетая сквозь арки и дверные проёмы с такой точностью, что им позавидовал бы пилот «Красных стрел». [37]

В центре внутреннего двора росла огромная древняя белая шелковица, вся усыпанная ягодами. Девушки и женщины группами подходили к дереву, неся с собой большие куски полиэтилена. Затем одни из них держали пакеты за края, а другие, более ловкие, взбирались по могучим ветвям и раскачивали их, заставляя белые ягоды дождём осыпаться вниз.

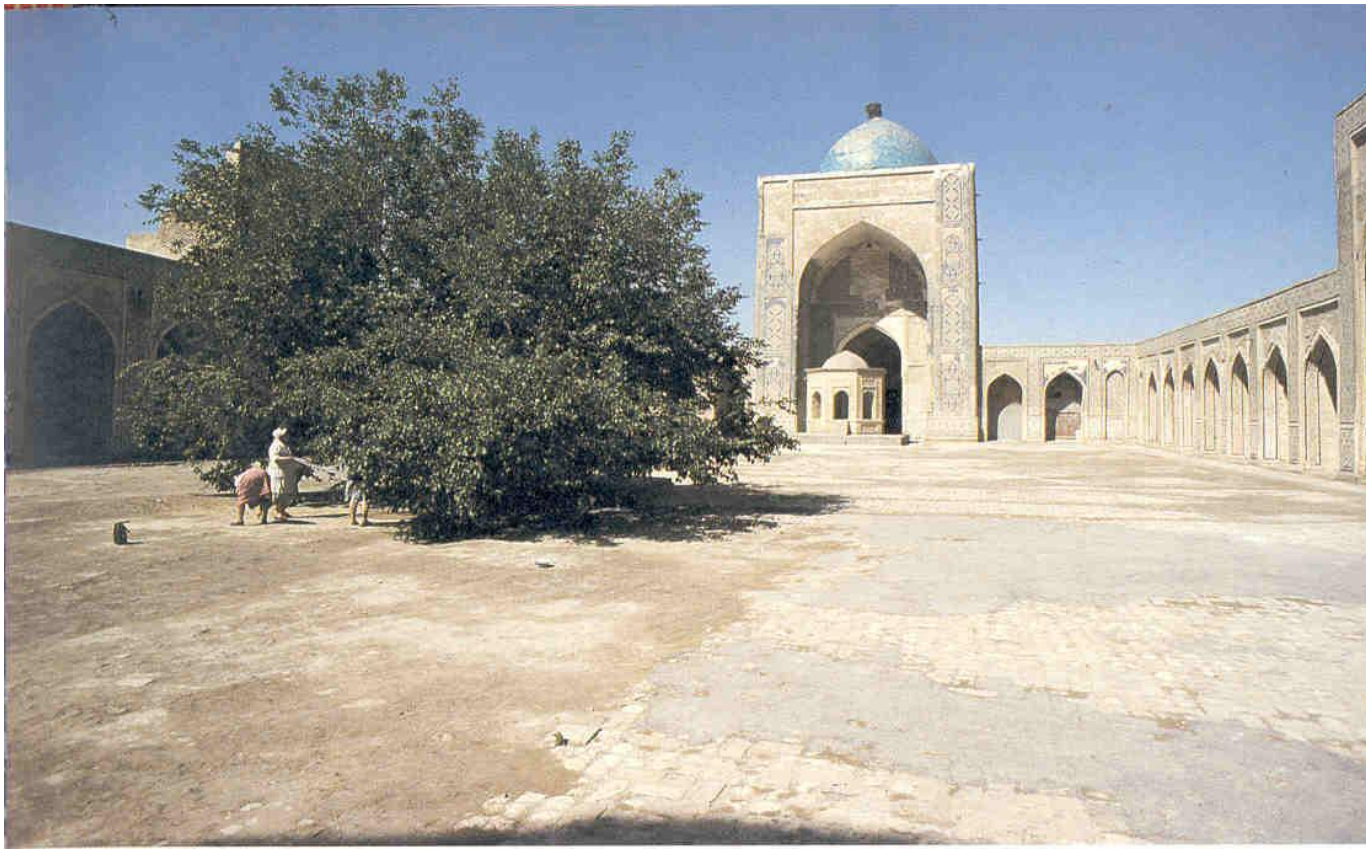
Бухара известна не только великолепными коврами, но и не менее прекрасными мечетями с голубыми куполами, которые, когда мы увидели их, подлетая к городу, напомнили мне огромные бутоны крокусов. Мы обнаружили, что улицы и здания города изобиловали воркующими горлицами, чьи нежные и мелодичные голоса заставляли воздух звенеть.



Минарет Калян (вверху), *с которого, по легенде, эмир приказывал сбрасывать тех, кто посмел его обидеть. Гнездо аиста на главном куполе мечети Калян* (вверху справа) *сейчас заброшено, потому что аисты покинули Бухару навсегда. Но воробьи и майны всё ещё находят здесь пристанище.*

Они энергичными жестами подозвали нас к себе и настояли, чтобы мы пригоршнями ели эти ароматные ягоды, что мы охотно и сделали, прежде чем приступить к серьёзному занятию – съёмкам нашего фильма.

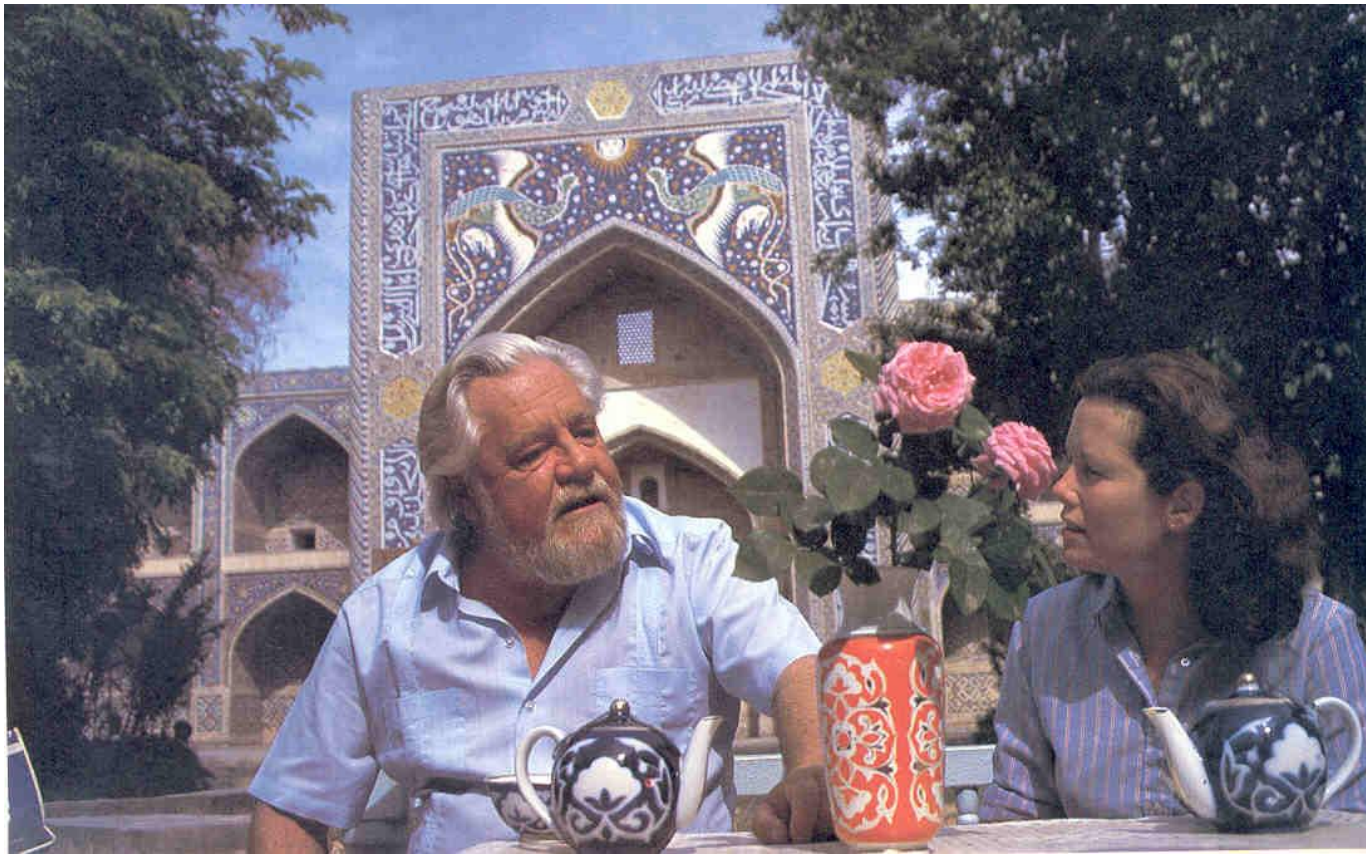
На вершине купола мечети, похожего на исполинский череп, было гнездо аиста – замысловато уложенная куча веток, смахивающая на перевёрнутую вверх дном экстравагантную шляпу светской дамы на скачках в Аскоте. [38] Увы, гнездо было заброшено, а история аистов, которые его построили, – очередной пример нечеловеческого обращения человека с живой природой. Одно время Бухара славилась двумя вещами: прекрасными коврами и аистами. Конечно, ковры изготавливали не в самом городе, а во всём регионе, но в Бухару их привозили на продажу. Фактически Бухара была центром торговли для этого вида товаров, поэтому богато украшенные и роскошные покрытия для пола и стен получили название «бухарские ковры». Несколько столетий назад, пока все были заняты выделкой этих изысканных ковров, аисты открыли для себя мечети. Они обнаружили, что бесконечные минареты намного превосходят деревья в качестве основы для постройки дома. Они были так трогательно уверены в этом, что добросердечные бухарцы были вынуждены установить на каждом куполе стальные подпорки, чтобы любовно собранные птицами ветки и сучья не соскальзывали с блестящей голубой поверхности минарета, словно капля ртути с яйца. Так аисты стали одной из главных достопримечательностей Бухары, и каждый небесно-голубой минарет мог похвастаться собственным гнездом. Аисты – птицы консервативные, и их постройки отличаются надёжностью. Ежегодно возвращаясь в свои гнёзда, аисты укрепляют их, добавляя всё новые ветки до тех пор, пока сооружение не становится таким же прочным, как башня, на которой оно размещается. Сотни лет спустя, однако, безмятежному сосуществованию аистов и людей пришёл конец. Причиной этому послужило то, что мы называем прогрессом. Сотни лет болота и пруды вокруг Бухары поставляли аистам щедрые дары в виде лягушек, рыбы, мышей-полёвок и водяных крыс, которыми взрослые птицы питались сами и кормили птенцов. Но теперь человек, бывший до того другом аистов, удостоил эти заболоченные земли своим алчным взглядом. Похоже, для людей видеть болото или озеро, бурлящее источниками, изобилующее насекомыми, птицами и млекопитающими, украшенное цветами, – настоящее проклятье.



Во дворе впечатляющей своими размерами мечети Калян растёт огромная шелковица. Её вкуснейшие плоды собирают местные жительницы.

Они считают, что зря пропадают плодородные почвы и самое время их осушить и превратить в сельскохозяйственные угодья. Именно это и произошло в Бухаре. Чудесная кладовая аистов, просторы, где они могли прогуливаться, ловя рыбу и земноводных для себя и своего потомства, были осушены и вспаханы. Так зашаталась и рухнула тысячелетняя дружба Бухары с аистами. Сегодня на голубых минаретах осталось лишь несколько самых крепких гнёзд (ставших убежищами для воробьёв, которые строят внутри них свои собственные дома) – но без аистов, с военной выправкой возвышающихся над ними в своём чёрно-белом оперении и щёлкающих алыми клювами, как кастаньетами. Аисты покинули купола Бухары – и вместе с ними исчезло что-то чудесное и ценное. Быть городом ковров – в этом, конечно, что-то есть. Но «город аистов» звучит намного экзотичнее...

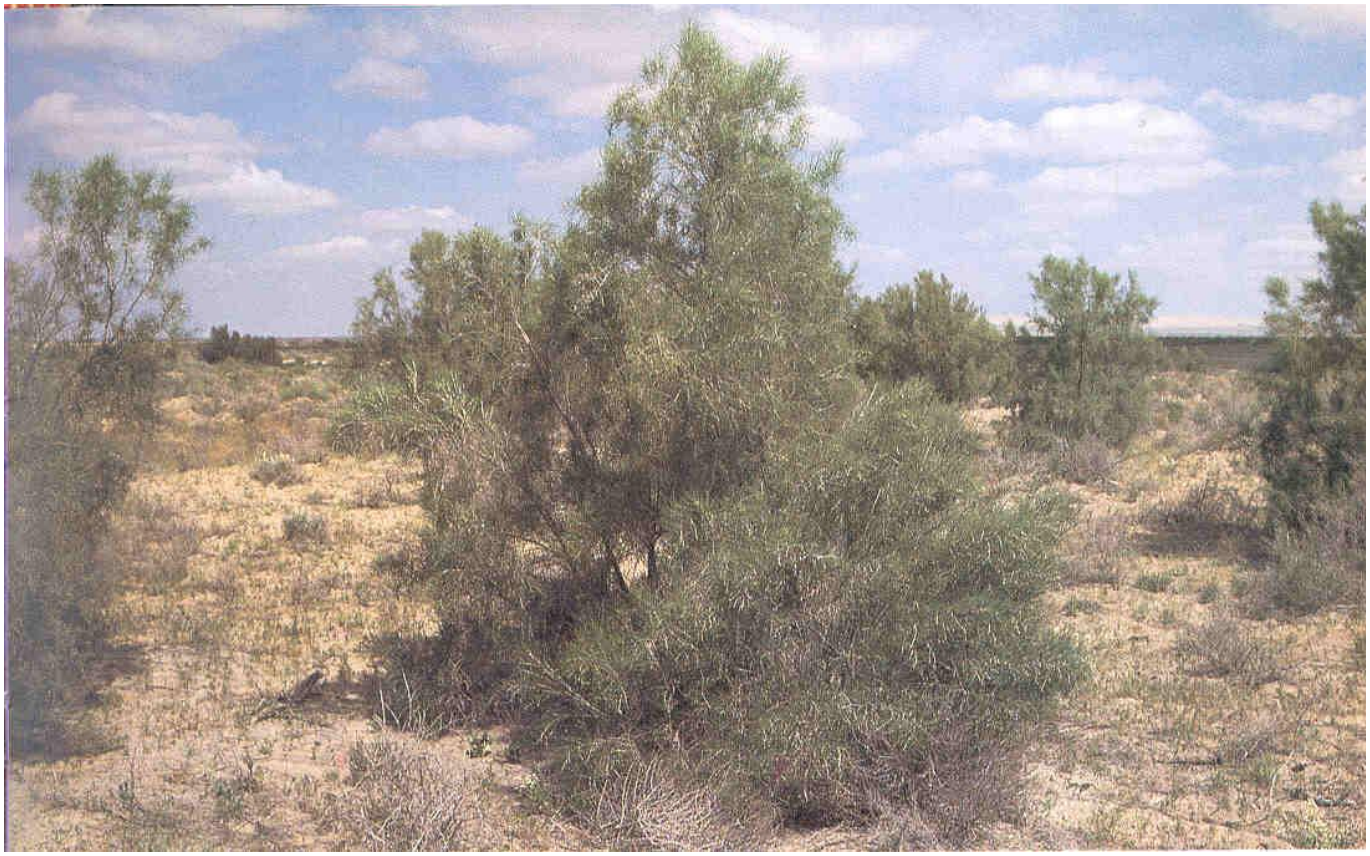
Одна из самых зрелищных арок в Бухаре находится над входом в медресе Надир-Диван-Беги, где обучали мусульман. Арка великолепно украшена гигантской мозаикой, изображающей длиннохвостую птицу, что-то несущую в лапах. До этого я видел только фотографии этого строения и пришёл к выводу, что это – портрет Феникса, птицы, которая, по легенде, родом как раз из этих мест. Однако при ближайшем рассмотрении оказалось, что в когтях у неё с виду несколько покалеченный слон. Так что я пересмотрел свою точку зрения и решил, что это – знаменитая птица Рух из легенд о Синдбаде-мореходе, которая испытывала пристрастие к слонам. Когда я озвучил эту мысль, местные жители посмотрели на меня с ужасом.



За чашкой чудесного зелёного чая в саду, окружающем медресе Надир-Диван-Беги, стены которого украшены великолепным мозаичным изображением птицы Симург. В когтях она несёт некое существо, являющееся, по утверждению местных жителей, овцой, а нам показавшееся изуродованным и очень несчастным слоном.

По их словам, это была вовсе не Рух, а птица Симург, смысл существования которой сводился к помощи другим животным. В этом поразительном по красоте образце настенной живописи сказочная птица помогала овечке, которая предположительно заблудилась. Но, возразил я, животное совсем не похоже на овцу, а если судить по выражению его морды, внимание птицы Симург ему крайне неприятно. Меня уверили, что овечка просто благодарно улыбается. Тогда я потерял к этому вопросу интерес и удовольствовался отдыхом на удобных узбекских кушетках, нежась на солнце, попивая восхитительный зелёный чай, любуясь мозаикой и при этом не слишком беспокоясь о её зоологической значимости. Я понял: если я буду настаивать на своей теории насчёт птицы Рух и слона, это вызовет ненужные дебаты и нарушит покой полного цветов сада.

Главной причиной нашего приезда в Бухару было, разумеется, желание посетить находящийся неподалёку питомник, где содержались джейраны и стадо куланов. Спасение джейрана – очень любопытная история. Дикая популяция джейрана была почти полностью истреблена, и было понятно, что для его спасения следовало принять самые решительные меры. Множество джейранов люди содержали в качестве домашних любимцев, поэтому был разработан план, согласно которому нужно было попытаться заполучить эти экземпляры. Сначала выделили большой участок пустыни, на котором имелись заросли чёрного саксаула (удивительного дерева с сильно искривлёнными ветвями и листьями, похожими на сегментированные сосновые иглы), и отгородили его для большей безопасности. Затем в печати и по телевидению начали проведение кампании, в рамках которой читателям и зрителям рассказали о печальной судьбе джейрана и обратились к ним с просьбой отдать своих любимцев в питомник для спасения популяции. Как только люди поняли, насколько безотлагательным является это дело, они немедленно отозвались на призыв, и вскоре было собрано пятьдесят ручных джейранов. Всё это произошло несколько лет назад, и сейчас их число достигло нескольких сотен. Этот питомник действовал настолько успешно, что теперь он отправляет джейранов для пополнения популяций других селекционных центров Советского Союза и, возможно, со временем сумет пополнить их популяцию в естественной среде.



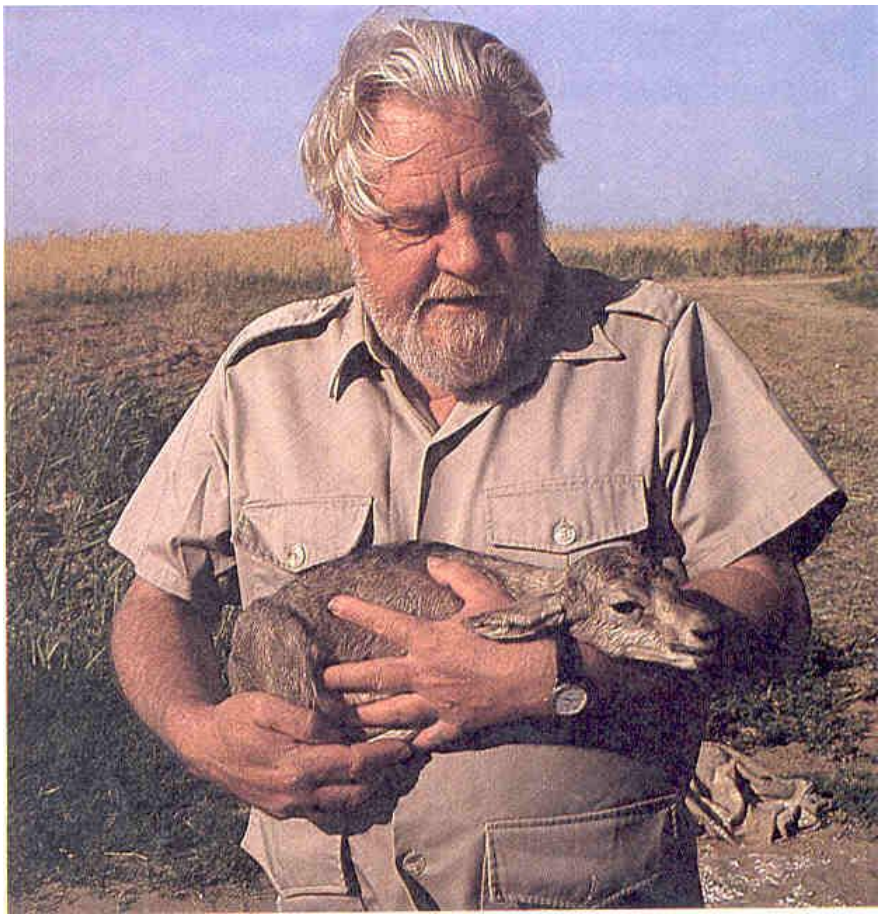
Чёрный саксаул – самое важное для пустыни древесное растение, не только служащее для защиты от ветра, но и благодаря своей мощной корневой системе держащее в узде страшные зыбучие пески.

Административный корпус питомника представлял собой несколько небольших домиков, теснившихся возле крохотного озерка с поросшими камышом берегами, где водились разнообразные птицы: зимородки, ходулочники, тростниковые камышевки и красавицы-варакушки, яркие и элегантные маленькие птички с подрагивающими хвостиками. Сначала мы посетили ручных джейранов и молодых животных, которых персонал центра кормил из бутылочек. Юные джейраны оказались очаровательными маленькими созданиями, одетыми в шубки цвета ириски, с огромными блестящими тёмными глазами и крупными ушами, похожими на каллы. Они абсолютно ничего не боялись и либо сидели у нас на коленях, посасывая пальцы, либо, пошатываясь, ходили вокруг нас на своих тоненьких длинных ножках.

Неподалёку от загонов, где содержали джейранов, мы обнаружили группу совершенно ручных сусликов. У этих небольших, похожих на белок грызунов были толстенькие тельца, глаза навыкате и короткие хвостики. Спинки их были густого красновато-коричневого цвета, а на груди имелась безукоризненно чистая кремовая манишка. Эти животные живут колониями в подземных «городах», которые они сами же и выкапывают. Встречаются суслики в таких количествах, что служат кормовой базой для всех видов пустынных хищников. Обнаруженная нами колония была очень занята своими делами: зверьки копали новые норки в массах песчаной почвы, ели, перебегали от одной норки к другой с известными только им самим таинственными целями и периодически останавливались, вытянувшись в струнку, словно гвардейцы в карауле, сложив лапки на своих манишках и наблюдая за нашей деятельностью своими выпуклыми блестящими глазками, а их усики подрагивали от любопытства.

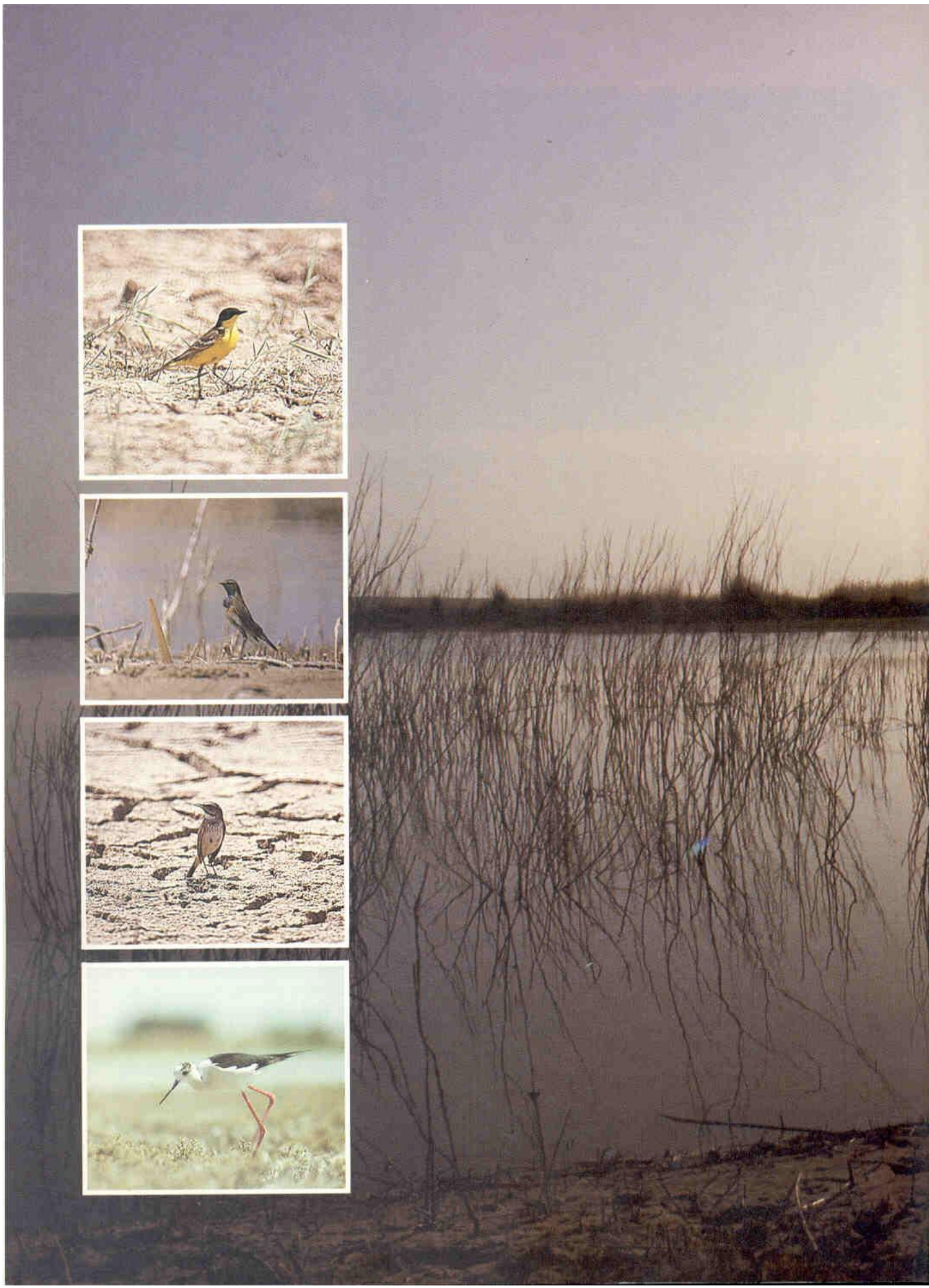
Завершив съёмку сусликов, мы выехали дальше в пустыню в поисках диких джейранов и куланов. Пустыня была плоская, состоявшая из желтовато-коричневого песка, мелкого, словно тальк, испещрённая зарослями саксаула и звёздочками разноцветных пустынных цветов.

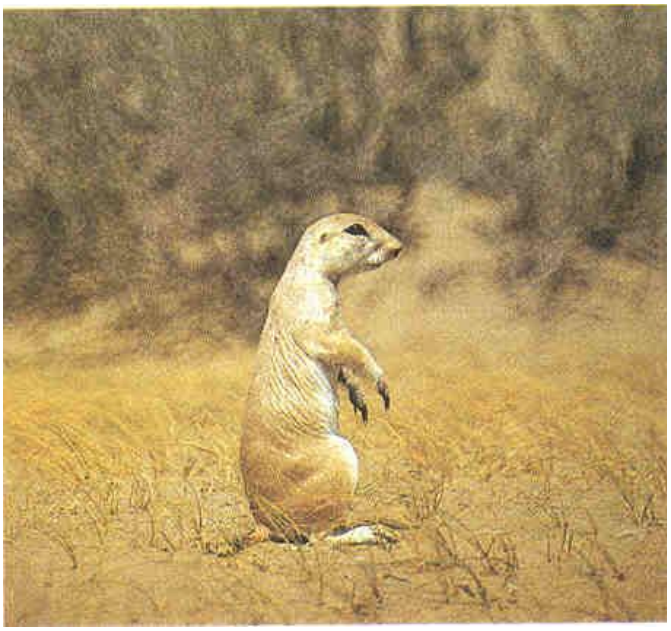
Этих очаровательных маленьких джейранов, всего лишь нескольких недель от роду, вскармливали искусственно. Планируется направить их в другой заповедник в пустыне для образования нового стада.



На этом этапе своей карьеры маленькие джейраны ещё очень уязвимы: они наивны, доверчивы и всё ещё очень неустойчивы на своих изящных длинных ножках. Единственной их защитой является их окрас – когда их матери уходят пастись, малыши остаются лежать на земле, свернувшись калачиком, невидимые среди неяркой пустынной растительности и песка.

На развороте: *Внизу, у крохотного поросшего камышом озерца мы обнаружили великолепное собрание птиц, среди которых* (сверху вниз) *– прекрасная черноголовая форма жёлтой трясогузки, танцующая рядом, склёвывая мириады насекомых; ходулочники, разгуливающие по мелководью на своих тонких длинных ножках; а также самцы и самки варакушек – первые, каких я когда-либо видел. На закате заросли камыша звенели от пения этих и других птиц.*





Колонии сусликов образуют большие и кипящие деятельностью поселения, где эти животные проживают в больших количествах. Суслики – подвижные и любознательные мелкие грызуны, обладающие большим шармом, хотя крестьяне и жалуются, что их сложные подземные поселения вредят почве. Я, однако, считаю: поскольку они тут появились раньше крестьян, лучше бы их оставили в покое.

Одни напоминали пирамидки бледных трубочек лаванды, другие – маленькие белые шары с пушистым ярко-оранжевым центром, похожие на яйца-пашот, а у третьих были лепестки в форме домино – ярко-жёлтые и густо-оранжевые. Они были очень симпатичные и весьма оживляли эту иссушенную безводную землю. На деревьях было множество горлиц и красивых полевых воробьёв, а однажды мы увидели удода с грудкой цвета лосося, который танцевал на песке, подняв свой головной убор индейского воина и разыскивая жуков среди саксаула. Эти деревья достигали в высоту 6-9 футов[39], хотя встречались группы очень почтенных экземпляров, которые были и старше и выше остальных. Саксаул – странное дерево, способное процветать на самых засушливых и неприветливых землях. Учитывая поразительную живучесть этого дерева, а также его способность выступать в качестве ветролома и закрепителя песков, насаждения саксаула шириной почти в 6 миль и длиной в 125 миль [40] опоясывают Бухару, чтобы не позволить пустыне захватить и проглотить город голубых мечетей.

Мы проехали по этой необычной, словно выцветшей пустыне довольно большое расстояние, прежде чем обнаружили диких джейранов, небольшую группу голов в двадцать, чьи рога блестели на солнце как смола, пока они бесцельно блуждали среди побегов саксаула. Они были чрезвычайно пугливы, но нам удалось, соблюдая большую осторожность подъехать к ним сравнительно близко. Некоторое время мы наблюдали за ними и снимали на плёнку, а затем, безо всякой видимой причины, они вдруг впали в панику и бросились прочь по миниатюрному саксауловому лесу, появляясь и снова пропадая из виду на скаку, словно желтовато-коричневые рыбины ,играющие в водах зелёной реки. Мы поехали за ними в надежде, что они могут остановиться, но охватившая их паника была слишком велика, они резко увеличили скорость и вскоре исчезли в жарком мареве, которое заставляло горизонт дрожать, словно плавящееся стекло.

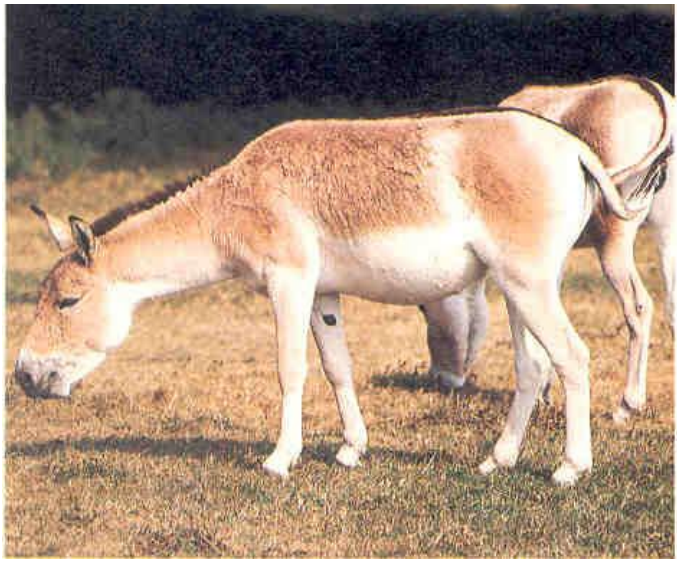
Мы вернулись обратно к административным зданиям питомника, чтобы пообедать, а затем изучили всех обитателей пустыни, которые в больших количествах собрались, чтобы сняться в нашем фильме.

Среди снимавшихся у нас знаменитостей были: огромный шоколадного цвета тарантул, мохнатый, как котёнок; скорпион размером с чайную ложку, который выглядел так, словно его вырезали из древней пожелтевшей слоновой кости; и несколько симпатичных жирненьких гекконов с пепельно-серой кожей, украшенной весёлыми канареечно-жёлтыми пятнами, и желтоватыми мордочками, в которые, словно бриллианты в оправу, были вставлены огромные блестящие глаза. Особое очарование этим рептилиям придавали их рты, уголки которых были изогнуты в робкой улыбке, и чёрные линии вокруг их больших глаз, которые придавали им забавный вид, напоминая очень длинные и очень густые накладные ресницы. Там был и обаятельный ушастый ёж с длинными ногами, глазками-пуговками и ушами, длинными, прямо как у осла. Вне всяких сомнений, однако, звездой шоу был специально добытый для нас серый варан более 4 футов в длину [41], который сидел в длинной проволочной клетке и раздувался от ярости. Его кожа была кирпично-красного цвета с каскадом красивых узоров в виде пятнышек и полосок, как будто он накинул на себя чёрную кружевную шаль очень модного покроя. Стоило вам приблизиться к его клетке, как он немедленно демонстрировал своё раздражение, смешанное с высокомерным презрением. Он поднимался, напрягал ноги, раздувал горло и начинал издавать шипение, словно котёл на углях, а в открытой пасти был виден его жёлтый язык, пробующий воздух, в то время как сам он хлестал своим плетевидным хвостом по плетению клетки. Этим хвостом он мог рассечь вас, как хлыстом, или ослепить, вздумай он ударить вас по лицу.

Всех этих «звёзд» мы вывезли в пустыню, разместили каждую в соответствующем окружении и засняли на плёнку. Они весьма охотно сотрудничали с нами: тарантул выказывал должную свирепость, скорпион сворачивал свой хвост, словно бледно-янтарную ручку от кувшина, ёж бегал вокруг, показывая свои уши, а гекконы бродили рядом, со своими нарисованными ресницами, невинными глазками и улыбающимися с притворной скромностью ртами, напоминая стайку хорошеньких, впервые накрасившихся школьниц. Затем пришла очередь варана.

Он сидел в своей клетке, сердито глядя на нас, и чуть слышно шипел, держа наготове свой грозный хвост. Теперь нам необходимо было достать его из клетки, исхитрившись не нанести ущерба ни ему, ни самим себе, и выпустить его в подходящем для съёмок окружении.

Даже в этой суровой пустынной стране можно было обнаружить целые россыпи цветов, которые на сухом однотонном фоне смотрелись как ювелирные украшения.

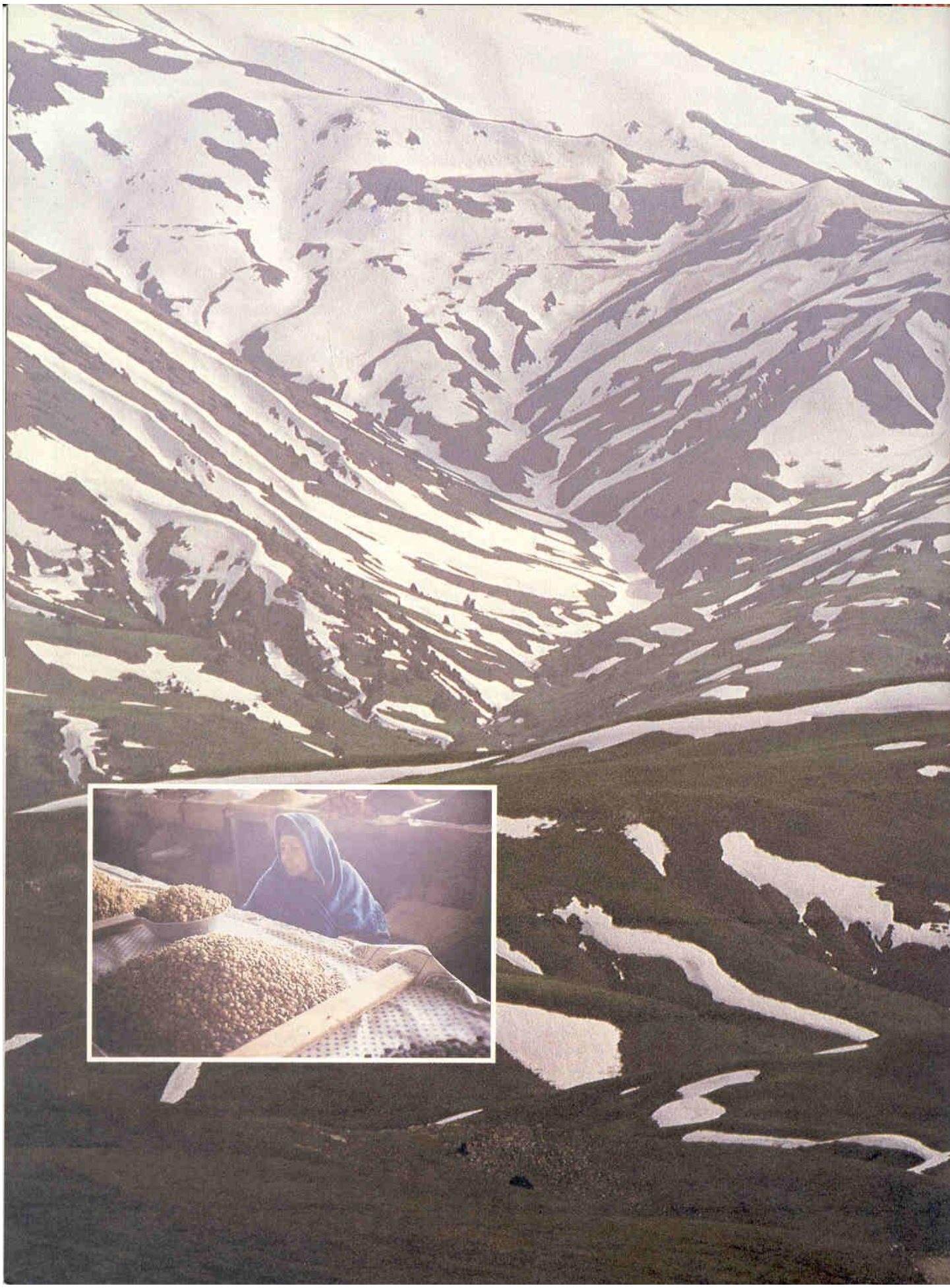


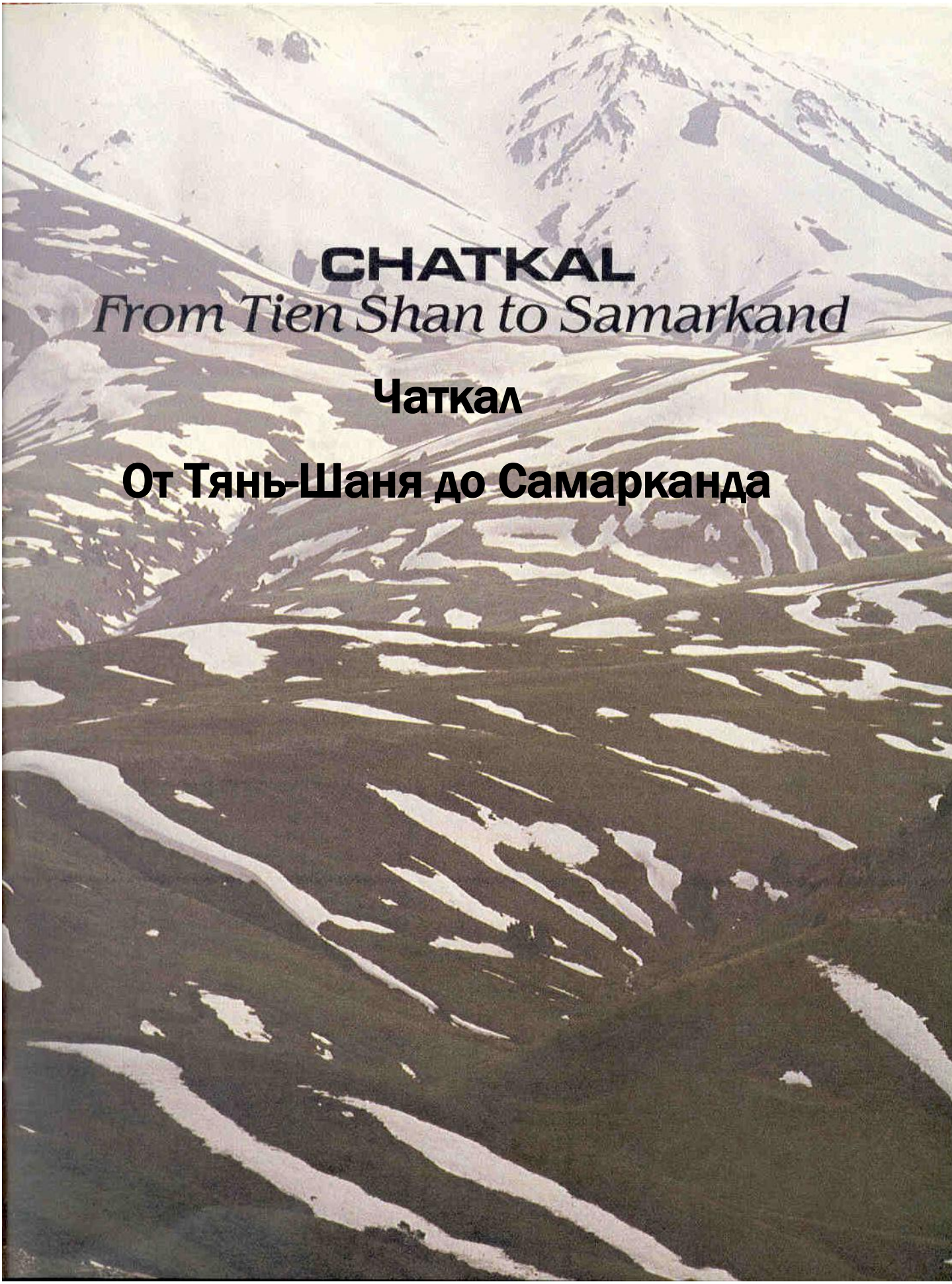
Серый варан (вверху справа). ***Вот он готовится отхватить большой палец Джону Хартли*** (справа). ***Вскоре после этого он был отпущен и препровождён, сердито шипящий себе под нос что-то нелицеприятное в наш адрес, в его поджаренное королевство. Прекрасный и неуловимый кулан*** (вверху), ***стадо которого делит территорию заповедника с джейранами.***

Я намекнул Джону Хартли, что в графе «занятие» своего паспорта он имел глупость указать магическое слово «герпетолог», так что обязанность заставить варана выступать на сцене по праву ложится именно на него. Нисколько не возражая, Джон вооружился большим мешком и приступил к выполнению миссии. Он открыл клетку и затолкал мешок в неё, стараясь завернуть в него голову варана. Однако рептилия молниеносно схватила значительный кусок мешка и повисла на нём, вцепившись мёртвой хваткой. Заняв кусающуюся часть варана делом, так сказать, Джон мог добраться до него, схватить его сзади за шею и длиннющий хвост и вытащить наружу. Он так и сделал, но затем мы столкнулись с проблемой. Варан наотрез отказывался снимать с себя мешок. Поскольку мы считали, что вряд ли съёмка варана, разгуливающего по пустыне с большим мешком в пасти, будет хоть сколько-нибудь натуралистичной, нам нужен был какой-то способ уговорить его отказаться от этого трофея. О том, чтобы заставить его разжать челюсти, нельзя было даже подумать: мы рисковали сломать их – с такой яростью он вцепился в мешок. Наконец, мы решили, что, поскольку в его пасти оказался относительно маленький кусок мешка, остальное мы отрежем поближе к его губам, и тогда неприличный мешок при съёмке будет незаметен. Едва Джон завершил филигранную работу по обрезанию свободной части мешка, как варан открыл пасть, выплюнул мешок и снова закрыл её с громким щелчком и большим пальцем Джона, оставшимся внутри. В конце концов, нам удалось извлечь палец Джона из челюстей варана, но только после того, как его ноготь треснул, а одной стороне пальца были нанесены серьёзные потери. Затем мы перетащили варана в ту часть пустыни, которая не была полита кровью Джона, и выпустили его там. Надо сказать, что, несмотря на все доставленные нам неприятности, вёл он себя очень хорошо: гордо шествовал по своему пустынному царству, задумчиво шипя что-то себе под нос, то и дело останавливаясь для осмотра зарослей саксаула своими блестящими глазами, и наконец исчез в норе суслика, которая, спешу с радостью сообщить, была не занята.

Теперь нам оставалось снять только кулана, но это животное было не так-то просто выследить. Мы довольно долго ездили по пустыне, прежде чем сумели обнаружить их. Они резко контрастировали с окружающим их довольно безжизненным пустынным пейзажем, лишь слегка оживляемом небольшими группами саксауловых деревьев. Стадо состояло голов из двенадцати, кобылы и жеребята сбились в кучку, а доминантный жеребец стоял на страже метрах в двухстах поодаль. Его жёны и дети смотрели на него, явно ожидая точного сигнала, поскольку, хотя наше появление их встревожило, всё, что они предприняли, было несколько небольших кругов, сделанных поблизости, и возвращение на прежнее место. А жеребец сохранял спокойствие, высоко держал голову и смотрел на нас весьма царственно. Это были изящные, гладкие животные, немного похожие на мулов, их палевого цвета шкуры лоснились в лучах заката, а чёрные гривы были так же чётко очерчены, как свежеподстриженная живая изгородь. Наконец, они как будто перестали нас бояться и расслабились, и нам удалось отснять о них отличный материал. Но примерно минут через пятнадцать, без явной причины (может быть, мы стали слишком уж бесцеремонными), жеребец решил, что хорошенького понемногу, и дал своему гарему и детям какой-то совершенно незаметный сигнал к отходу. Они все как один развернулись – жеребец замыкал колонну – и галопом углубились дальше в пустыню. Их тёмные копыта взбивали песок, и казалось, что они тянут за собой огромное белое кучевое облако.

Вставки на соседней странице: *Очаровательный ушастый ёж с ушами как у осла. Гекконы с бархатистой кожей, которые выглядят так, словно носят накладные ресницы.*

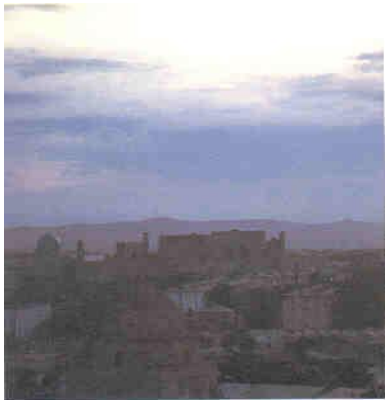




Чаткал

От Тянь-Шаня до Самарканда

Чаткал



Легендарный город Самарканд, матовый в дымке жары. Как нам хотелось въехать в него на верблюдах, а не на самолете Аэрофлота.

Справа: *Самарканд – город огромных куполов и массивных арок, на многих из которых ведется сложнейшая реставрационная работа. Одна из наиболее впечатляющих архитектурных достопримечательностей – гигантская арка медресе Шердор* (на вставке)*, украшенная свирепыми тиграми и ослепительными солнцами.*

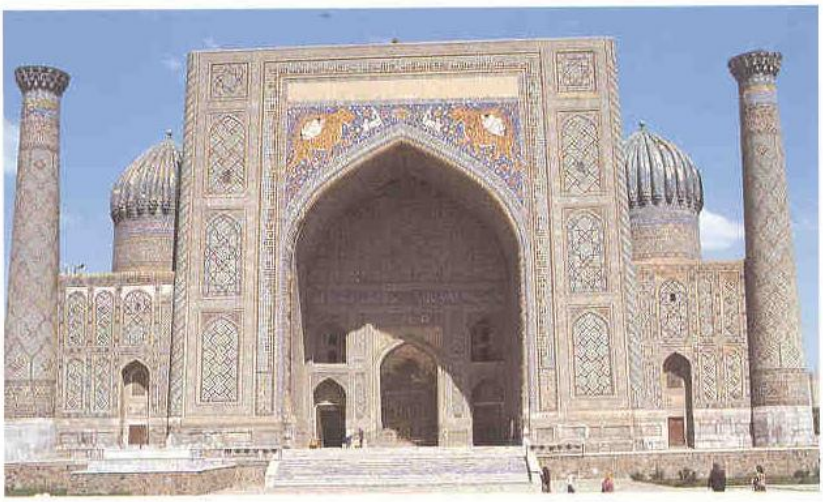
Предыдущая страница: *Покрытые снегом склоны Чаткальского хребта, и* (на вставке) *- рынок в Самарканде*.

Нам предстояло совершить перелет из Бухары в Самарканд. Самолет задерживался, но мы не особенно расстраивались по этому поводу, потому что в аэропорту Бухары было очень уютно, и мы могли вздремнуть на скамейках, стоявших в тени старинных яблонь. Наконец мы взлетели. Во время полета меня не оставляло ощущение, что попасть в легендарный город на таком современном и банальном средстве передвижения является чем-то недостойным. Александр Македонский, должно быть, подъехал к нему на коне, так же как и Чингисхан, а вот Марко Поло, будучи романтичным итальянцем, должен был въехать в него на спине огромного, плоскостопного, покрытого густой шерстью двугорбого верблюда. Нам же оставалось довольствоваться неприятно пахнущим и шумным самолетом. Прогресс всё больше вытесняет романтику, связанную с путешествиями.

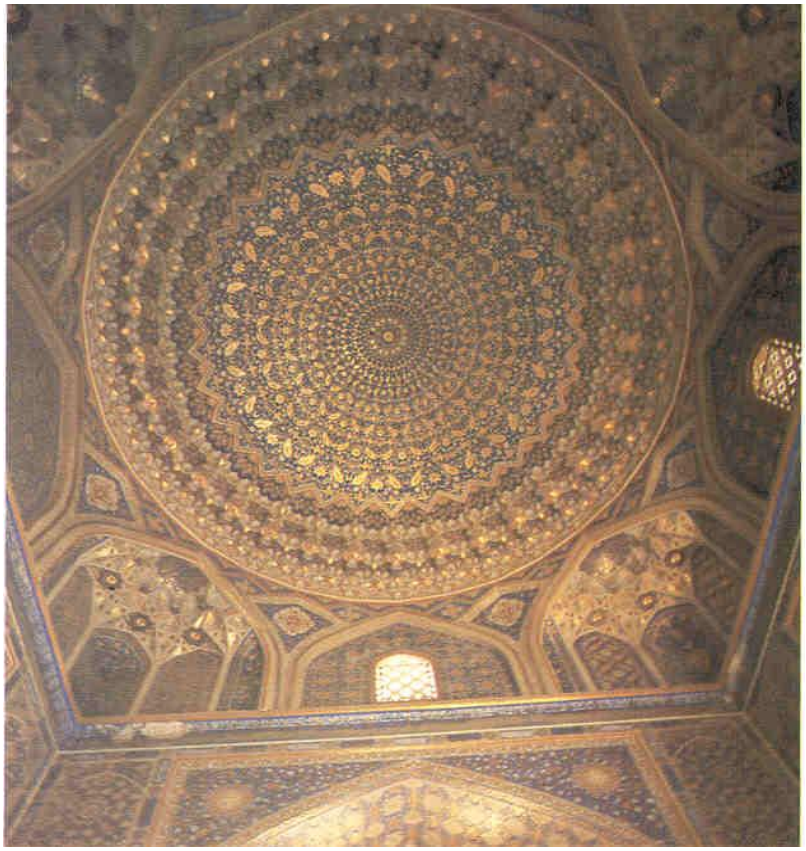
Мы снижались к Самарканду, и в дымке жары были видны синие купола мечетей, похожие на яйца в гнезде какой-то сказочной птицы. Поездка по городу была весьма захватывающей и экзотической. Помимо огромных куполов, сверкавших как драгоценные камни, мы проезжали гигантские арки, украшенные мозаиками из зеленых, желтых и лазурных плиток. Широкие, усаженные деревьями улицы были заполнены людьми в богатейшем разнообразии национальных костюмов, что создавало впечатление живого персидского ковра. В углублениях стен вдоль бульваров располагались крошечные магазинчики с широченными прилавками, на которых были навалены бараньи ноги, куры, шелковые платки, похожие на маленькие радуги, кипы разноцветной одежды и снедь всевозможного рода. Во всем этом было что-то от сказок тысячи и одной ночи.

Устроившись в гостинице, мы провели весь день, осматривая мечети и рынок и подыскивая походящие места для съемок с очаровательным гидом, которую звали Инесса. Инесса говорила на безупречном английском и могла дать ответ практически на любой вопрос.

Дворы мечетей производили сильное впечатление – мозаики из цветной плитки были прекрасной тончайшей работы. Во многих местах велись реставрационные работы, обширнейшая и очень сложная задача, так как за столетия основания зданий сместились, и в мечетях появились трещины, уходящие вверх к куполам и аркам, словно в тающем льду. Главной проблемой было найти способ укрепить основания этих гигантских сооружений при помощи бетона. Потребовалось немало времени на то, чтобы найти подходящую технологию, но в конце концов реставрация началась. Все треснувшие плитки необходимо удалить и заменить новыми, сделанными по такой же технологии и такого же цвета. Кирпичи, к которым крепилась заменяемая плитка, также необходимо укрепить цементом, чтобы у новых плиток было прочное основание. Это обширнейшее начинание займет многие годы, но после его завершения мечети и их арки, которые простояли тысячи лет, всегда будут украшать мир своей красотой.



Внутри здания так же красивы, как и снаружи. В них можно найти таких представителей рода человеческого, что становится не понятно, что именно нужно изучать – архитектуру или этнологию.



Вход в фантастический рынок, который был древним уже во времена Марко Поло, без сомнения делавшего на нем покупки. На заднем плане можно увидеть реставрационные работы, ведущиеся на огромной мечети Биби Ханум.

Рынок был великолепен – буйство красок ослепляло и поражало воображение. Молодые женщины были похожи на жительниц Тибета – у них были лица цвета спелого персика и темные миндалевидные глаза. У многих были длинные толстые косы, а у новобрачных – маленькие круглые шапочки с замечательными узорами. Наиболее распространенной одеждой было платье ярких цветов, которое заканчивалось на уровне колен, а под него одевались шелковые штаны, вышитые золотыми узорами и блестками. Пожилые женщины были массивного телосложения, их груди и ягодицы напоминали арбузы, а темно-коричневые лица покрывала густая сеть морщин. У стариков, худых и коричневых, как вяленое мясо, были орлиные носы и серые бороды, напоминающие испанский мох. Они носили огромные кожаные сапоги и аккуратно уложенные тюрбаны или же небольшие круглые черные шапочки, вышитые серебром.

Количество продаваемого товара изумляло. Груды моркови и капусты, пирамиды желтых яблок, насыпи специй сотен цветов, кучи светлого изюма, похожего на бусы из морщинистого янтаря, корзины жареных и засоленных семян абрикоса, разинувших рты при прожаривании и напоминавших стаи белощеких казарок.

В громадном здании располагался молочный и медовый рынок, представлявший собой незабываемое зрелище. На прилавках возвышались гигантские кувшины со сметаной, а среди них на пластиковые поддоны были навалены кучи свежего творога, оберегаемые огромными прабабками, морщинистыми как ящерицы и кричащими как попугаи. Их руки были густо покрыты творогом, который они постоянно удерживали от соскальзывания с поддонов на пол. Необъятные глыбы масла бледно- и ярко-желтого цвета напоминали золотые самородки.

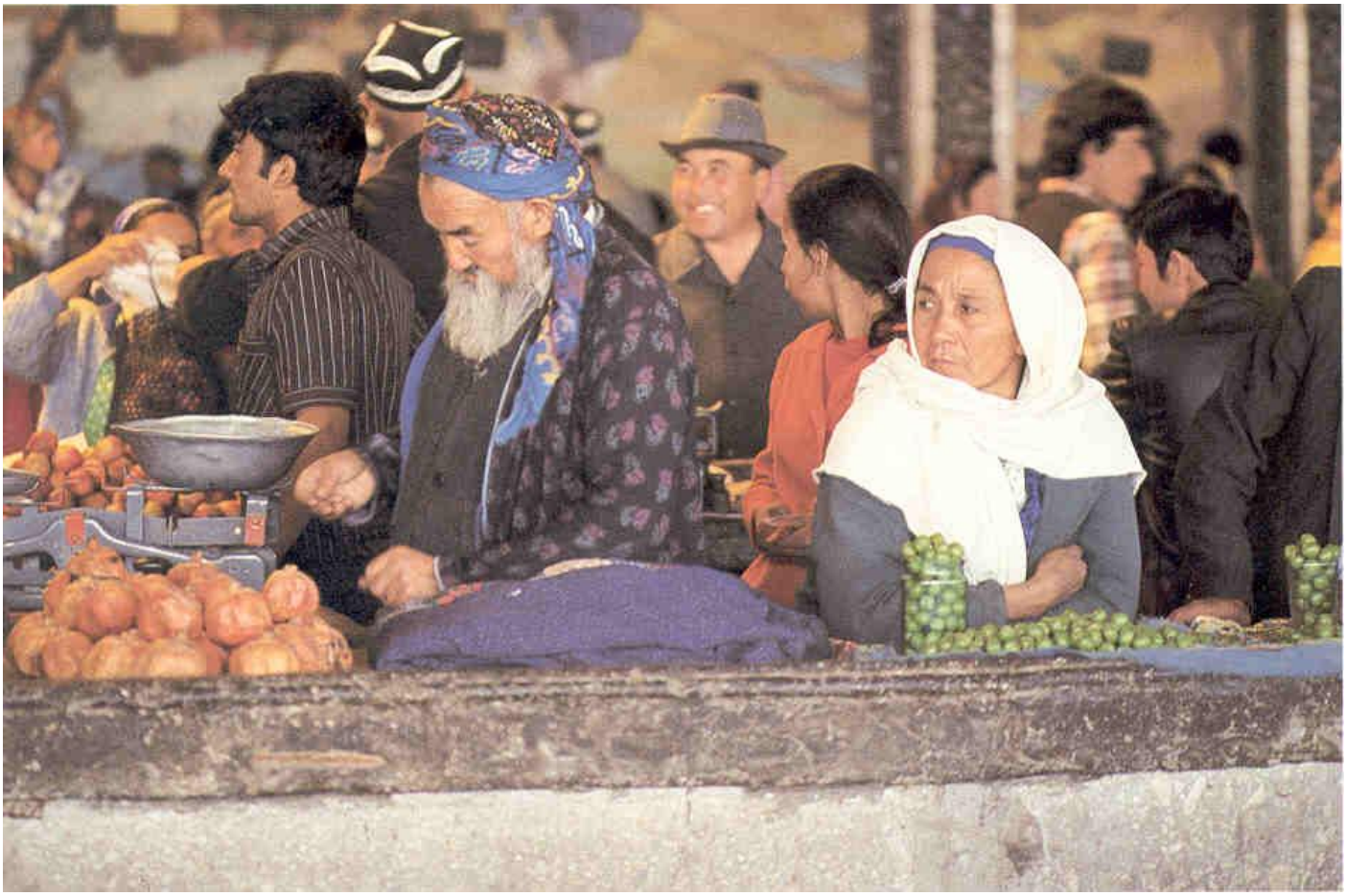
В другой части здания продавался мед самого разного цвета - бледно-желтого как лютик, бурого как медведь, темно-коричневого как смола.

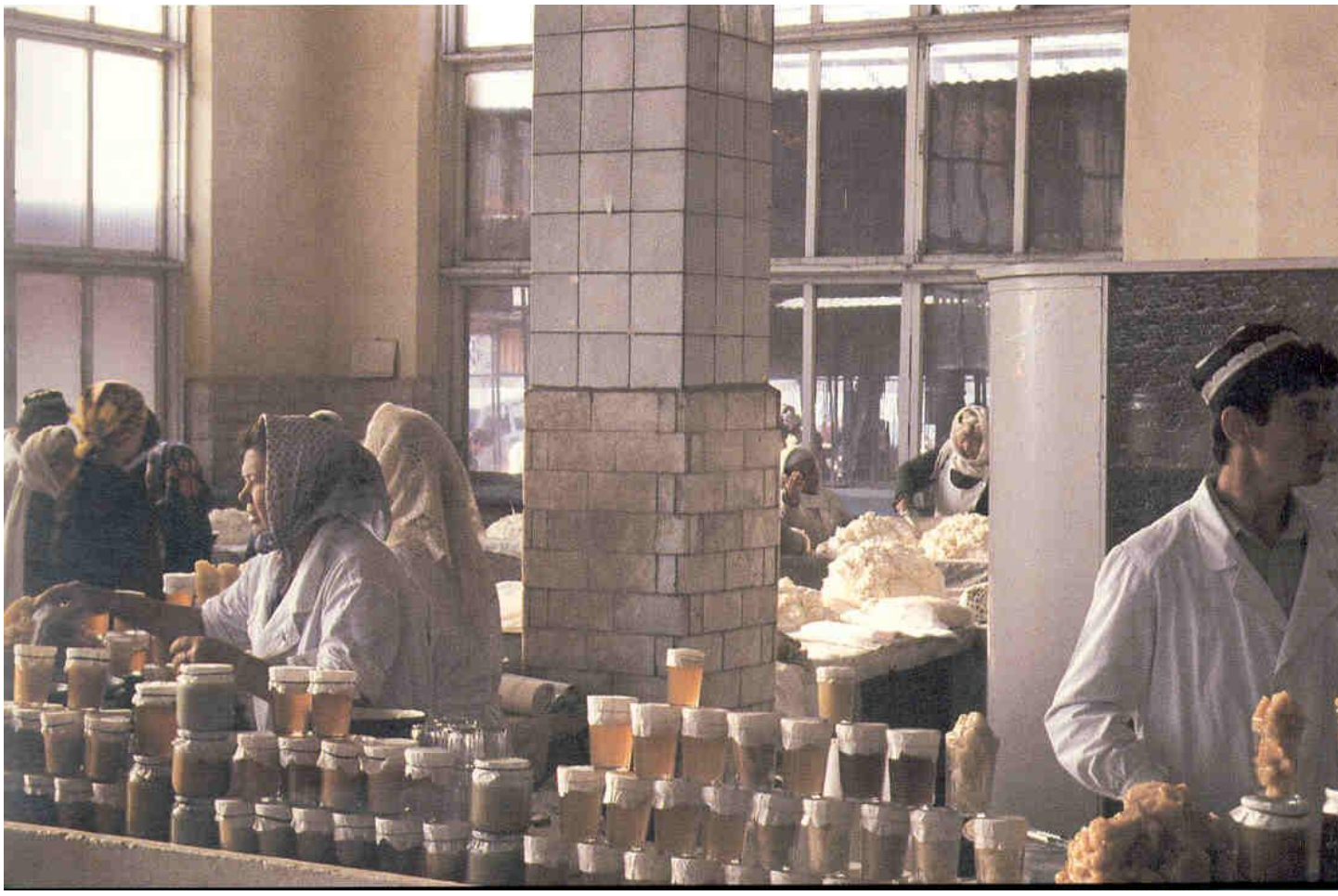
Внизу и справа: *Изумительный рынок, на котором продается всё для всех. Радуги овощей и фруктов, груды белого творога, мед всевозможных цветов, тягучий и сладкий. Торговля начиналась на рассвете и достигала пика к середине утра. Там было такое разнообразие людей, что мы с трудом могли сосредоточиться на тех экзотических товарах, которые продавались и покупались, от зеленого чая и самодельного табака до жареных семян абрикоса.*

Всё это разнообразие блестело и одурманивающе пахло смесью ароматов тысяч цветов. Кое-где в большие миски были навалены медовые соты, поверх которых был налит жидкий мед, так что они напоминали экзотические рифы в янтарных морях.

Такой огромный и оживленный рынок быстро ошеломляет, и в памяти остаются только отдельные эпизоды: мужчины свирепого вида с громадными кинжалами за поясом, стоящие возле прилавков, выкрашенных в синий цвет, и пьющие пиво из огромных кружек с целым облаком пены; тенистый уголок, в котором навалены петухи, куры, утки и индюшки, связанные в самые невероятные пуки с перьями; темная сводчатая улочка, ведущая в залитый солнцем двор, из которого, как с ярко освещенной сцены, важно прошествовал гном метрового роста с курицей в одной руке и яблоком в другой. Вокруг прорастающей картошки, покрытой чешуйками кожуры и бледно-зелеными ростками, пробивающимися наружу, собирались толпы людей, которые изучали её с тщательностью художественного критика, который дает оценку полотну Рембрандта. Там же мы видели древнего старика, лицо которого было похоже на лицо только что родившегося детеныша макаки - резус – всё в морщинах, с ввалившимися щеками и озабоченными глазами. На нём был небольшой тюрбан и поразительно длинный синий халат, рукава которого были сантиметров на двадцать длиннее его рук. Согнутый как вопросительный знак, он ковылял по рынку с неспешностью и целеустремлённостью черепахи, часто присаживаясь передохнуть пару минут на солнышке.

Пол на рынке был весь усыпан пятнышками от плевков, и мне думается, что даже после небольшой прогулки по нему подошвы моих ботинок были покрыты такой россыпью бактерий,





accumulated such an assortment of germs that Louis Pasteur would have been enchanted to have received them as a present. It was one of the most lively and wonderful markets that I have ever been in and one would have to spend a couple of weeks in it to do it justice. When you think that it was old in the time of Genghis Khan and that Marco Polo probably did his shopping in it, it gives you an extraordinary feeling of the past being in the present.

что Луи Пастер был бы счастлив принять их в дар.

Это один из самых ярких и чудесных рынков, на которых я побывал, а чтобы воздать ему должное, надо провести там хотя бы пару недель. Когда думаешь, что он уже был древним во времена Чингисхана, а Марко Поло наверняка делал на нем покупки, то чувствуешь, как прошлое переносится в настоящее.

We flew from Samarkand back to Tashkent where we learnt, to my irritation, that the road to our next destination – the Chatkal Reserve on the edge of the Tien-Shan Mountains – had been destroyed by a landslide. To get to it would necessitate a four-hour jeep ride and then six hours on horseback. The team decided to undertake this somewhat hazardous adventure in the hopes of getting good film, while Lee and I would fly into the reserve by helicopter.

The beginning of the Chatkal range in the Tien-Shan Mountains still ribbed with last winter's snow. The flight in by helicopter was breathtakingly beautiful as the sun caught these snow clefts, turning them now white, now blue and then pink.

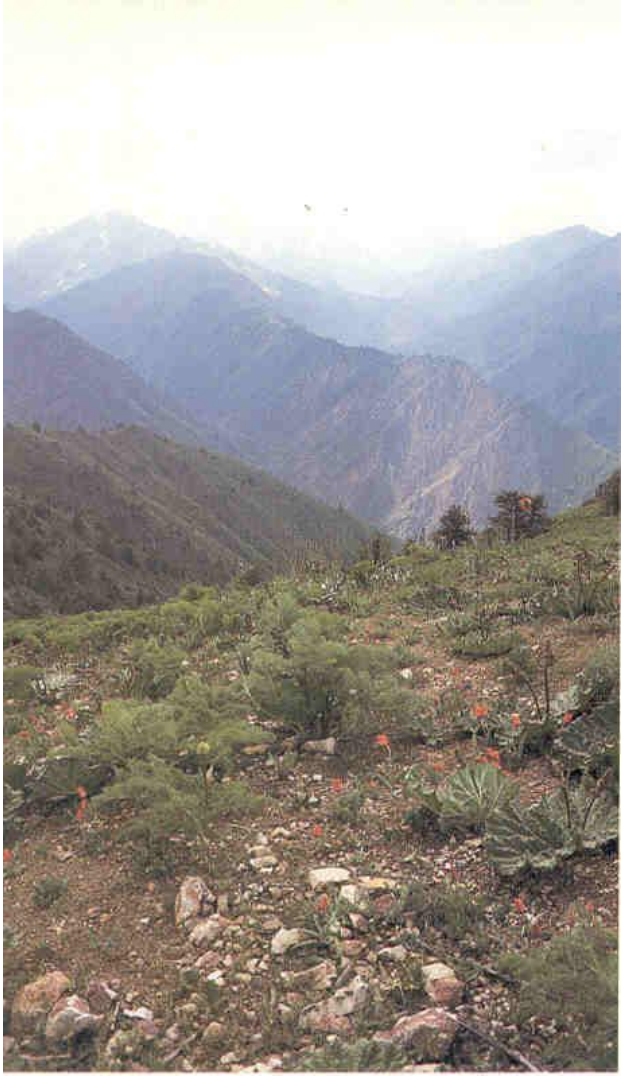
Из Самарканда мы вернулись в Ташкент, где к моему недовольству узнали, что дорогу в место нашего следующего посещения – Чаткальский заповедник на склонах Тянь-шаньских гор – разрушил оползень. Теперь чтобы добраться туда, надо было сначала четыре часа ехать на внедорожниках, а затем шесть часов на лошадях. Съемочная группа решила проделать это в некоторой мере рискованное путешествие в надежде получить хорошие кадры для фильма, а Ли и я должны были добраться до заповедника на вертолете.

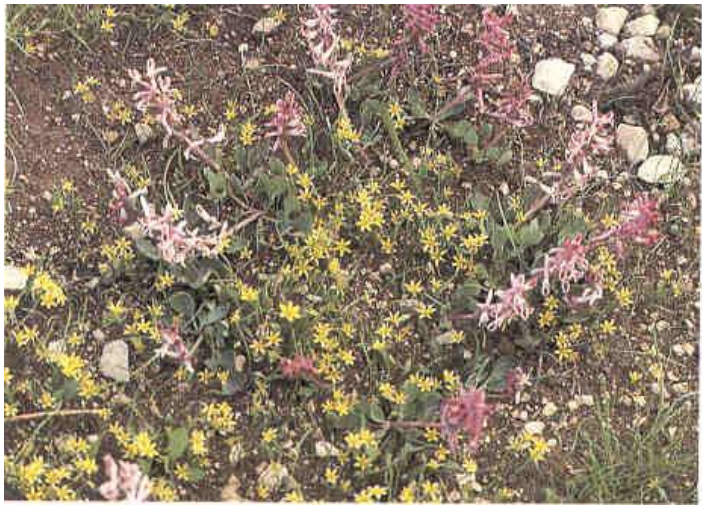
Начало Чаткальского хребта в Тянь-шаньских горах всё ещё покрыто последним зимним снегом. Вид, открывавшийся с вертолета, поражал воображение – в солнечном свете цвет снега менялся от белого к синему и затем к розовому.

Кое-где снег был разбросан так, как будто по нему прошлись какие-то гиганты. Это были кладбища зимних лавин, которые срывались со склонов и с ревом неслись в долины, зачастую увлекая за собой огромные валуны и деревья, показывая свою мощь.

Перелет был восхитительный. Сначала мы летели над плоской карамельного цвета равниной, на которой время от времени появлялись сады, пятна люцерны или сверкающие ленты рек. Затем мы добрались до подножия Тянь-шаньских гор, и пейзаж преобразился. Со всех сторон были горы с острыми как нож гребнями, свернувшиеся как змеи, зеленые и желтые. Их склоны были покрыты полосами снега, а местами были видны выходящие на поверхность ржаво-красные скалы, напоминавшие засахаренные грецкие орехи. Мы постепенно снижались всё ниже и ниже, пролетая через долины и преследуя собственную тень, которая пыталась убежать от нас по снежным полям, а горы возвышались над нами. Их каменистые светло-красного цвета склоны снизу густо поросли сосновыми лесами с вкраплениями буйно цветущих диких яблонь и огромных полян желтых цветов, похожих на поля из горчицы. Наконец мы приземлились в небольшой долине, сверкавшей самыми разными красками. Её склоны были покрыты теми желтыми цветами, что мы видели с вертолета, которые оказались растением, похожим на фенхель. Посреди них росли дикий ревень с темно-зелеными, похожими на тарелку листьями и розовыми стеблями, и красно-желтые тюльпаны со свежеотлакированными лепестками. По всей долине были разбросаны скопления яблонь в пене из бело-розовых цветков. Пригревало солнце, небо было голубым как яйцо лесной завирушки, а воздух прохладен и свеж. Мы сошлись на мнении, что это было самое красивое место из тех, в которых мы уже побывали в Советском Союзе.

Когда смолкли звуки нашего шумного прибытия, из-за яблонь появились директор заповедника и его помощники. Директор оказался приятным пожилым человеком с добрым, покрытым морщинами лицом и веселыми глазами. А в помощники нам отрядили группу жизнерадостных растрепанных головорезов со смуглыми монгольскими лицами и сверкающими черными глазами.





Нашей целью была долина, розово-белая от цветущих яблонь, вся заросшая диким фенхелем и ревенем и горящая пламенем ярко-красных тюльпанов. Не менее 1400 видов растений были найдены в Чаткальском заповеднике, некоторые из них больше нигде не встречаются.

Вверху: *Говорят, что от этого прекрасного тюльпана из Чаткала – который сейчас находится под угрозой исчезновения – произошли все выращиваемые нами тюльпаны.*

Слева: *Маленький королевский вьюрок ищет насекомых в цветках яблонь.*

На их смуглых лицах в одинаковых количествах сверкали белые и золотые зубы.

Они взвалили на плечи наши сумки и оборудование, и мы пошли через яблоневый сад, в котором жили оранжево-коричневые перламутровки, черные адмиралы и бронзовые стрекозы, разлетавшиеся от нагруженных носильщиков, когда их ноги разрезали тюльпаны и фенхель.

Нас поселили в небольшом домике среди яблонь на берегу небольшой речушки с холодной как лед и прозрачной как стекло водой, текущей по янтарным скалам. Её непрерывное журчание напоминало жужжание целого роя пчёл.

Так как нас заранее предупредили, что запасов еды в заповеднике нет, мы предусмотрительно сделали запасы овощей, фруктов, риса и мяса на рынке в Ташкенте. После того, как мы позавтракали с директором – а завтрак в данном случае состоял из грузинского коньяка, подававшегося неразбавленным, - я попросил наших друзей дикого вида, но с добрым сердцем, разжечь большой костер. В огромный котёл я налил воды, забросил мозговых костей и добавил овощи и рис, которые мы привезли с собой. В результате получился густой наваристый суп, который нам очень пригодился, потому что несмотря на то, что солнце пригревало, посидев в тени, очень скоро вы начинали замерзать. После полдника директор, который к этому времени выпил достаточно коньяка и добавил сверху домашнего узбекского вина из большой бутыли, ушел вздремнуть, поддерживаемый одним из своих помощников. Я с Ли отправился на прогулку по долине вдоль берега реки. Вокруг не было ничего, кроме журчания реки, пения птиц и прохладного чистого воздуха, наполненного ароматом яблоневого цвета. Любопытно было наблюдать огромное скопление самых разных насекомых, включавшее таких наших старых знакомых как аполлоны, махаоны и пчелы - плотники вместе с большим количеством мух и жуков, которых мы видели впервые.

Вверху: *Долина, в которой растет такое количество благоухающих цветов, привлекает множество бабочек, из которых самыми интересными были алексаноры в своей представительной черно- желтой ливрее* (слева) *и аполлоны, покрытые пятнами как леопард* (справа).

Посередине: *Огромный черный гриф, которого нам удалось заснять, построил своё гнездо на верхушке сосны, что весьма необычно для этих птиц.*

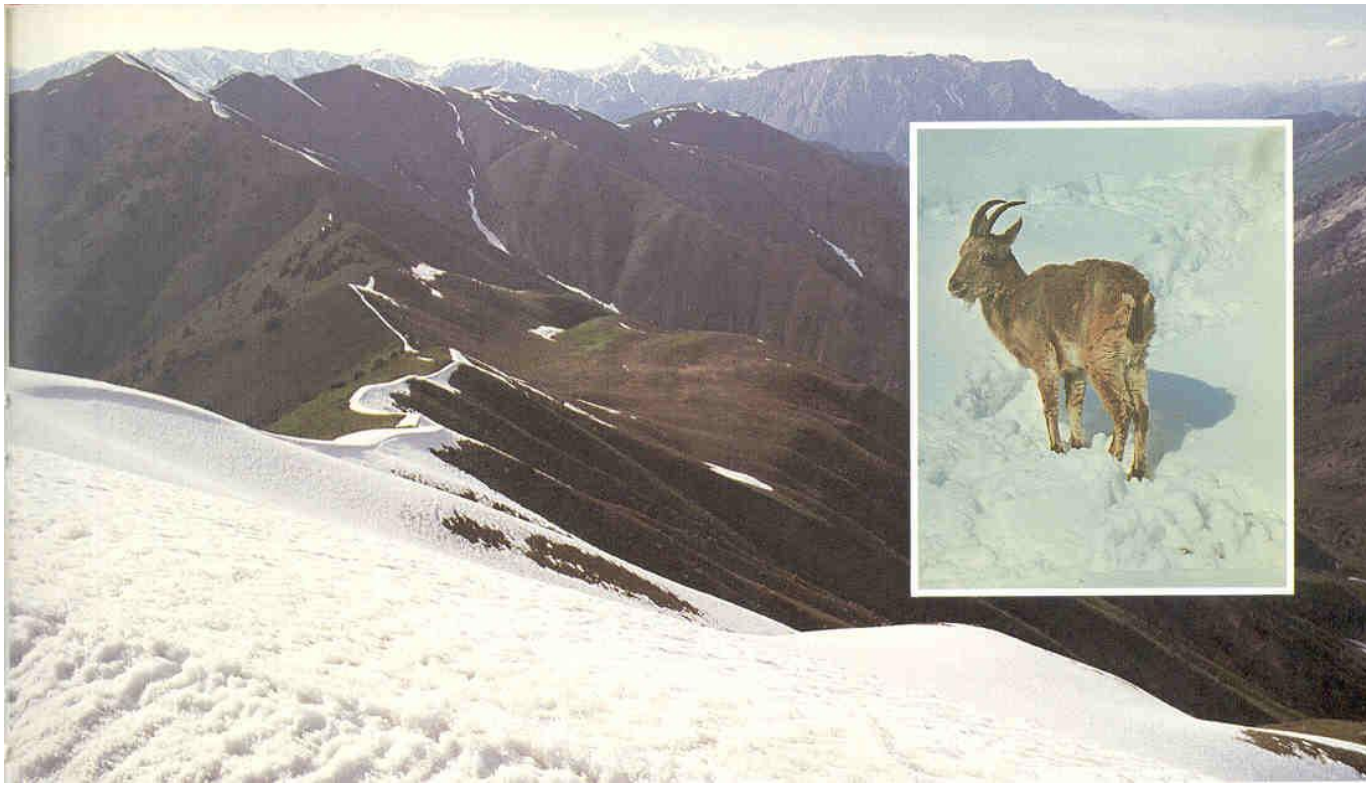
Слева: *Грифы кормятся останками крупных млекопитающих, и теперь их можно найти лишь в тех местах, где ещё обитают дикие козы и бараны.*

Сурок Мензбира – очаровательный и довольно редкий грызун, который живет небольшими колониями на Чаткальском хребте. Его сигнал, извещающий об опасности, – пронзительный свист – эхом отражается от скал. На зиму он впадает в спячку в подземных норах, в то время как снаружи свирепствуют снежные бури, делая жизнь на поверхности невозможной.

Большое количество цветов привлекало орды мух - жужжал – красновато-коричневых, пушистых как плюшевые медвежата, с блестящими крыльями. Их летательные способности поражали – они могли зависать в воздухе, а затем с огромной скоростью срываться с места в любом направлении, даже назад. Всякий, кто считает, что человечество раскрыло все тайны аэродинамики, должен понаблюдать за этими насекомыми. На деревьях было множество птиц – дятлы, стучавшие как толпа плотников, сойки, мелькавшие в полете своим розово-синим оперением, сорокопуты, овсянки и стайка королевских вьюрков, которых я увидел впервые.

Приближался вечер, и долина погружалась в тень, которая приглушала яркость цветов. Стало довольно холодно, поэтому мы напялили на себя всю одежду, которая у нас была, и собрались вокруг костра, радуясь тому теплу, которое можно было извлечь из директорских запасов грузинского коньяка. Пока он спал, его веселые разбойники прошлись по долине и вернулись с кучей грибов, величиной с игрушечный зонтик, мясистых и ароматных. Их добавили в плов, готовившийся на огромном помятом казане. Когда его подали, он оказался бесподобен, и мы набили свои животы так, что просто свалились в спальные мешки из овечьей шерсти. В полвторого ночи мы проснулись от невероятного гама - смеха и криков, ржания лошадей, звона стремян и удил. Сперва показалось, что нас пришла освободить американская конница, но это оказалась всего лишь наша съемочная группа, уставшая и замерзшая, но в отличнейшем настроении, потому что им удалось увидеть и заснять (а это не одно и то же) черного грифа и нескольких сибирских козерогов. А кроме всего прочего, у них был отснят замечательный материал о колонии сурков Мензбира, одного из видов, которому грозит исчезновение.

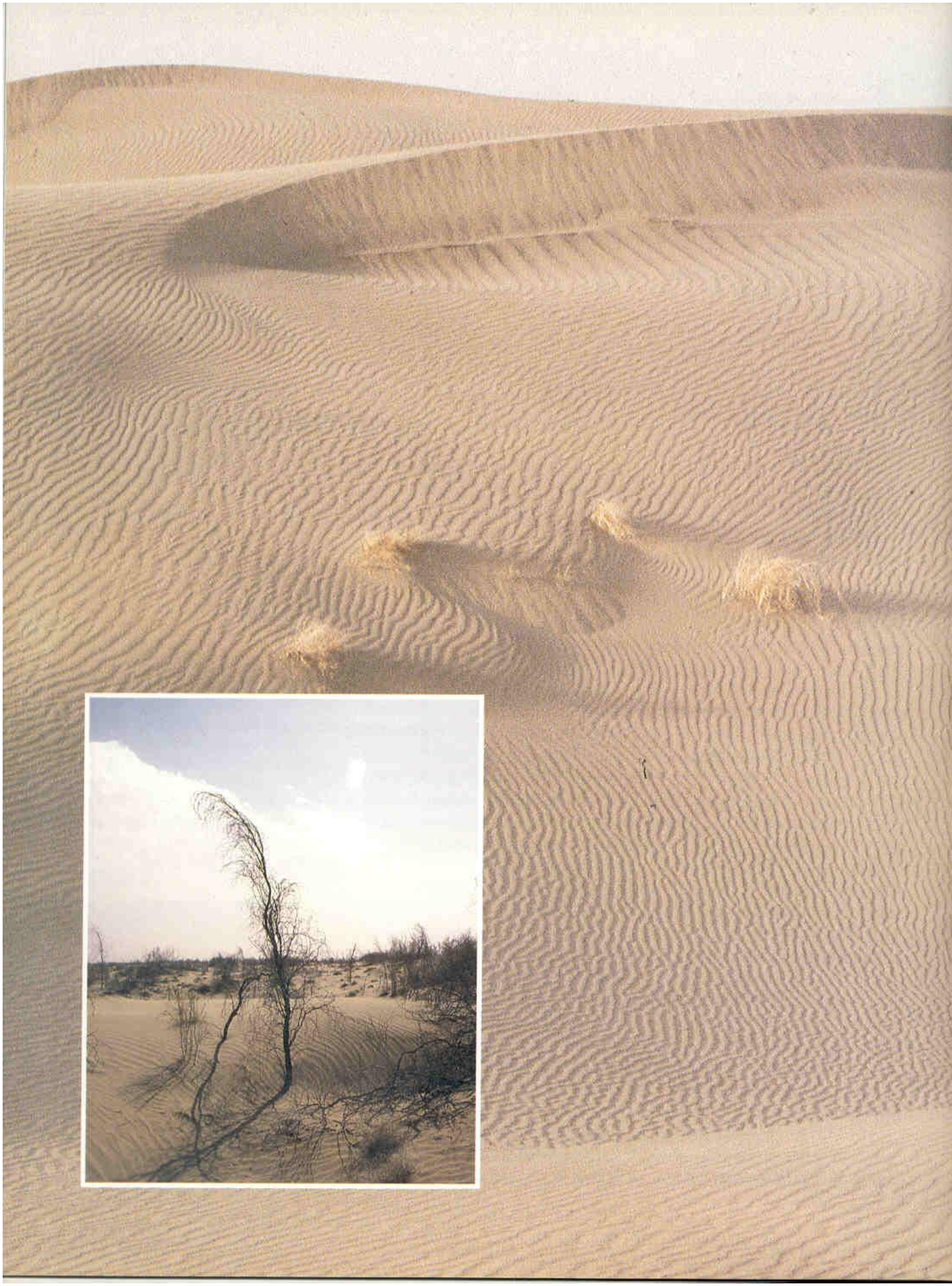
Сурки являются широко распространенным видом грызунов, и различные их разновидности можно встретить от европейских Альп до Китая и от Аляски по всей северной части Соединенных Штатов. Сурок же Мензбира обитает только в небольшой области Тянь-шаньских гор, где когда-то он был широко распространен.



Однако вторжение сельского хозяйства в горные долины вытеснило область его обитания выше в горы, и считается, что теперь популяция насчитывает только несколько тысяч особей. Сурки – крепкие на вид, приземистые создания с короткими толстыми хвостами. У того вида, который засняла съемочная группа, были темно-коричневые спинки, переходящие в рыже-красные к хвосту, и элегантные кремового цвета грудки и передние лапки. Сурки Мензбира живут колониями и роют длинные сложные норы, в которых рожают своё потомство и которые используют для зимней спячки, длящейся в самых суровых местах обитания до девяти месяцев. У них очень острое зрение, и обычно они сидят у входа в свои норы, высматривая возможные опасности. Как только появляется что-то подозрительное, раздается их сигнал об опасности – громкий пронзительный свист, эхом разносящийся по окрестным скалам. Пухленькие и выглядящие как детские игрушки, сурки – прелестная разновидность грызунов, а заснять редкий вид в таких непростых условиях было большой удачей.

Мы провели ещё один день, снимая материал об этой прелестной долине, после чего тепло попрощались с нашими хозяевами. Когда вертолет взлетал, поток воздуха сорвал с яблонь сотни цветов, закружив их в огромном бело-розовом облаке, и пригнул желтые и красные головки тюльпанов. Казалось, что они отвешивают нам прощальный поклон.

Сибирский козерог – прекрасный представитель своего племени - живет высоко в горах в самых труднодоступных районах, где слышит только пенье птиц и рев лавин. Подобраться к нему на близкое расстояние очень сложно.



Репетек

Красная пустыня

Репетек.

Как мы убедились, без верблюдов в пустыне обойтись просто невозможно. Но, тем не менее, трудно заставить себя по-настоящему полюбить создание с таким кислым и мрачным выражением на морде.

Центр Чарджоу, города на востоке Туркмении, оказался очень милым, с уютными деревянными домиками, выкрашенными в разные цвета, и ухоженными палисадниками. Однако, чем дальше мы продвигались к окраинам города, тем более ветхими становились дома, заборы палисадников всё чаще были проломлены, а вместо зелени там валялись кучи металлолома, пустые банки и бутылки, и вся атмосфера напоминала цыганскую стоянку. Но совсем скоро город остался позади, и извилистая дорога вывела нас в пустыню, где находился Репетекский заповедник. Это была холмистая пустыня, где росли серебристо-зелёные кустарники, обильно усыпанные шаровидными жёлтыми и розовыми цветами. При ближайшем рассмотрении цветы эти оказались очень необычными. Больше всего они напоминали морские анемоны, потому что представляли собой круглые, пушистые, жёлтые или розовые коробочки, из которых, словно щупальца, торчали лепестки, образуя полупрозрачный шарик. На тянувшихся вдоль дороги телеграфных проводах дюжинами сидели щурки и сизоворонки, сверкающие в ярком солнечном свете, как ювелирные украшения. То тут, то там, среди рыжеватых холмов небольшими группами с унылым видом стояли одногорбые верблюды – дромадеры. Их рты были набиты цветами, которые они меланхолично пережёвывали.

Жилой корпус заповедника, где нас поселили, произвёл на нас громадное впечатление. Здесь были такие неожиданные предметы роскоши, как кондиционер, электрическое освещение, вентиляторы, удобные кровати и даже холодильник. Кроме того, у нас были элегантная столовая, туалет и душевая комната, утопавшие в буйной растительности. Директор оказался красивым смуглым мужчиной, напоминавшим индонезийца. Поначалу он держался довольно чопорно, но вскоре, когда понял, что мы к себе относимся не очень серьёзно, обнаружил вполне мальчишеское чувство юмора.

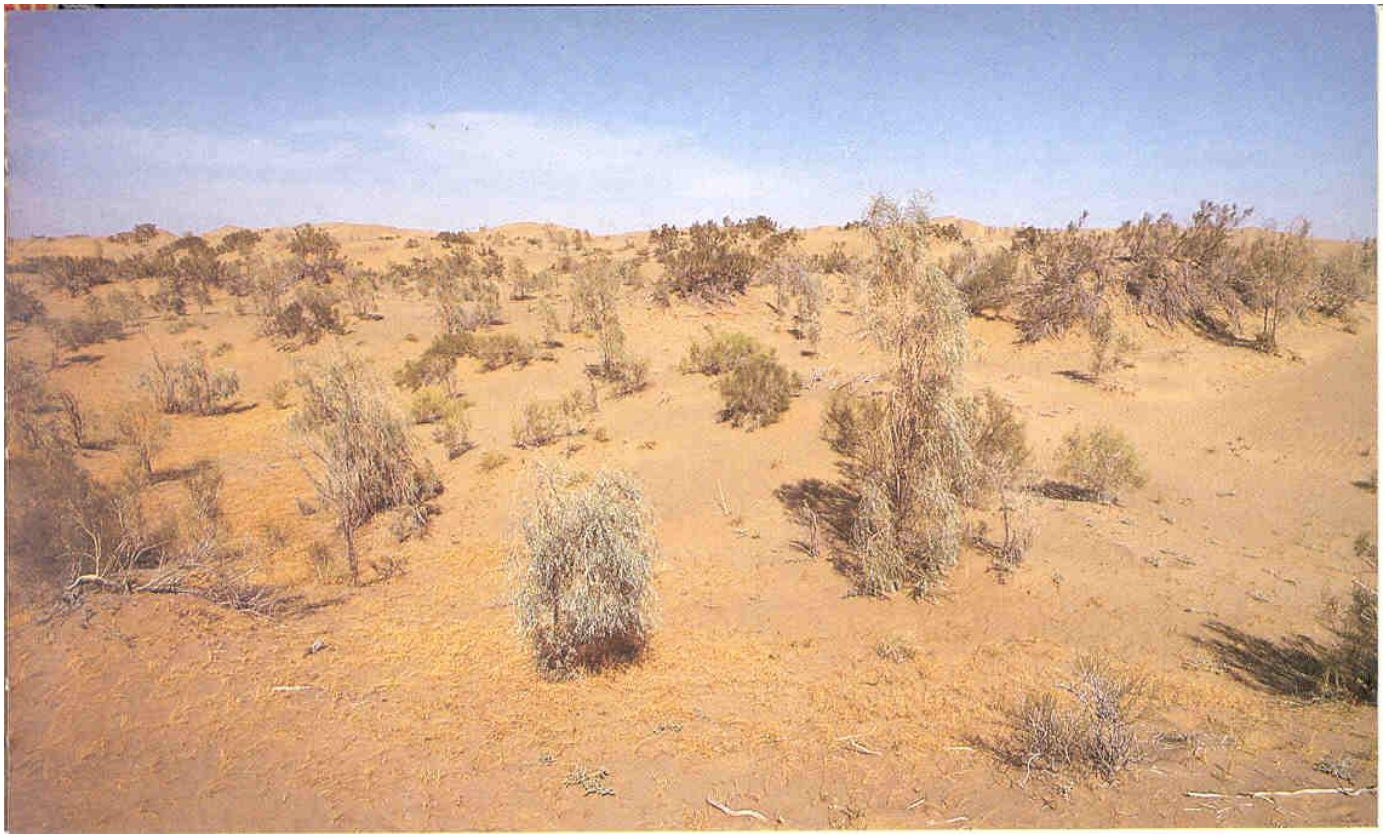
Мы планировали показать в нашем фильме пустыню в целом, но больше всего нам хотелось заснять на плёнку степную черепаху и пустынного воробья, птицу, которая считалась вымершей, пока не была обнаружена живой и здравствующей в Репетеке. Кроме того, зная, что попытка обнаружить местных рептилий при нашем жёстком графике вполне может закончиться неудачей, мы заранее договорились с Московским зоопарком о доставке в Репетек представителей основных видов рептилий, чтобы снять их в естественных условиях. Предварительная беседа на эту тему с директором немедленно повергла нас в уныние. Во-первых, работники Московского зоопарка не смогли достать билеты на нужный рейс. Во-вторых, недолгий, но страстный брачный период у черепах уже закончился, и они все закопались в песок, чтобы в спячке переждать период палящего летнего зноя. Во время нашего разговора в Репетеке стояла поздняя весна, и температура была выше 45° по Цельсию в тени, так что мы их прекрасно понимали. После этого мы перешли к вопросу о пустынном воробье. Директор сообщил, что эта птица встречается очень редко, поэтому наши шансы снять её, по его мнению, равнялись нулю. Разрушив таким образом все наши планы, он налил всем водки, в которой мы к тому моменту уже отчаянно нуждались, понимая, что все наши надежды снять передачу о пустыне пошли прахом.

На предыдущей странице: *Пустыня и* (на вкладке) *деревья выглядят мёртвыми, но при малейшем дождике они способны буйно зацвести.*

Этот необычный и очень красивый кустарник местные жители называют «джузгун», или «жузгун» [42], что, как мне объяснили, означает «тысяча солнц». Мне его заросли показались похожими на красиво взбитое мороженое. Эти кустарники не только чудесно украшают пустынный пейзаж, но и обеспечивают пищей многочисленных насекомых.

Даже при самых жгучих температурах в самых неожиданных местах можно было обнаружить пучки живой растительности.

Видя наше безграничное отчаяние, директор попытался нас утешить и сказал, что после обеда, когда жара немного спадёт, мы сможем пойти в пустыню и на месте посмотреть, не удастся ли нам найти объекты для съёмок. Так мы и решили поступить. После обеда и небольшой сиесты мы отправились в путь. По общему решению, мы с Ли отправились одной дорогой, а остальная команда – другой, чтобы охваченная нами территория была как можно больше. Мы выехали в пустыню на огромном грузовике с гигантскими колёсами, специально разработанными для преодоления типичных для Каракумов барханов – дюн из мелкого зыбучего песка. Эти бесконечные песчаные горы сезонно движутся в разных направлениях, словно морские течения: сначала ветер гонит их в одну сторону, а потом, со сменой времени года, он меняет курс и направляет барханы обратно. Можно сказать, что это невероятное песчаное море, как и океан, подвержено действию приливов и отливов. Песок был преимущественно бледно коричневый, цвета верблюжьей шерсти, с розоватым отливом в тени и серебристого оттенка – на солнце. Наш грузовик с пыхтением и рёвом то взбирался вверх, то съезжал вниз по барханам высотой в 50-60 футов [43], и мы чувствовали себя как на огромных песчаных американских горках. Проехав через барханы, которые были довольно скучными и безжизненными, мы оказались в районе, где было гораздо больше растительности – различные травы, рощицы чёрного саксаула и необычное дерево, похожее на плакучую иву, которое смотрелось очень не к месту в этой высушенной солнцем безводной местности. Для пустыни, которую всякий бы назвал самым безжизненным местом на планете, здесь было чрезвычайно много растений и животных. Помимо деревьев, здесь росли многочисленные степные цветы, особенно часто попадался цветок, похожий на бледно-лиловую миниатюрную живокость, и ещё один – напоминающий лютик, но испещрённый красными точками и более мелкий. В зарослях саксаула издавали различные звуки не менее десятка видов птиц, но увидеть их было невозможно, поскольку солнце ещё очень сильно припекало и они прятались в тени.



Однако на насекомых и паукообразных жара, похоже, не действовала, и мы обнаружили множество видов пауков и чёрных, плоских клещей, похожих на круглые монеты с ножками, которые с деловитым видом носились туда-сюда по раскалённому песку. Повсюду были жуки: одни изумрудно-зелёные, с золотым «напылением» и торпедообразным туловищем длиной в 2 дюйма [44], другие – чёрные, как шляпа ведьмы, покрытые круглыми белыми пятнами, а ещё – крупные, размером со спичечный коробок, навозные жуки, сверкающие на солнце иссиня-чёрным хитином, когда они неуклюже взлетали в поисках необходимого материала для устройства их «яслей». По барханам осторожно передвигались сетчатые ящурки – красивые рептилии густого, травянисто-зелёного цвета, украшенные чёрным узором, словно накинувшие ажурную шаль. Они стремительно скользили с места на место, то и дело останавливаясь, чтобы обнюхать песок и раскопать его в поисках насекомых. Пожалуй, самыми распространёнными и в то же время наиболее необычными рептилиями оказались два вида круглоголовок – эти ящерицы попадались нам буквально повсюду и были столь бесстрашными, что подпускали нас к себе на расстояние меньше двух метров. Их круглые тупорылые мордочки и тела покрыты заострёнными, словно крохотные пирамидки, чешуйками. Ноги у круглоголовок очень крупные, а пальцы оторочены роговыми пластинками, что делает их похожими на снегоступы и позволяет животному легко передвигаться по мелкому песку. Очарования этим ящерицам прибавляли некоторые весьма забавные повадки. Прерывая ненадолго свои нескончаемые поиски пищи, они замирали, опираясь на пятки и приподняв пальцы. Возможно, таким способом они пытались уберечь пальцы от ожогов на раскалённом песке. Но в таком случае их пятки явно были невосприимчивы к высоким температурам. Это было действительно очень интересно, и, надо сказать, круглоголовки выглядели очень смешно, стоя на пятках, в то время как их длинные бахромчатые пальцы плавно двигались в воздухе,

Большинство людей считают, что пустыня безжизненна, но это далеко не так. Здесь можно встретить заросли мелких кустарников. Высыхая, они разносятся ветром, как перекати-поле (вверху).

Кое-где попадаются небольшие яркие группы цветов, похожих на миниатюрные воронки.
Затем, совсем уж неожиданно, обнаруживается какой-то гриб, торчащий из песка. И повсюду – жуки, некоторые из которых попадают на обед птицам, и тогда их надкрылья падают с неба, словно экзотические драгоценности.

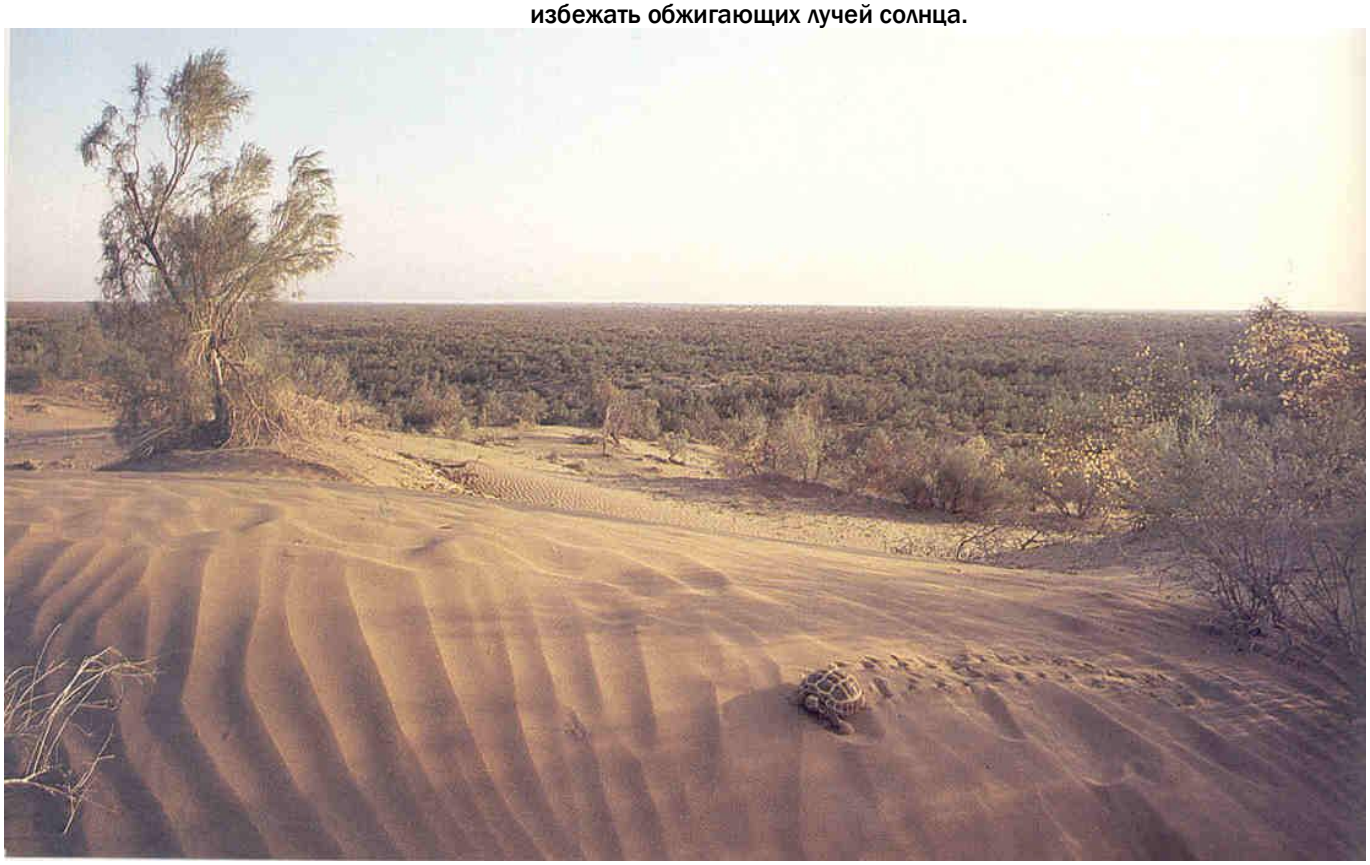
словно у пианиста, разминающего пальцы, прежде чем приступить к исполнению особенно сложной пьесы Шопена. У этих ящериц были и другие, ещё более удивительные повадки. Один из видов [45], если вы приближались к нему слишком близко, предупреждал о своём недовольстве, разворачивая кроваво-красные складки кожи в углах раскрытого рта. Другой вид [46] неожиданно сворачивал, будто часовую пружину, на спину свой хвост, предъявляя его нижнюю сторону, которая, в противоположность тусклой желтовато-коричневой расцветке тела ящерицы, была потрясающе раскрашена в чёрно-белую полоску. Можно легко представить, какой эффект оказывала такая демонстрация на потенциальных хищников.

Мы решили, что первая поездка в пустыню нам вполне удалась.

Пустынные ящерицы были просто очаровательны. Песчаная круглоголовка (слева и внизу) *имеет привычку опираться на пятки и разминать пальцы в воздухе, словно готовясь сыграть фортепьянный концерт, или сворачивать хвост, как часовую пружину. А ушастая круглоголовка* (справа) *пытается вас запугать, разворачивая ярко-красные кожные складки в углах рта, хотя больше всего стремится к тому, чтобы её просто оставили в покое.*

Сухой климат делал даже сильную жару вполне сносной. К вечеру мы двинулись по «американским горкам» в обратный путь. Дюны были того коричневого цвета, в который обычно бывают окрашены плюшевые мишки, но теперь их волнистая поверхность оттенялась синевой. Наше шумное приближение вспугнуло рыжую, как осенний лист, лисицу и двух зайцев. Мы как раз любовались закатом, наблюдая солнце, похожее на гигантский цветок календулы, медленно скатывающийся вниз по зеленовато-голубому небу, когда Ли неожиданно издала пронзительный вопль и потребовала, чтобы водитель остановил машину. Она выпрыгнула, бросилась назад к дороге и вскоре вернулась, запыхавшись, но торжествуя: в руках у неё была степная черепаха. Животное было явно возмущено всей этой ситуацией и выразило свой протест, обильно оросив нас обоих и салон автомобиля. Но мы не возражали, раз уж нам удалось обнаружить создание, ради встречи с которым мы так далеко забрались. Когда мы вернулись в жилой корпус заповедника, нас ждала там ещё одна хорошая новость. Едва остальные члены нашей группы въехали в пустыню, директор заметил гнездо пустынного воробья. Родни успел запечатлеть на фотокамеру, как самец и самка приносят в гнездо строительный материал, наводя последний лоск на свой будущий дом. Заснять на плёнку эту птицу – одну из самых редких в Советском Союзе – было для нас настоящей удачей. Кроме того, мы с радостью узнали, что Владимир Фролов, сотрудник Московского зоопарка, работающий с рептилиями, решил не бросать нас в беде и путём подкупа, обмана и угроз сумел-таки попасть на самолёт из Москвы. Это был красивый молодой человек, который привёз с собой рюкзак с запасной рубашкой, тремя песчаными удавчиками и коброй. Любой уважающий себя герпетолог сказал бы, что такой набор предметов в багаже и был самым разумным. В этот день мы отправились спать в прекрасном настроении, хотя обычно человек от усталости склонен недооценивать свои достижения в конце трудного рабочего дня.

На следующий день мы были в пути уже в шесть утра, чтобы избежать обжигающих лучей солнца.



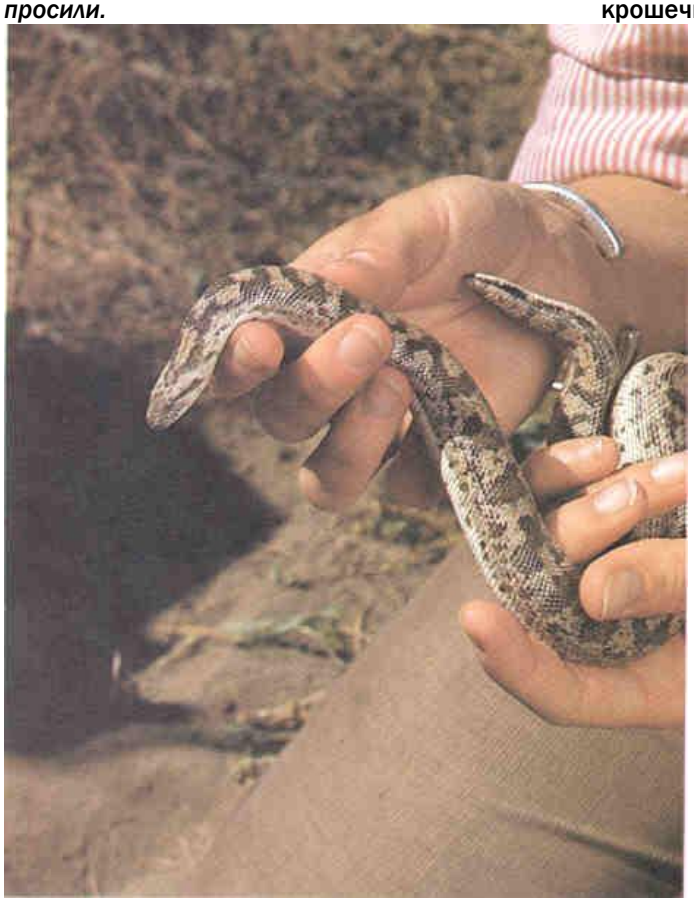
Пустынный воробей был самой редкой птицей, которую мы видели и снимали. Это было очаровательное создание, которое некоторое время считалось вымершим. В окрестностях жилого корпуса заповедника эти птички встречались довольно часто и даже прилетали попить воды из крана под окном нашей спальни.

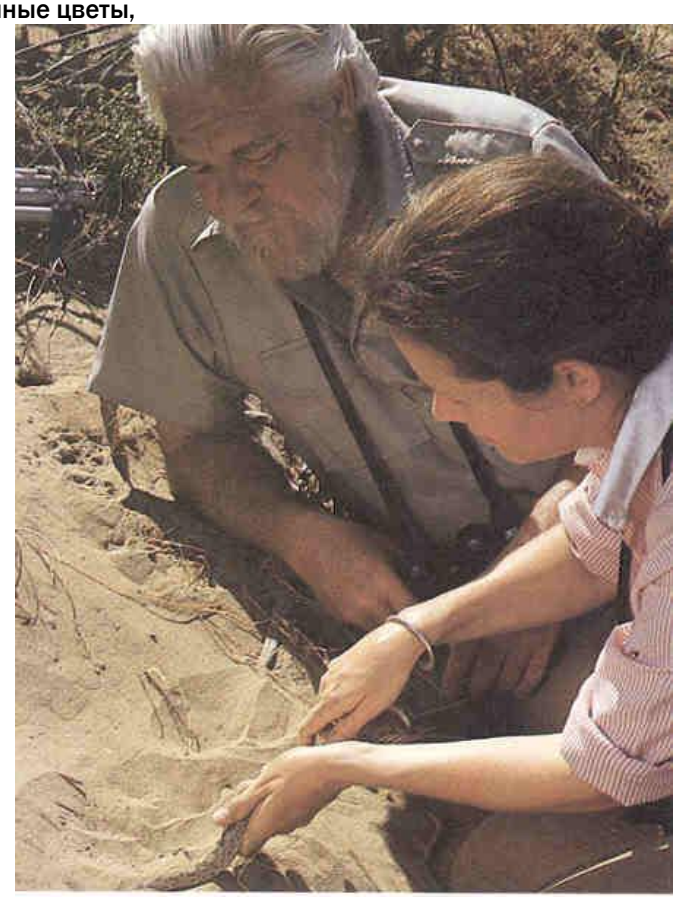
Напротив слева: *Наша непокорная черепаха, которая категорически отказывалась сниматься. Эти создания ведут удивительную жизнь: после краткого периода бешеной активности весной они надолго впадают в спячку, чтобы пережить время, когда пустыня превращается в жаровню, а большая часть растительности высыхает.*

Утро было восхитительно красивым, хотя пронзительная голубизна неба даже в эти ранние часы уже подёрнулась маревом от жары. Барханы в рассветных лучах казались рыжевато-бронзовыми. Мелкие волны, чётко прорисованные на них ветром, напоминали ребра, выпирающие из-под исполинской иссохшей шкуры давно вымершего динозавра. В зыбком свете утреннего солнца странные шарообразные цветы на кустарниках выглядели точь-в-точь как крохотные порции клубничного и лимонного мороженого, сервированного прямо среди ветвей. Мы взяли с собой нашу драгоценную черепаху, и она вела себя совершенно в стиле капризных голливудских звёзд прежних лет. Она либо пряталась в своём панцире с надутым видом, либо, когда нам нужно было, чтобы она прошлась слева направо, упрямо шагала исключительно в противоположном направлении. Как только мы переписали весь сценарий, чтобы дать ей возможность идти справа налево, она решительно двинулась слева направо.

Хотя степные черепахи были и не самыми лучшими кинозвёздами,выглядели они потрясающе: их панцири были красиво расписаны бледно-коричневым и шоколадным узором, а невероятно длинные коготки на лапках выглядели так, словно она только что сделала маникюр. Они приспособились к опасной жизни в пустыне, находясь в полнейшей зависимости от эфемерных весенних цветов и трав, живущих не больше двух-трёх месяцев, прежде чем солнце полностью сожжёт их. Поэтому у черепах есть каких-то жалких три месяца, чтобы сформировать слой жира, благодаря которому они смогут выжить в течение длительной спячки. За этот же короткий период они должны успеть спариться и отложить яйца. Так что в короткие весенние месяцы это животное очень активно: оно движется по пустыне, поедая крошечные цветы,

Песчаные удавчики (внизу) *оказались очаровательными смирными змейками. Однако они (как и большинство наших звёзд-рептилий) отказывались с нами сотрудничать и делать то, чего мы от них ожидали. А вот среднеазиатская кобра* (на следующей странице)*, может быть из-за того, что родилась в Москве, очень гордилась своей ролью и безупречно выполняла всё, о чём мы её просили.*





выкапывая гнёзда для своих яиц, а позднее – выбирая подходящее место, чтобы закопаться в песок и впасть в спячку, пока солнце выпекает пустыню, словно пирог.

Сумев, наконец, добиться от капризной черепахи выступления приемлемого качества, мы переключились на песчаных удавчиков. Это были красивые маленькие существа (всего около 30 сантиметров в длину) с желтовато-бурой кожей, украшенной светло-коричневыми пятнышками. Крохотная головка этой рептилии имеет уплощённую, лопатообразную форму, благодаря которой им легче зарываться в песок. Разумеется, именно эту их привычку мы и хотели показать нашим будущим зрителям. В конце концов, если вы хотите снять фильм о змее, которая живёт в песке, вы пытаетесь зафиксировать именно то, как она туда зарывается. Удавчики имели на этот счёт совершенно иное мнение. Они на максимальной скорости скользили по песку, они сворачивались кольцами вокруг кустов или просто замирали в неподвижности, словно чучела. Одним словом, они делали всё, что угодно, только не закапывались в песок. Мы провели полный разочарования час, пытаясь заставить их сделать это, пока один из них не смилостивился, закопавшись в песок с такой неохотой, будто это было нечто, чего ни один хорошо воспитанный удавчик ни за что не стал бы делать, но он, так и быть, разок окажет нам эту услугу.

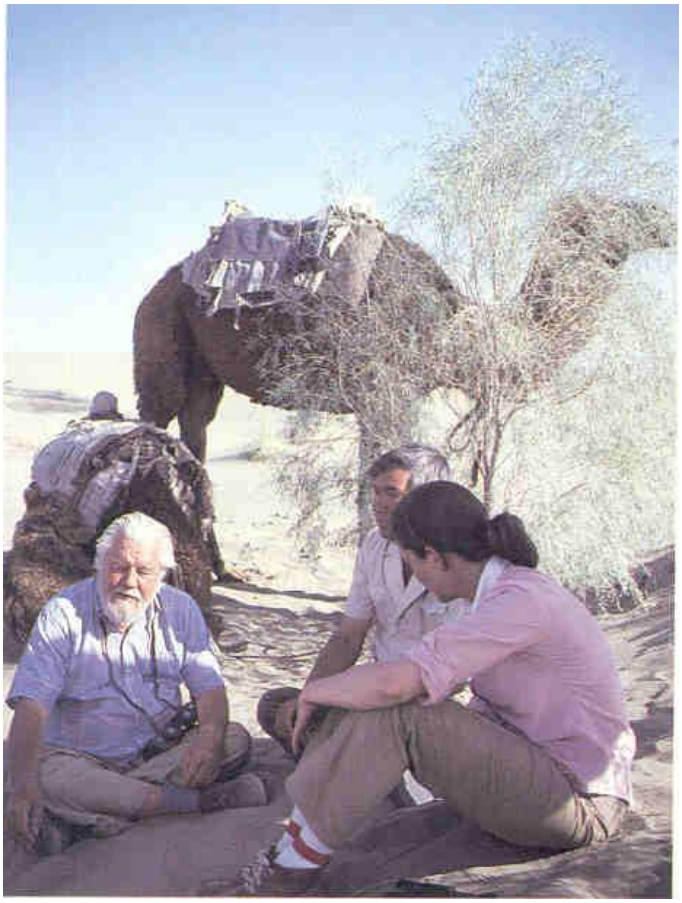
После всех этих сложностей с черепахой и удавчиками встречи с коброй я ожидал с некоторым беспокойством. Однако она вела себя безукоризненно, сыграв все положенные сцены с профессионализмом, присущим опытным кинозвёздам. Она раздувала свой капюшон, раскачиваясь из стороны в сторону, шипела, сворачивалась и разворачивалась, ползла, извиваясь, среди кустов с откровенно злонамеренным видом, с неодобрением смотрела из-за поваленных брёвен. В общем, хоть кобра и не закручивала усы, как злодей в старинной мелодраме, было ощущение, что она бы это сделала, будь у неё усы. В целом, работать с ней было приятно, а Владимир радовался, что не зря проделал такой долгий путь.

Навозные жуки – санитары пустыни. Они следят за тем, чтобы буйные и вульгарные верблюды не устраивали здесь настоящий свинарник. Уборка за верблюдами не только позволяет содержать пустыню в чистоте, но и обеспечивает навозных жуков уютными детскими и кладовыми для подрастающего поколения.

Чуть в стороне от того места, где мы героически сражались с рептилиями, пытаясь снять о них фильм, нас ожидала ещё одна приятная неожиданность. Проходящий мимо в глубокой задумчивости дромадер оставил среди зарослей саксаула большую кучу навоза. Эта манна немедленно привлекла внимание всех навозных жуков Репетека. Участок стал напоминать Лондонский аэропорт (только при полном отсутствии диспетчеров), потому что огромные жуки начали прибывать толпами, сталкиваясь на лету, а их крылья производили такой шум, что напоминали двигатели миниатюрных самолётов. Перед приземлением они с некоторым трудом складывали крылья и с глухим стуком падали на песок. Через минуту, придя в себя и собравшись с мыслями, они устремлялись к навозной куче. При этом они опускали голову, горбили спину и неслись по песку, словно детские заводные игрушки. Было очень интересно наблюдать за их поведением, когда они обнаруживали навоз. Они откусывали от него приличного размера ломти, но не придавали им форму, а начинали толкать его по песку. Делали они это задними лапками, поэтому им приходилось пятиться. Навоз приобретал при этом шарообразную форму, что постепенно облегчало навозному жуку его труд. Откатив шарик навоза примерно на пять метров, жук останавливался и с огромной скоростью выкапывал отверстие в песке, выбрасывая своей задней частью грунт, словно миниатюрный иссиня-чёрный бульдозер. Нередко либо расположение отверстия, либо температура песка оказывались неподходящими, потому что жуки после усердного рытья в течение некоторого времени вдруг прекращали трудиться, выкапывали навозный шарик и катили его в другое место, чтобы всё повторить там. Вновь прибывшие жуки приземлялись и галопом неслись к навозной куче, но, стоило им столкнуться с кем-то из собратьев, которые уже катили свой шарик, новенькие немедленно атаковали их, отнимали навозный шарик и победоносно удалялись с трофеем. Скорее всего, их обоняние было невероятно острым, потому что куча навоза была оставлена верблюдом ещё до рассвета, успела как следует высохнуть на солнце и, на наш взгляд, уже ничем не пахла. Тем не менее, осмотревшись, можно было заметить, что жуки спешили к ней с расстояния в 200-300 метров. Стоя возле навозной кучи и слушая громкое жужжание слетающихся к тебе со всех сторон жуков, невольно почувствуешь себя легкомысленным Гулливером, оказавшимся на траектории полёта лилипутской авиации.

В этот день директор решил показать нам способ передвижения, который его сотрудники обычно используют для патрулирования вверенной им территории, – верхом на верблюдах. Передвигаться по пустыне таким образом проще и дешевле, чем в автомобиле, но гораздо менее комфортно. Для нас подобрали трёх неуклюжих, туповатых с виду дромадеров, которые при движении издавали стонущие звуки. Теперь стало ясно, что имел в виду директор, говоря, что это самый удобный вид транспорта в пустыне. Во-первых, верблюду не требовалось топлива – он «заправлялся» у каждого куста, мимо которого проходил. Во-вторых, он мог пройти там, где машина обязательно потерпела бы поражение. В-третьих, как только вы привыкали к покачиванию, вы могли развернуться в приплюснутом седле квадратной формы и, сидя задом наперёд, беседовать со своими друзьями, следующими за вами. В-четвёртых, в седле было достаточно места, чтобы приготовить чай или даже несложное кушанье, не прекращая движения. В-пятых, по прибытии на место, директор остановил дромадеров, они опустились на колени, и мы могли отдохнуть в тени своих верблюдов, что мы с удовольствием и проделали. Группа верблюдов создавала довольно много тени, и они лежали там, похрипывая, жуя жвачку своими жёлтыми зубами, издавая булькающие крики

Верблюды – самый благоразумный способ передвижения по пустыне, если, конечно, вы не страдаете морской болезнью. Несмотря на свой не очень привлекательный и брюзгливый вид, эти животные способны преодолевать огромные барханы, где большинство автомобилей забуксовали бы и отказались двигаться дальше. Верблюд добывает себе пропитание на ходу, срывая листья с кустарников. При этом он движется по гигантским дюнам, как по гладкой автостраде.



Несмотря на температуру и отсутствие определённого уюта, пустыня богата птицами. Белокрылый большой пёстрый дятел (крайний левый) *и щурка* (слева) *были одними из самых яркоокрашенных обитателей пустыни. Хохлатые жаворонки* (внизу слева) *своими прекрасными песнями придавали мелодичности утру, а ночами совы* (внизу справа) *проносились на своих бесшумных крыльях в поисках жертвы, издавая иногда робкие дрожащие звуки.*

протеста на верблюжьем языке, пока мы живо обсуждали тайны великих каракумских барханов.

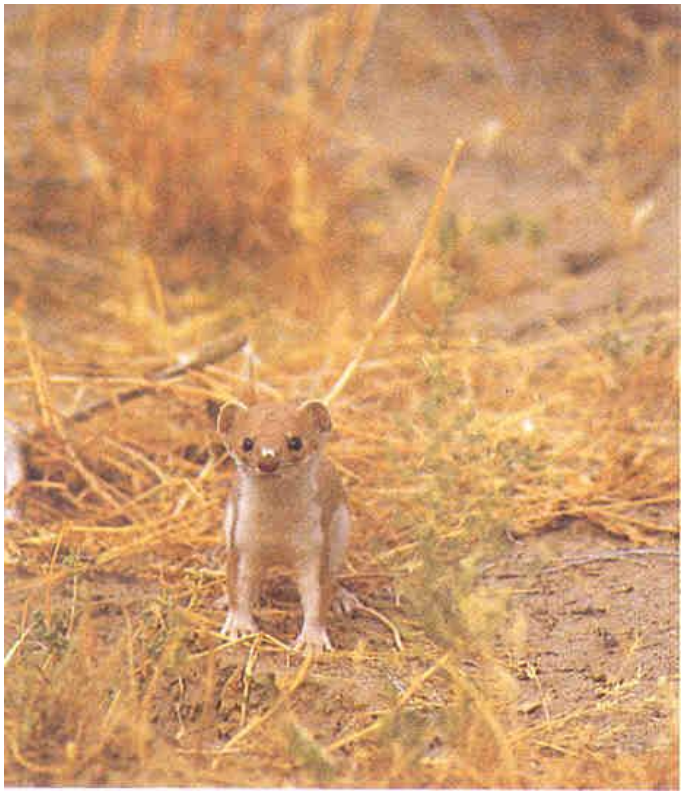
Пустыня оказалась замечательной страницей в книге природы, напоминая запечатлённый на песке дневник событий. Здесь были продолговатые холмики норок красновато-коричневых тараканов (эти создания выглядели так, словно появились в незапамятные времена). Здесь в песке можно было обнаружить следы в виде завихряющейся звезды, украшенные перьями, – доказательство того, что именно здесь ястреб, словно из ниоткуда возникший посреди ясного неба, вонзил свои когти в какую-то птицу и пригвоздил её к дюне. Здесь были цепочки едва заметных отпечатков, оставленных лапками ящерицы-круглоголовки. Здесь был парадный вход в нору какого-то грызуна, а немного в стороне – его крохотный туалет: шарики испражнений напоминали аккуратную кучку дробинок. Здесь было старое саксауловое дерево, чьи иссохшие подагрические ветки создавали идеальный трамплин для раскрашенной в голубые и изумрудно-зелёные тона сизоворонки, которая охотилась на пустынных насекомых и оставляла на песке под саксаулом кучку надкрыльев, поблёскивающих, словно рассыпанные обломки ювелирных украшений. Все эти улики, способные удовлетворить даже самого Шерлока Холмса, были столь захватывающе интересны и рассказывали столь яркие и наглядные истории, что практически не требовалось увидеть животное, вписавшее эти страницы в богатый событиями и запутанный дневник пустыни.

Приближался полдень, и тени от растений, до этого чётко прорисованные на песке, сузились, как будто корни впитали их, и теперь каждый кустик, каждый цветок, каждая былинка потеряли своих призрачных двойников и стояли в крохотных лужицах тени под пылающим солнцем и в полном безветрии. Жара была просто убийственная, поэтому мы вернулись в жилой комплекс заповедника, чтобы поесть и свалиться, вялыми, словно листья салата, в свои кровати, позволив кондиционеру превратить нас в запотевшие кубики льда.

Саксаульная сойка (вверху) – *аномалия среди птиц. В отличие от других видов соек, она отказывается жить на деревьях и проводит большую часть жизни, бегая по земле, как какой-нибудь страус или другая нелетающая птица.*

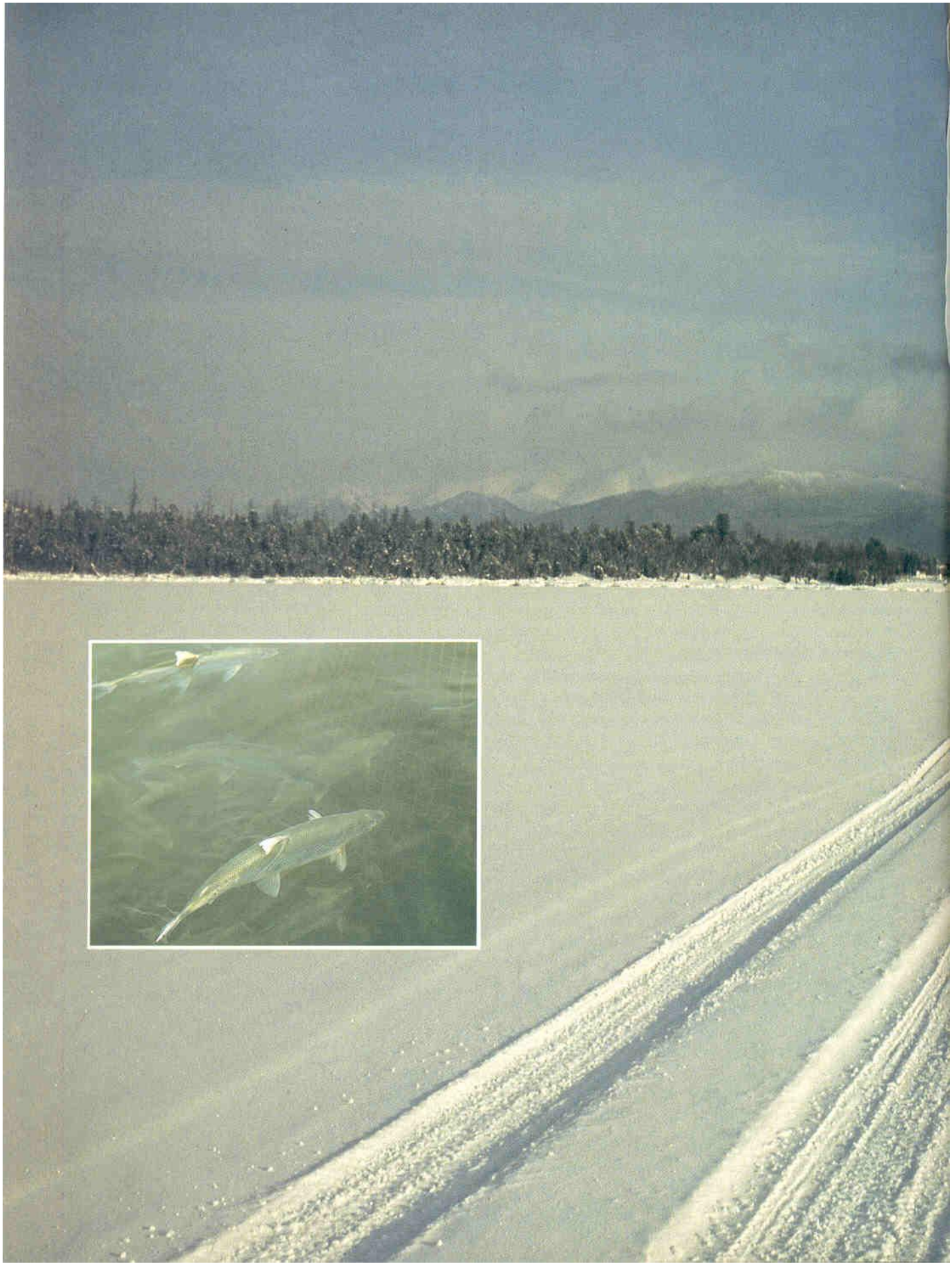
На следующий день мы поднялись и выехали в пустыню очень рано. Ли и я наблюдали за птицами, а Родни и Байрон решили поснимать больших песчанок, если, конечно, сумеют их найти. Пустыня ранним утром изобиловала птицами и звенела от птичьих песен. Мы видели не уснувшую вовремя сову, которую преследовали мелкие птички, а также массу красивых полевых воробьёв. У самцов чёрные пёрышки, начинаясь у клюва, словно косичка, тянулись по всей голове и заканчивались у шеи. Сизоворонки и щурки, расписанные зелёными, жёлтыми и синими цветами, словно свежей краской, охотились за едва проснувшимися насекомыми, немного апатичными после ночного холода. Внезапно барханы огласились резкими пронзительными криками, которые столь же внезапно сменились волшебной песней, мощной, низкой и очень мелодичной. Казалось невозможным, чтобы одна птица могла производить столь разные звуки. Однако, тщательно исследовав с помощью бинокля саксауловую рощицу, я обнаружил её – иволгу, сверкающую золотом, словно самородок, на фоне зелени саксаула. Я как раз смотрел на птичку, когда она снова откинула голову – и воздух наполнила чудесная плавная мелодия.

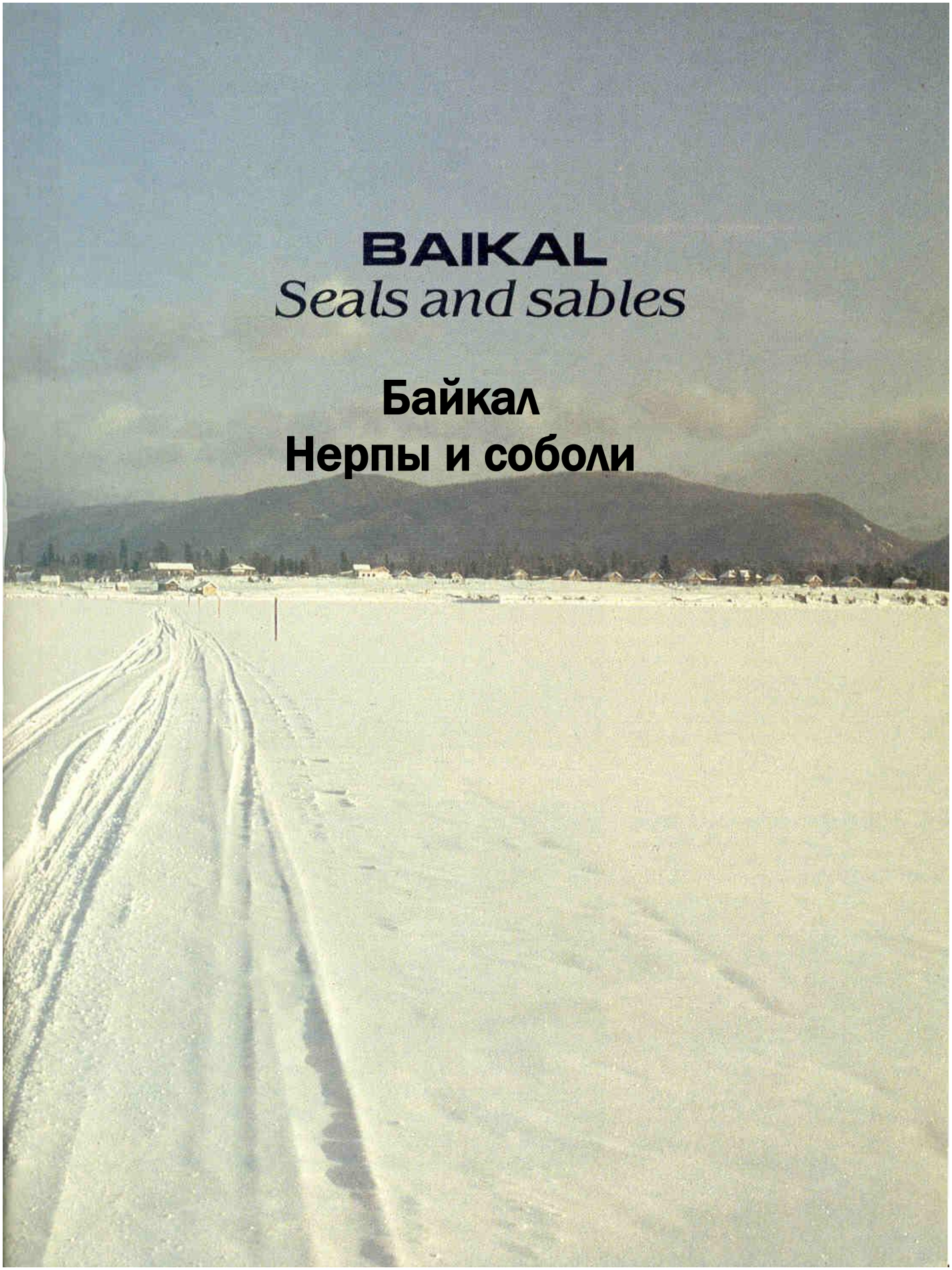
В этот момент снова появились Родни и Байрон. Они были очень взбудоражены: им удалось не только обнаружить колонию больших песчанок и заснять её, но и поймать в кадр животное, которое, по утверждению Родни, было перевязкой, очень редким представителем фауны, которого я давно мечтал увидеть. Зная, что бедный Родни не был натуралистом, я не собирался слепо верить ему. Однако, что бы он там ни снял, это было очень интересно, тем более, что он видел, как животное несло мёртвую песчанку в своё убежище. А это означало, что там были детёныши. Мы решили, что на следующий день встанем ещё до рассвета и приедем в пустыню, когда всё живое там только начнёт просыпаться. Родни настроит свою камеру и будет снимать таинственное создание столько, сколько потребуется. Затем Байрон сходит за нами, чтобы мы смогли на него посмотреть. Так мы и поступили, отправившись в путь на рассвете, окрасившим небо в бледно-абрикосовые и розовато-лиловые тона. Мы двигались по тёмным от росы дюнам навстречу сонному, неуверенному рассветному пению птиц, которое выросло до крещендо, когда солнце поднялось над горизонтом. Мы прождали около часа, а потом появился крайне воодушевлённый Байрон.



Он сообщил нам, что у животного действительно было потомство и что Родни снял взрослых зверьков вместе с детёнышами и то, как один из родителей приносит им песчанку. Кроме того, по словам Байрона, они были настолько бесстрашны и любознательны, что можно было не беспокоиться о производимом шуме или о том, чтобы получше спрятаться. Так оно и оказалось: в небольшой долине мы обнаружили Родни, который совершенно не скрываясь сидел на корточках. Примерно в двадцати футах [47] впереди него стоял старый, чёрный и искривлённый от времени саксаул. Земля вокруг его основания была густо усеяна сухими ветками, а неподалёку виднелось несколько покинутых нор песчанок. Подойдя к Родни, мы увидели таинственное животное. Это была ласка, которая выскользнула из-под земли и уселась, вытянувшись в струнку и разглядывая нас с глубочайшим интересом. Никаких признаков тревоги она не выражала. Её красивая рыжеватая шкурка отливала бронзой, а мордочка, лапы и хвост были несколько темнее. Мы сели на песок, и ласка некоторое время наблюдала за нами. Потом, видимо, решив, что мы слишком неподвижны, чтобы возбудить её любопытство, она вдруг исчезла, подняв облако бурой пыли, в одной из песчаночьих нор. Как только самец покинул сцену, на неё вышли его супруга и дети – словно труппа средневековых акробатов, резво скачущих по саксаулу, перепрыгивающих с ветки на ветку так проворно, что мы не успевали следить за ними глазами. Я решил, что самка ласки во время беременности очень удачно подготовила детскую, поместив её среди бурелома под саксаулом. Это место было идеальным по трём причинам: куча веток давала им защиту и сколько угодно выходов в случае опасности, саксаул создавал для них тень, и, наконец, прямо у порога их дома была целая колония песчанок, что-то вроде запаса свежего мяса. В общем, для ласок это был в высшей степени подходящий и во всех отношениях удобный дом.

Слева на соседней странице: *Большая песчанка, очаровательный грызун, обеспечивает питание, жизненно необходимое хищникам пустыни. Совы и ястребы, серые вараны и змеи зависят от их популяции, как и ласка. Ласка* (вверху на этой странице) *гибкий и проворный небольшой зверёк, двигающийся, будто капля ртути, – ведёт очень активную жизнь. Мы очень скоро убедились в этом, попытавшись заснять на плёнку семейную группу. Они так быстро перемещались, что после часа наблюдения за их головокружительными кульбитами мы сами почувствовали головокружение.*





Байкал
Нерпы и соболи

Байкал

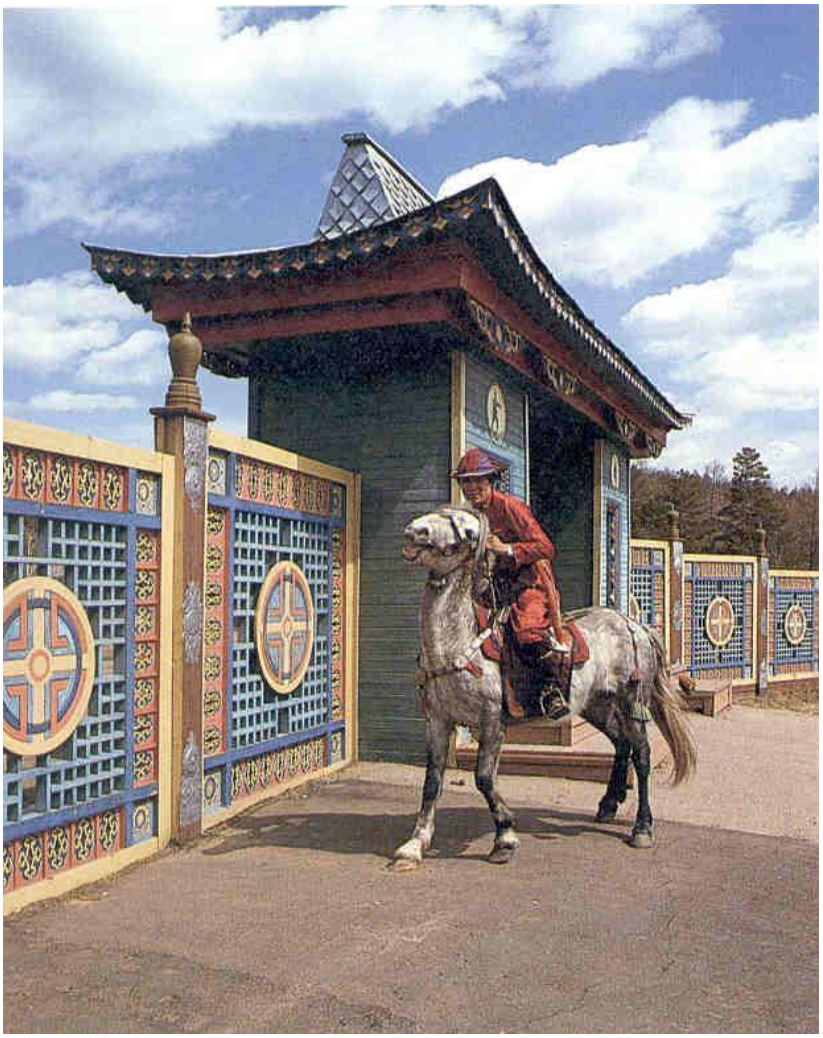
Внешне жители Бурятии похожи на тибетцев. Они также носят удивительно яркие национальные костюмы.

На предыдущей странице: *Озеро Байкал и* (на вкладке) *байкальский омуль - самая вкусная рыба, обитающая только в этом озере. По вкусу данная рыба напоминает слегка подслащенный лосось. В сыром, копченом и вареном виде она одинаково восхитительна на вкус.*

Дорога от Москвы до озера Байкал заняла семнадцать часов. Мы пересекли пять часовых поясов, прежде чем добрались до Улан-Удэ. Однако наша усталость вскоре сменилась удивлением, так как, выглянув из окна нашего номера в отеле, мы, было, подумали, что приехали по ошибке в Тибет. Но мы находились в Бурятии. Глаза у бурятов напоминают черные оливы, у них интересные лица с высокими скулами, тщательно очерченным ртом и кожей нежного персикового цвета с более насыщенным оттенком на щеках - своего рода естественные румяна, как для мужчин, так и для женщин. Это веселые дружелюбные жизнерадостные люди, которые берут друг друга под руку, смеются и шутят на улицах, что, я уверен, было бы совершенно чуждо москвичам.

Из-за плохой погоды нам пришлось находиться в Улан-Удэ в течение двух дней, так как вертолет не мог доставить нас к Баргузинскому заповеднику, что расположен на озере. Я ждал с нетерпением, ведь озеро Байкал – это то место, которое мне всегда хотелось посетить. Эта «ёмкость» с пресной водой не только самая крупная и глубокая на планете, она также обладает уникальной фауной. Здесь обитают различные виды ракообразных и рыб и, что самое удивительное, нерпы – миниатюрные пресноводные тюлени, которых не найти больше нигде на планете. В данное время года озеро Байкал было, конечно, покрыто слоем льда в два с половиной метра. Но мы выбрали именно это время для своей поездки, так как именно в этот сезон, что довольно странно, нерпы размножаются. В конце концов, погода прояснилась, вертолёт смог взлететь со всей нашей свитой и любопытнейшим ассортиментом багажа. Чего только не подумаешь, увидев загадочную надпись на коробке, гласящую: «Канадский флаг, брюки и ремни Алекса, птичий корм».

Сначала мы летели над низменностью, среди холмов которой прятались серенькие городишки с домами-хибарами, соединённые сетью троп и коротенькими железными дорогами. Лёд на реках как раз должен был пойти, и их поверхность была испещрена чёрными трещинами. Постепенно холмы становились всё выше и выше, и появлялись леса, убранные тающим снегом, и горные вершины, одетые в снежные шапки. Вертолёт преодолел последний горный хребет, и озеро Байкал предстало перед нами во всей своей красе. Сотни серебристых рек извилистыми змейками неслись с холмов и вливались в озеро, а само оно было огромным, жемчужного цвета и гладким, словно стёклышко. Воздух был кристально чистым, залитым солнечным светом. На расстоянии пятидесяти миль [48] можно было видеть противоположный берег озера и горы, ссутулившиеся под тяжестью снега, розоватого в лучах солнца. Затем мы полетели над цепью небольших гор, соединённых с материком узким перешейком. Русские называют эту цепь «Носом» (что неверно). Чёрно-зелёные горы походили на волнистые складки, окутанные снегом. Когда мы подлетели ближе, и перспектива изменилась, изменились и снежные узоры.



В необычном музее под открытым небом в Улан-Удэ сохранились различные виды старинных домов. Сопровождающие были одеты в национальные костюмы. Забавно, что сопровождающий слева, в подчинении которого находилось восемь человек, каждый раз падал с лошади, когда его фотографировали.

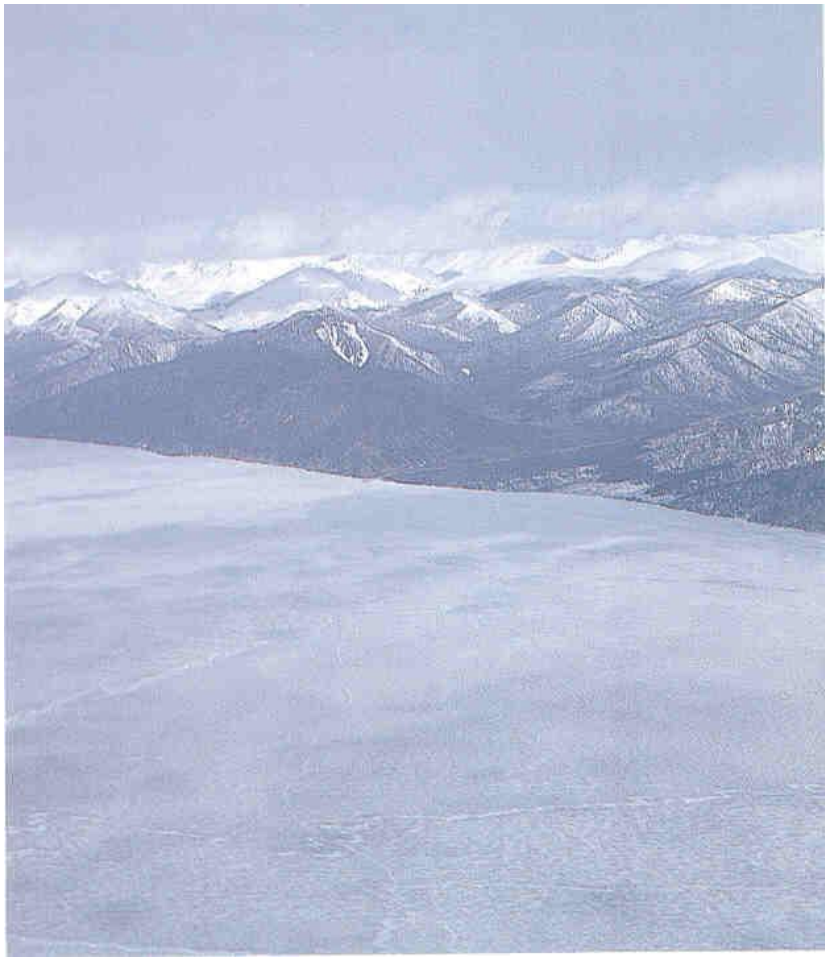
Мы побывали в прелестном месте, где успешно возродили древнебурятское искусство мастеров серебряного дела и изготавливали изысканнейшие украшения и орнаменты. Для меня эта экскурсия оказалась самой дорогостоящей, так как у Ли была страсть к серебру. Серебряных дел мастер, однако, был очень рад нашему визиту.

Особый интерес в музее представляли красивые резные разукрашенные ставни, придающие этим деревянным лачугам невероятное очарование.

Кто-то будто бы снял тёмный покров с гор и снегом нарисовал на них филиграни и изящные деревья, цветы и волнистые морские водоросли. Когда мы пролетали над ними, нам казалось, что это была гигантская постоянно меняющая фреска, захватывающе великолепная. Спустившись ниже к озеру, мы увидели, что казавшееся таким гладким издалека, на самом деле оно было неровным, лёд был покрыт узором старых трещин и свежими следами новых разломов. Было начало оттепели, которая вскоре превратит Байкал в бурлящее море.

Мы пролетели низко надо льдом и приземлились на окраине заповедника. Здесь обнаружилось, что мы поселимся в доме директора. Он разделил свою большую гостиную занавеской, чтобы у нас была и спальня и гостиная, в то время как ему, бедняге, пришлось перебраться в спальню к своей младшей дочери. Мы сталкивались с подобным гостеприимством во всех уголках Советского Союза и не выражали ни слова протеста. Тем более, что люди были довольно настойчивы. Если мы собирались посмотреть их страну и снять про неё фильм, они были готовы обращаться с нами наилучшим образом.

На следующий день мы выехали в сопровождении четырёх внедорожников и ещё двух машин, чтобы попробовать найти самок и детенышей нерпы. В это время года было бы довольно опасно ехать по озеру, так как лёд вот-вот мог начать ломаться. Во внедорожнике, возглавлявшем колонну, находился наиболее опытный человек, который мог бы провести нас по треснувшему льду, но солнце и мысль о том, насколько опасно перепрыгивать через трещины, были не в пользу такой поездки. Какое-то время мы ехали вдоль берега, а потом, когда захотели выехать на середину озера к месту размножения нерпы, дорогу преградила очень глубокая трещина. Водитель внедорожника попытался объехать её, но она оказалась слишком длинной, так что оставался единственный способ – перепрыгнуть через неё.



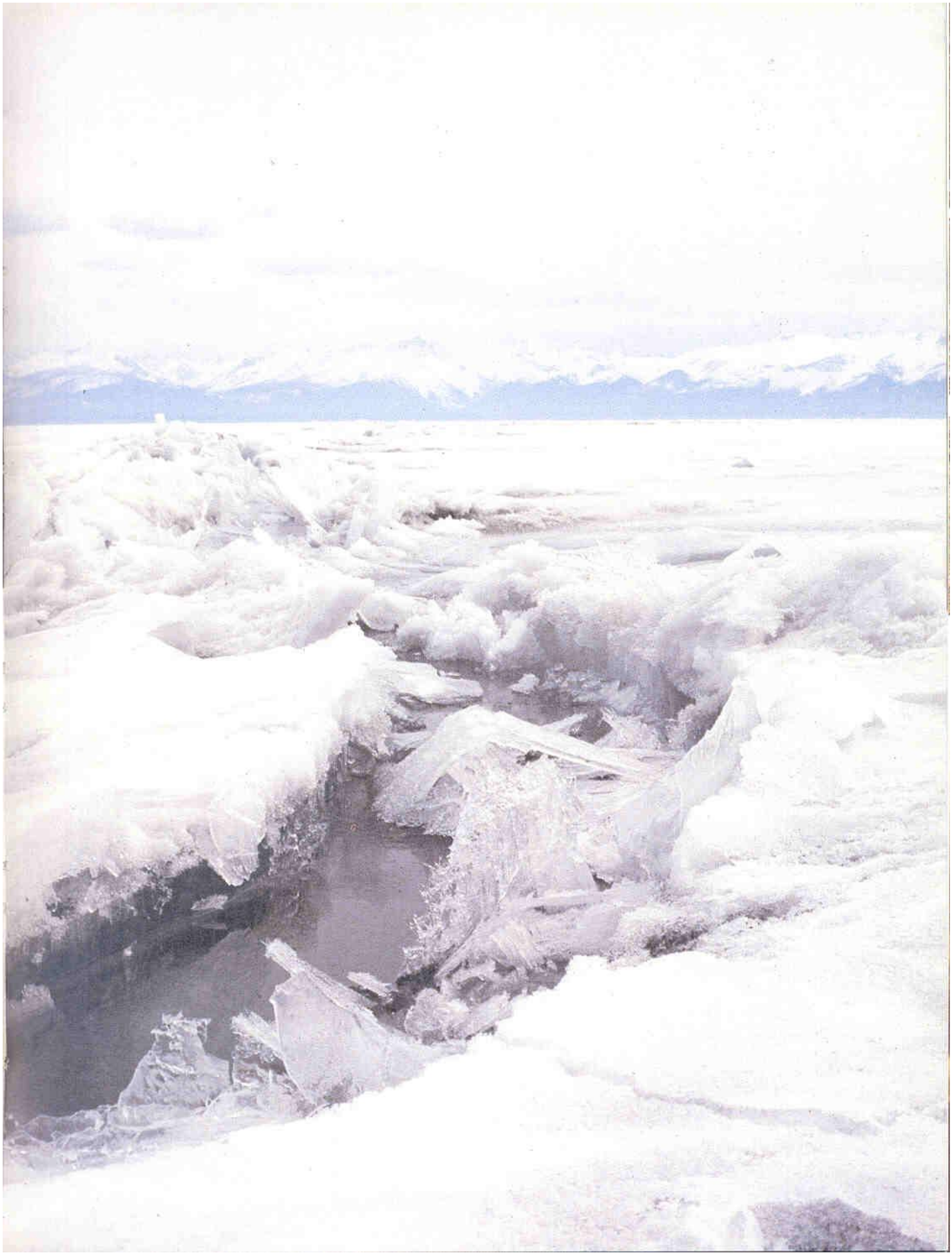
Было начало оттепели, так что в некоторых местах снег начинал таять, образуя на холмах довольно изящные узоры, похожие на озёра. Эти склоны находились по окраинам огромного озера Байкал, обрамляя, словно картинная рамка, огромную массу замёрзшей воды. Мы летели над озером, лёд на поверхности которого сначала потрескался, потом новый слой льда «залечил» испещренную поверхность, оставив на ней шрамы.

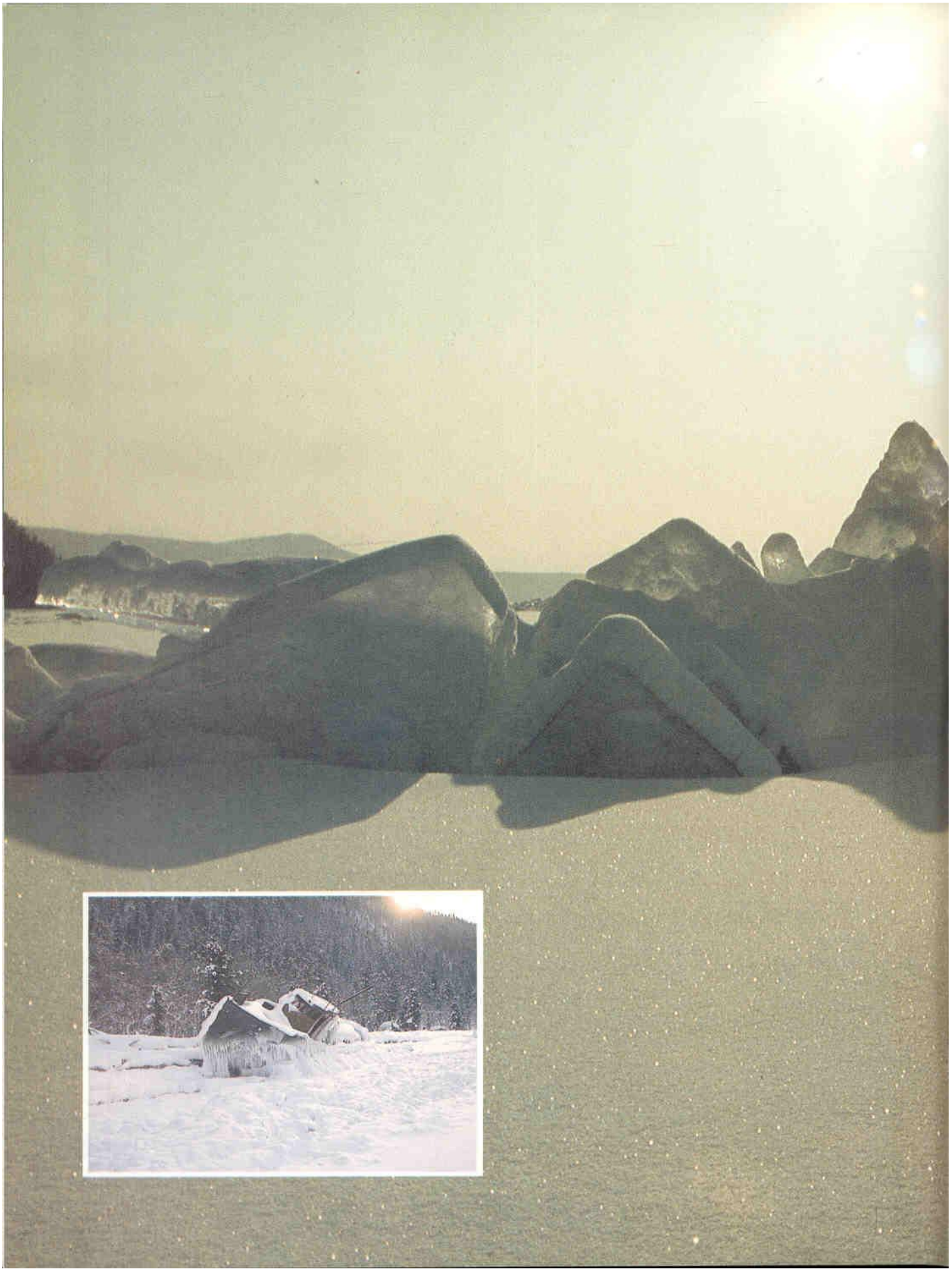
Вид из окна домика, в котором мы жили – главного административного здания Баргузинского заповедника, окна которого выходили на обширную гладь реки.

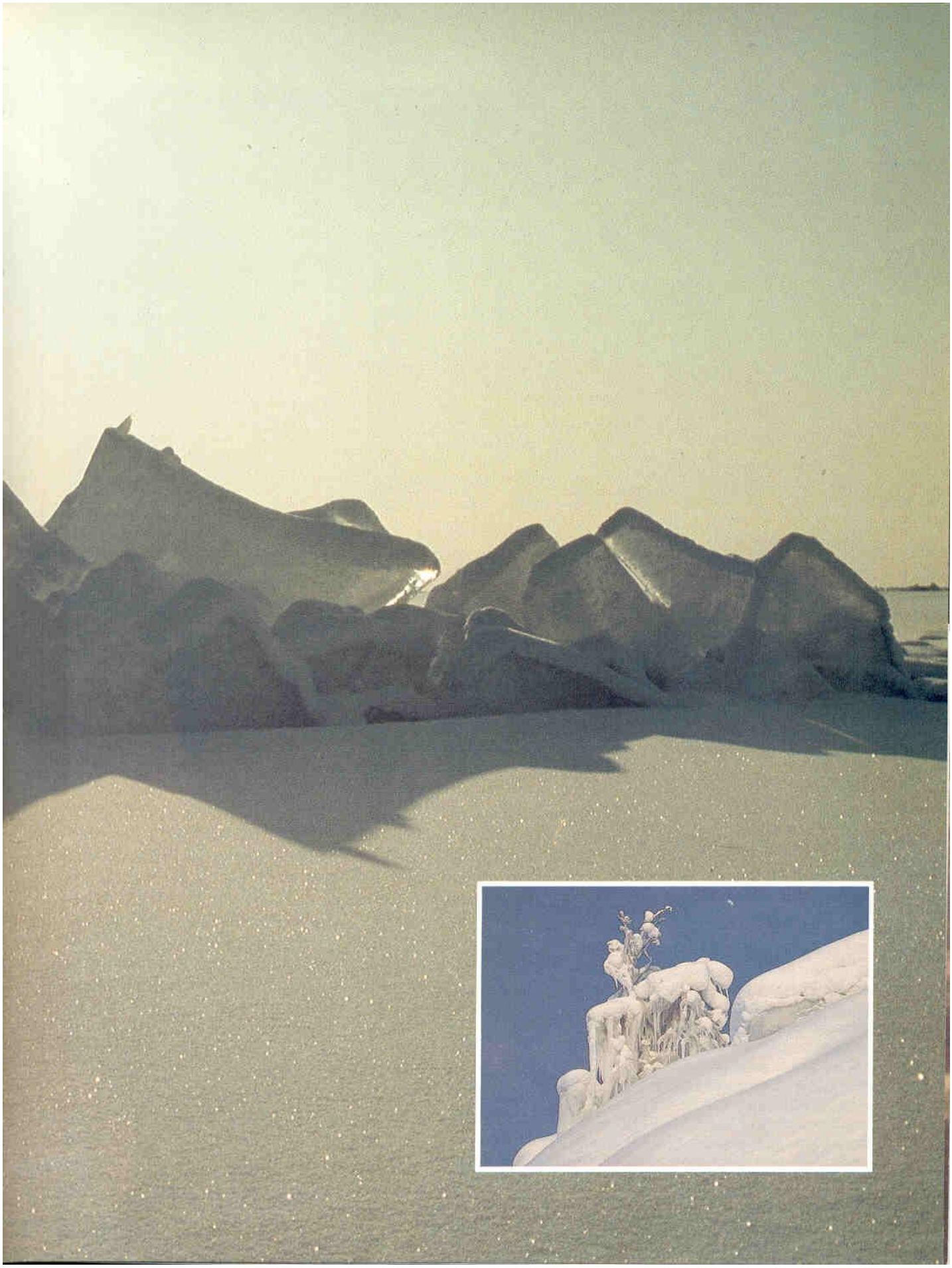
Когда образуются разломы (оглушая, словно канонада), глыбы льда находят друг на друга, что очень опасно. Прежде чем перепрыгнуть через трещину, необходимо проверить прочность льда одним любопытным заострённым предметом, напоминающим ассагай [49]. Если лёд оказывается довольно прочным, можно перепрыгивать.

В итоге было решено, в каком месте достаточно безопасно для прыжка. Мы развернулись и с разгона перелетели не через одну, а сразу через три трещины. Успешно справившись, водитель внедорожника рванул вперёд, чтобы исследовать озеро на наличие прочих опасностей, а мы степенно поехали позади. По льду можно читать, почти как по метеорологической карте, или, по меньшей мере, как по дневнику, в котором написано о том, какая была погода. Здесь ветер подхватил волны, которые быстро примёрзли, а здесь солнце растопило лёд, образовав бесформенные котловины, или болотца, которые также затянулись льдом. Здесь лёд раскололся, образовав трещину в форме молнии, а потом затянулся новым льдом, хрупким и нежным, как церковное стекло. Новый лёд подвержен влиянию солнечного тепла, воды, давящей снизу, и обширной ледяной поверхности озера, поэтому с опаской прислушиваешься ко всем необычным шумам. Ожидая, пока водитель внедорожника отыщет, где нам проехать, я вышел из машины и подошёл к одной из тех огромных трещин во льду, которая потом затянулась новым слоем. Я обнаружил, что зарождающийся лёд, подверженный влиянию различных сил, издаёт звук протеста. Он позвякивает подобно цимбалам, урчит, как корзина, полная кошек, стрекочет, как сверчки, и тикает как магазин, где продаются часы.

На следующей странице: *Когда лёд раскалывается, раздаётся звук, напоминающий канонаду, грохот, разносящийся по озеру, от которого дрожит лёд. Когда новый лёд образуется в разломах, слышно, как озеро поёт – это звонкий шум от зарождающегося, ломающегося и вновь образующегося льда.*







Зимой по озеру Байкал можно ездить на внедорожниках. И это просто замечательно.

Это, в самом деле, настоящая симфония озера, которое возрождается заново, появляется из своего снежного саркофага и поёт об этом свою песню.

Вскоре далеко в центре озера в толстом слое льда мы обнаружили дыру, жизненно необходимую для нерпы, поскольку через неё животное всплывает на поверхность подышать и опускается обратно для ловли рыбы. Используя клыки и когти, нерпы не дают этим дырам затягиваться льдом. Незадолго до появления детеныша, самка сооружает небольшой ледяной дворец возле дыры, в котором она рожает, и, в котором детеныш живет, пока питается молоком. Ледяной дворец, найденный нами, был очень красивым. Лёд, лежавший складками, и снег блестели на солнце, а вход, обрамленный сосульками, походил на пасть акулы. К сожалению, в этом дворце не было детеныша и нам нечего было снимать, но зато мы славно перекусили. Две машины поставили задом друг к другу, длинные деревянные планки положили сверху бамперов и они послужили нам и столом, и скамьей. В мгновение ока на столе появились консервированный лосось и шпроты и свежая, слегка подсоленная рыба омуль. Всё было очень вкусно. Свежевыпеченный серый хлеб и большие банки с домашними маринованными огурцами дополнили наш стол, так же, как и огромное количество чая, заваренного очень просто: ведро со снегом подвешивают на штатив и, направляя на него газовую горелку, кипятят воду. Думаю, это был самый необычный пикник в моей жизни - два с половиной метра льда под ногами, полтора километра воды подо льдом, в сердце самого большого озера в мире.

Мы продолжили искать детенышей нерпы, но бесполезно. Когда в сумерках тени стали лилово-черного цвета, мы поехали по толще льда назад к заповеднику.

Предыдущие страницы: *Везде на озере, куда не бросишь взгляд, видна слаженная работа снега и льда - невероятно вычурные и красивые конструкции, которым позавидовал бы любой современный скульптор. В одном месте лёд завладел потерпевшим крушение кораблем, превратив его в покрытое снегом и льдом произведение искусства. В другом – сухое дерево превратилось в декорацию для рождественского пирога, украшенную сосульками.*

Потоки воды, не замерзающие из-за термальных источников, разбросанных в горах на протяжении километров, прокладывают себе дорогу к озеру сквозь похожую на акулью пасть гряду сосулек.

По пути мы обнаружили место, где медведь перебирался с одного берега замерзшего озера на другой, оставляя за собой глубокие четкие следы на белом снегу, подобные тем, какие елизаветинская печать оставляет на белой бумаге.

На следующий день нам нужно было уладить много дел. Одна из успешных сфер деятельности Баргузинского заповедника связана с его огромным вкладом в сохранение популяции соболя. В течение долгих лет на это животное охотились из-за великолепной шкуры, охотились, не сознавая, какими могут быть последствия. Количество животных уменьшалось, соболь находился на грани вымирания, пока, внезапно, его незавидное положение не осознали и не ввели запрет на охоту. Постепенно, благодаря этой протекции и программе по разведению, опасность вымирания миновала, соболь больше вне опасности. Так как я никогда не видел соболей, я был в восторге, когда директор заповедника сообщил мне, что поймал одного специально для наших съёмок. На самом деле, на ухе у этого животного была метка: его ловили в лесу три раза за пять лет на площади около полумили [50]. Люди, которые жалуются на зоопарки, не знают, какую ограниченную жизнь животные ведут на воле. Если им становится удобно на крошечном пространстве, они становятся такими же ограниченными, как и английские сельские жители.

Наш соболь находился в большой прекрасной конструкции, похожей на птичник. Она была заполнена полыми брёвнами. Соболь прибывал там с такой беззаботностью, что я был уверен: он вполне привык к обществу людей. Однако его кормили чересчур щедро (мясо, печень и сырые яйца), поэтому он отсыпался в полом бревне, переваривая пищу, и не видел ни одной причины прерывать свою сиесту ради появления на телевидении.

Этот соболь - наша очаровательная звезда, хоть и с плохим характером. Баргузинский заповедник играет ведущую роль в спасении этих очаровательных животных от вымирания. Количество соболей очень сильно уменьшилось из-за неограниченной охоты. Благодаря тщательной охране популяция возросла, и небольшие группы животных направили в другие советские заповедники. Сейчас популяция составляет 1000 – 1500 особей. Я всё ещё придерживаюсь мнения, что только соболь имеет право носить соболью шубу.

Потребовалась большая настойчивость, продолжительные приставания и заделывание отверстий в бревнах прежде, чем мы убедили его поучаствовать в шоу, и даже тогда он высказал нам с Ли невероятно унизительные и оскорбительные вещи за прерывание своего дневного сна. К счастью, он говорил всё это на соболином языке, которым мы не владели, так что его наиболее неприятные высказывания нас все же не достигли.

Это был невероятно элегантный соболь со странной светлой мордой кофейного цвета с большими тёмными глазами и носом-пуговкой, таким же блестящим, как черная смородина. У него были прекрасные пушистые вздёрнутые уши, похожие на белые лилии, что сближало его с юной очаровательной леди викторианской эпохи. Его живые глаза и нос, глянцевый от мороза, походили на украшения на женской шляпке. Его мех был удивительного дымчато-красного цвета, поэтому было нетрудно понять, отчего этот мех считается самым дорогим в мире. Хотя для меня остается загадкой, у кого может подняться рука на такое очаровательное существо лишь ради его шкуры.

Успешно отсняв кадры с соболем, мы получили долгожданные новости: нашли детёныша байкальской нерпы и оставили его специально для фильма.

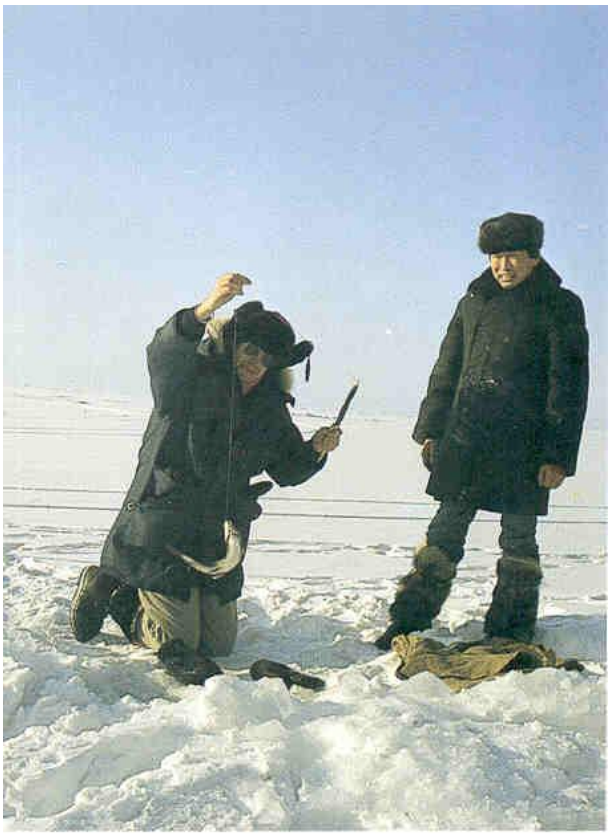
Будучи два с половиной месяца от роду, этот детеныш нерпы, вот-вот освободившийся от своей белой детской шубки, безупречно вел себя перед камерами. Он затмевал Ли в каждой сцене (подобно молодой Ширли Темпл [51] затмевавшей когда-то других актеров), подтверждая тем самым поговорку: хотите стать звездой экрана - не играйте в паре ни вместе с животными, ни вместе с детьми. На рубеже веков неограниченная охота привела к тому, что осталось, вероятно, менее 5000 особей байкальской нерпы. Однако благодаря тщательной охране количество особей в настоящее время увеличилось до 75000. Это великолепный пример того, чего можно достигнуть с помощью продуманной деятельности.

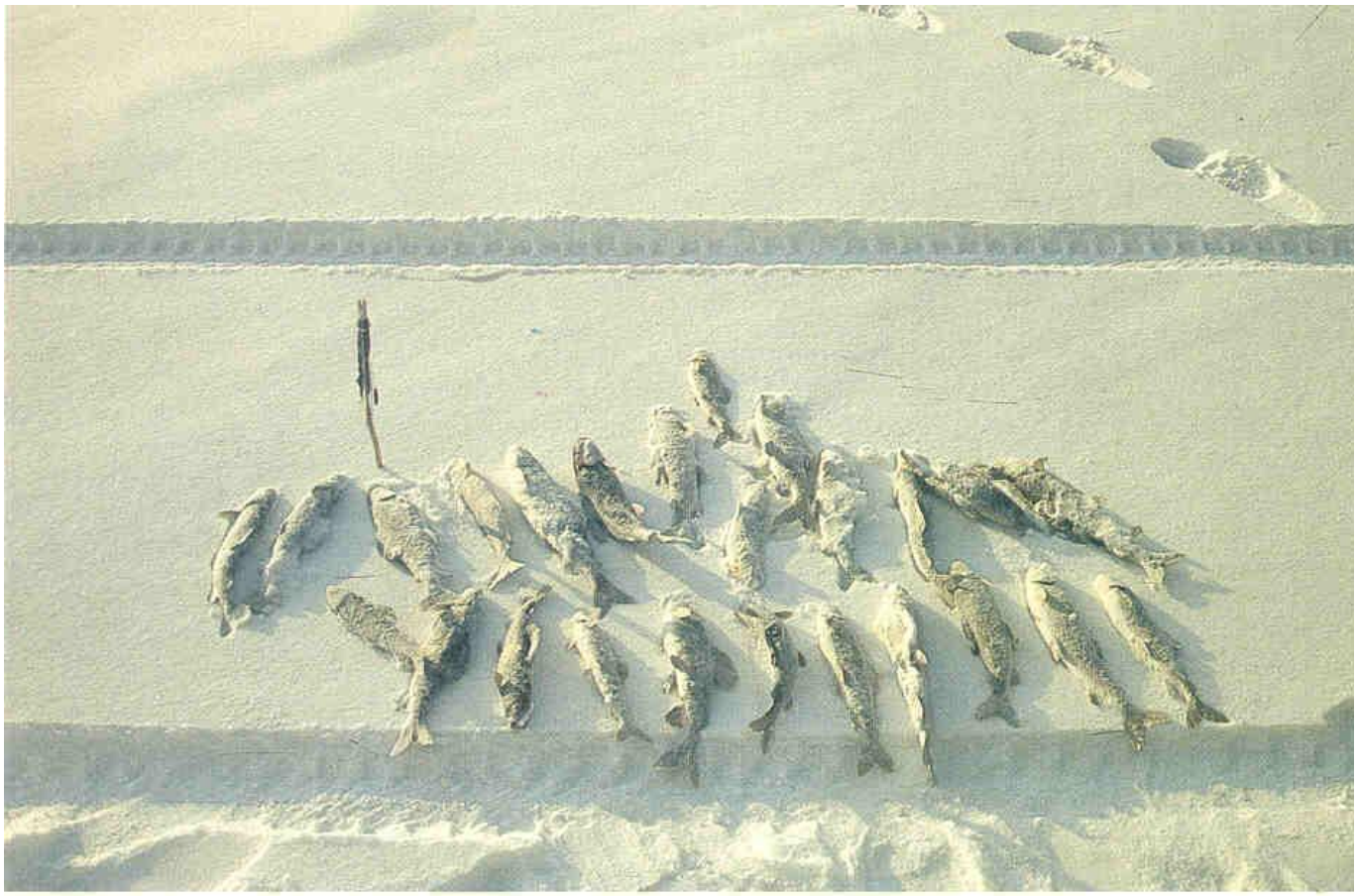
Детёныша переместили в подходящее место на озере, и теперь он ожидал нашего высочайшего прибытия. Так что наш караван из внедорожников, дёргаясь и подпрыгивая, вновь отправился по льду к месту, где находилась наша звезда. Когда мы открыли ящик, служивший гримёрной для звезды, мы увидели восхитительное зрелище: толстый детеныш нерпы чуть более двух футов [52] с черно-серым пятнистым мехом, длинными усами, носом, похожим на маленькую подушечку для иголок из черного вельвета и томными карими глазами размером с тутовую ягоду. Мы немедленно окрестили свою звезду Ольгой - отличное русское имя, которое, кажется, ей шло. Сначала она немного боялась и даже стала рычать, но вскоре она не только пришла к выводу, что эта странная кучка людей безвредна, но даже буквально влюбилась в нас. Мы хотели, чтобы она покрутилась возле ледяных замков и вела себя как настоящая нерпа, но она решила побарахтаться по льду, повсюду ползала за нами и ложилась нам на ноги, как собака. Только когда мы сделали прорубь во льду, где она могла плавать, она стала воспринимать свою актерскую карьеру всерьез. Потом была сцена с Ли, в которой она немилосердно переигрывала мою жену. Она барахталась, смотря своими томными глазами, ныряла в воду и выныривала на поверхность, а потом легла на спину, вверх своим толстым животом, и развязно стала махать своими плавниками в воздухе. Однако ближе к концу Ольге наскучила эта актерская чепуха, и она стала зевать. Поэтому мы вытащили ее из проруби, отнесли к другой, возле ледяного дворца, и отпустили. Животное, которое на льду выглядело так несуразно, скользнуло в воду подобно ртути и исчезло в глубине, лишь пузырьки появились на поверхности.

Детёныш, завладевший вниманием камер.

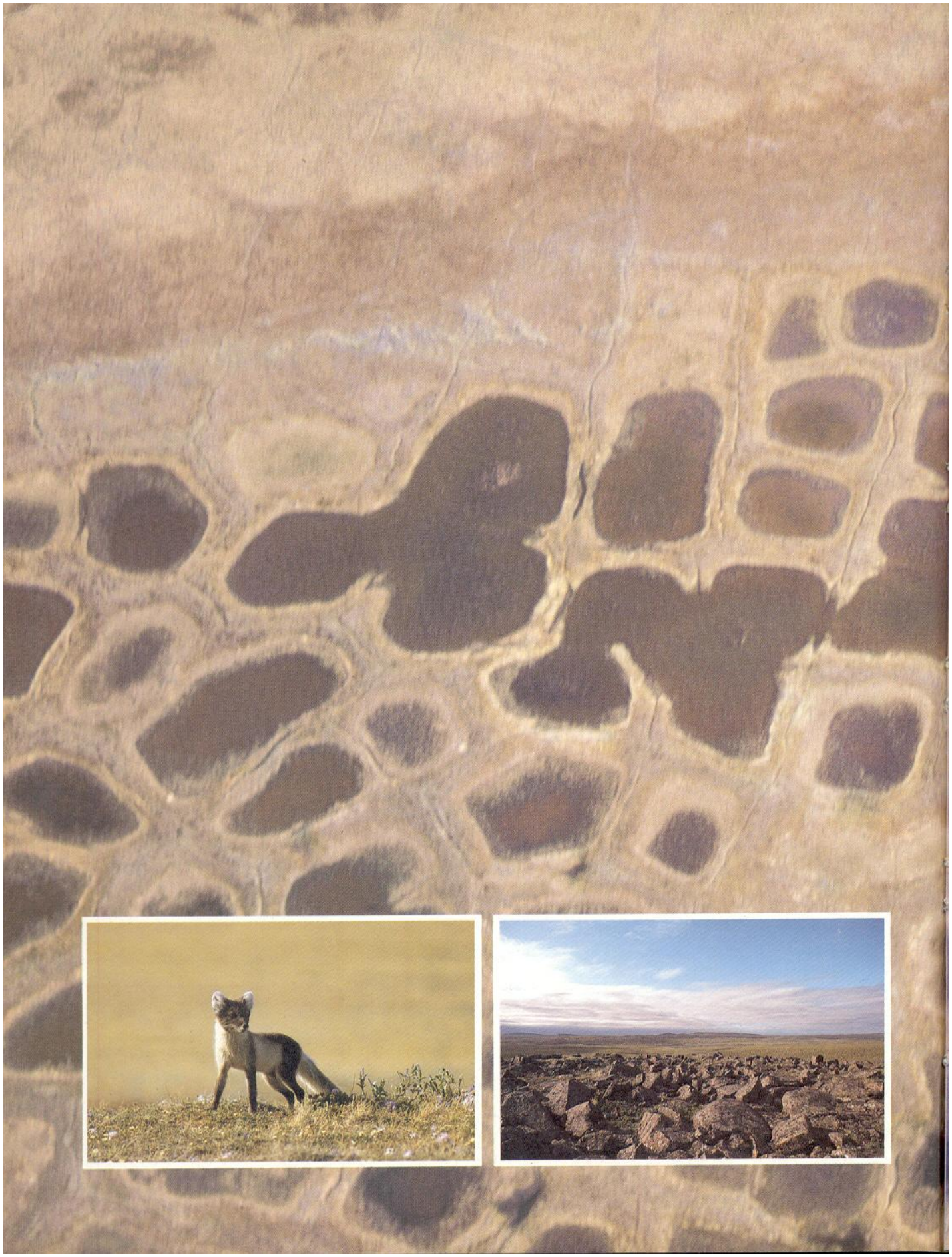
Эта и следующая страницы: *проголодавшись на озере Байкал, всё, что вы должны сделать – это проделать лунку во льду (благодаря чему вы согреетесь и захотите есть еще больше), бросить леску в прозрачно-чистую воду и словить рыбу на обед.*

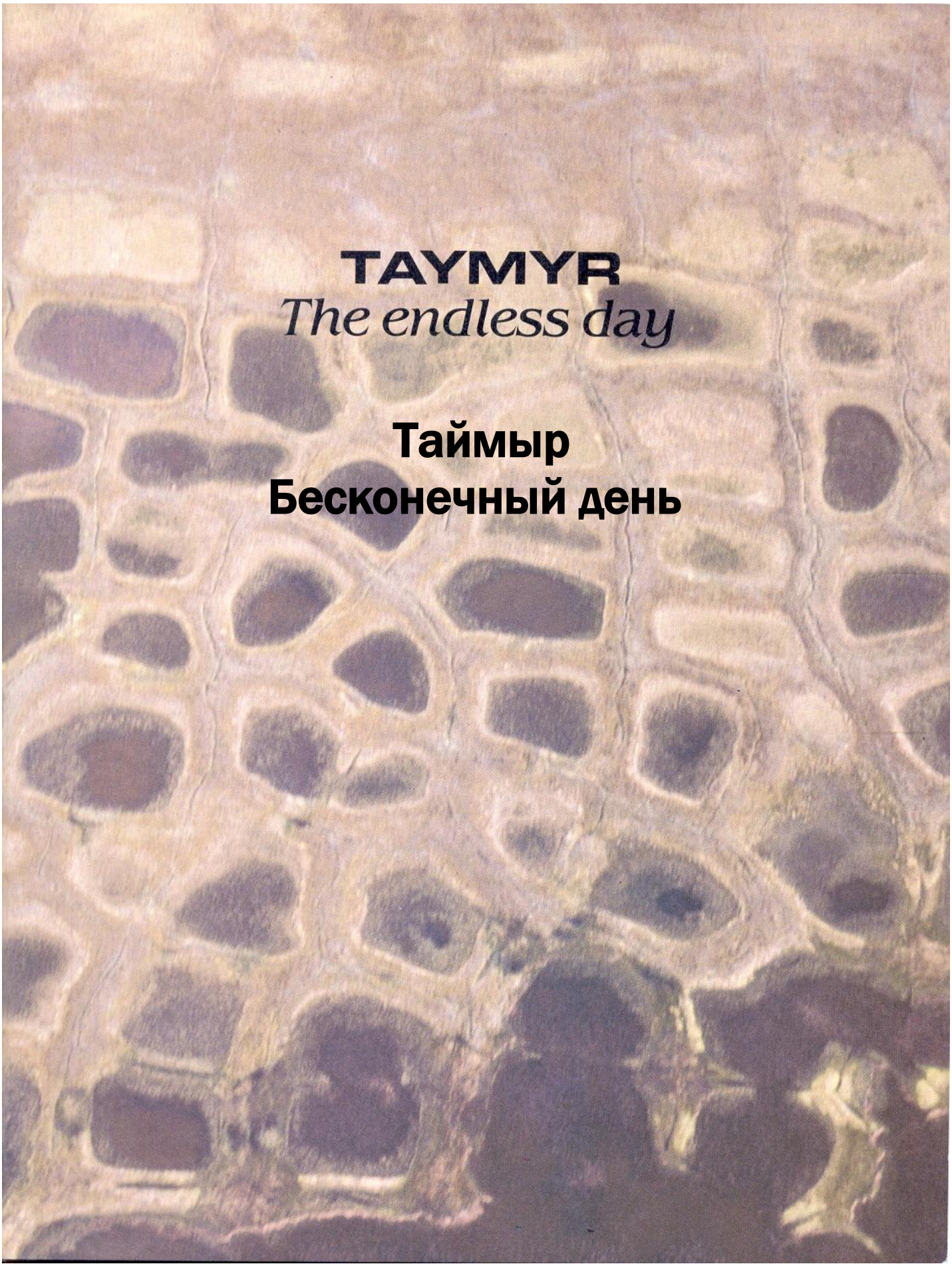
Насадив червей в качестве приманки, вы ожидаете появления рыбы. Они буквально прыгают на крючок. Богатый улов за какие-то секунды.





Некоторые из трех сотен извилистых речушек, впадающих в озеро, не замерзают, потому что берут начало из теплых источников. На вертолете мы отправились исследовать этот феномен. В этом месте вода, точно из жерла вулкана, пробилась из земли и начала свое путешествие к реке. Предполагалось, что вертолет прилетит за нами через час, но, как обычно случается в сотнях километров от цивилизации, возникли проблемы с двигателем, и лишь через четыре часа мы были спасены. Экипаж вертолёта нашел нас с Ли спящими сном младенцев, и пусть в сказках всё бывает совсем иначе, но мы были окоченевшими и недовольными.




TAYMYR
The endless day
Таймыр
Бесконечный день

Таймыр

Занятные, красивые и воинственные лемминги ползают по тундре и в этом суровом окружении представляют собой важный источник питания для хищников. Без леммингов, снующих по своим магистралям во мху, не было бы ястребов, сов и арктических лисиц – песцов.

Предыдущая страница и вставка: *Похожая из-за мха на губку тундра отступает перед каменистыми осыпями черно-серого сланца в западной части озера Таймыр* (слева). *Арктическая лиса – песец* (слева дальше).

Предыдущая и следующая страницы: *Таймырская тундра представляет собой удивительный пейзаж. Множество водоемов были похожи на гигантское разбитое зеркало. Там, где лед был вытолкнут на поверхность, тундра казалась почти как возделанные человеком рисовые поля на Дальнем Востоке. Выше в тундре поверхность была более холмистой. В изгибах этих невысоких холмов, словно пойманные, лежали прокосы снега, так и не растаявшего даже под постоянным солнцем.*

Таймырский полуостров простирается примерно на 750 миль [53] за Северным полярным кругом и заканчивается менее чем за тысячу [54] от Северного полюса. Это тундра – территория, совершенно отличающаяся от тех мест, где мы побывали за время нашего путешествия. Долгим и неудобным был перелёт из Москвы, во время которого мы пролетели через четыре часовых пояса перед тем, как достигли Земли полуночного солнца. Мы приземлились в Хатанге, где нас встретил представитель местного телевидения, приятный, тихий человек, угостивший нас самым роскошным обедом в этом крошечном городке, который выглядел как пограничный город во времена золотой лихорадки. Затем, насытившись, мы сложили наш багаж в вертолёт и взяли курс на заповедник Бикада [55], который расположен в 350 милях [56] севернее города. До него было далеко как до Луны.

Тундра была таинственна и величественна: плоская золотисто-зелёная земля с тысячами искрящимися озёрами и водоемами самых изумительных форм и размеров. Одни были как головастики, другие как птицы, а некоторые как маятники, квадраты или равнобедренные треугольники. Все они были насыщенно синего цвета, почти черные. Кое-где можно было увидеть большие полосы и полумесяцы нерастаявшего снега, хотя считалось, что была середина лета. А местами был виден зимний лёд, лёгший на плечи тундры, образуя такие правильные гряды, что в некоторых частях они выглядели как границы возделанных человеком полей. Воздух был кристально чистым, а небо под постоянным солнцем голубым-голубым. Смотря на ярко освещенный пейзаж, была чрезвычайно удивительна невозможность определить - полдень ли это был или полночь.

Постепенно тундра стала более холмистой, зеленовато-жёлтой, смятой и взъерошенной. Казалось, что бархатная скатерть украсила изящными складками холмы. На тёмной зеркальной поверхности озёр плавали шали подтаявшего снега. Наконец мы полетели низко над широкой быстрой рекой Бикадой, где на её берегах теснилась кучка зданий – главное управление заповедника. Место более удаленное от цивилизации было бы трудно представить, но чистый воздух, солнечный свет и удивительная тишина, после того как улетел вертолёт, делали это место волшебным. Нас расквартировали в крошечный домик из трёх комнат, в котором необходимо было поселиться всем нам восьмерым. Он оказался достаточно комфортным. Самым раздражающим оказался постоянный солнечный свет. Фактически он оказывал на нас такой же выбивающий из колеи эффект как и бессонница. Но при помощи такого необходимого изделия как старые ленты для кассет, мы сумели приклеить одеяла и пальто над окнами так, чтобы наши комнаты погрузились во мрак, а Ли вскоре научилась спать с повязанным на глаза носком, что делало её похожей на невесту Франкенштейна, но он сотворял ночь, где её и в помине не было.

На улице под солнечным светом жил свой удивительный зеленый мир. Первые четыре или пять дюймов [57] под ногами были как губка мягкими, словно многоцветный шерстяной ковер, сотканный из трав и миниатюрных деревьев, которые там росли. Глубже земля была замерзшей.

Эта и следующая страницы: *Все здесь было миниатюрным: деревья высотой только до колена, восхитительные цветы такие мелкие, что приходилось опускаться на ладони и колени, чтобы насладиться их красотой. В этой суровой обстановке все должно быть крошечным, так как малый размер – это форма защиты от проявлений стихии.*

Запустить пальцы в мох – это словно спрятать их в шерсти животного, а ощущение было, как будто бы вы их поместили в морозилку. Кажется, что ты ходишь по толстому мягкому ковру из мха и трав, постланному на пол из замёрзшей земли. Здесь были пушистые маленькие, походившие на маргаритки, цветы, а также подмигивающие вам небесно-голубые цветы, напоминавшие миниатюрные незабудки. Повсюду были леса, достигавшие высоты лодыжки, карликовой ивы с розовыми цветами похожими на простачков, которые стойко росли в изумрудно-зеленом слое мха. Между огромными подушечками для булавок из мха и лесами для младенцев тянулись мостовые, отчеканенные ногами леммингов.

Нашей главной целью для съемок был овцебык, или, как его еще называют, мускусный бык. Это странное косматое коренастое животное было когда-то обычным в сибирской тундре, хотя вымерло в остальной части Сибири около десяти тысяч лет назад. На Таймыре он протянул дольше. Судя по ископаемым остаткам, он исчез около трех тысяч лет назад. Почему они исчезли, остается тайной, но существует теория, что это связано с изменением климата, который стал неподходящим для них. Однако я считаю, что эта теория далека от истины так, как реинтродукция овцебыков продвигается успешно. В 1930-ых годах советские власти решили, что мускусный бык должен снова бродить по тундре, поэтому они попытались купить нескольких животных в Гренландии. Переговоры затянулись и перед тем, когда животные наконец-то могли быть погружены на корабль, началась война, что положило конец проекту. После войны дело совсем не продвинулось до тех пор, пока премьер-министр Канады Трюдо во время визита в Советский Союз не узнал об отсутствии овцебыков в стране и не предложил десять животных в качестве подарка. Чтобы не отстать в зоологической дипломатии Соединённые Штаты предложили пятьдесят овцебыков.

Эти косматые подарки прибыли должным образом. Некоторых отправили на остров Врангеля в Северном Ледовитом океане, а тридцать поселили на Таймыре. Здесь они отлично преуспели, и сейчас их общая численность составляет 104 особи.

Когда мы приземлились, нас поприветствовал Григорий, который, можно сказать, был отцом овцебыка, так как именно он отправился в поездку для того, чтобы доставить их сюда, и именно он недавно ездил на конференцию в городе Фэрбенкс, где гордо возвестил об успехе реинтродукции, которая, по мнению многих ученых, была обречена на провал. У Григория было загорелое и забавное лицо: даже при упоминании об овцебыках оно начинало светиться, и было очевидно, что эти существа – самое главное в его жизни. Он сказал нам, что уверен в том, что мы можем снять быков, так как при помощи собаки он мог согнать их. Вся затея казалась такой странной, что мне слабо в нее верилось, но мы подумали, что можно хотя бы попытаться.

На следующий день прилетел вертолет, и мы тронулись в путь, везя с собой приученного к овцебыкам пса – маленькую сибирскую лайку по кличке Дик, мужественное существо, которое воспринимало все происходящее с невероятным спокойствием и, очевидно, привыкшее к такому необычному способу охоты. Я, должен сказать, был немного взволнованнее Дика, потому что я страстно увлекался овцебыками, и одной из моих целей была цель увидеть их в естественной среде обитания. Все началось, когда однажды в зоопарке Копенгагена я встретил детеныша овцебыка – такого очаровательного, что я без памяти влюбился в этот вид. Сейчас возможность увидеть настоящего дикого овцебыка в тундре казалась очень захватывающей.

Некоторое время мы летели над нежноволнистыми холмами, зелеными и золотистыми в солнечном свете, над многочисленными водоемами и озерами, сверкавшими как рыбья чешуя, когда мы над ними пролетали. Затем мы сделали вираж и начали снижаться. Дик незамедлительно начал проявлять интерес к происходящему. Пес поднялся с пола и подошел к одному из иллюминаторов и, прижав к нему нос, начал пристально изучать землю. Вдруг все его тело напряглось, он начал скулить и издавать негромкое гортанное рычание и под нами мы увидели стадо овцебыков. Мы опускались все ниже и ниже, пока не оказались прямо за ними. Дик неистовал, возбужденно лаял и издавал фальцетом завывания на манер тирольских горцев. Быки промчались перед нами, косматые, как старые ковры перед камином, с бледными мордами. Их изогнутые рога выглядели как обесцвеченные ветки, которые выбросил прибой на отдаленный морской берег. Когда они бежали галопом, их коренастые ноги кремового цвета тяжело ударяли по голой земле между лоскутами мха и поднимали миниатюрные пылевые бури. Мы спустились еще ниже за овцебыками, а Дик, к этому моменту, визжал в истерике от волнения. Мы еще находились в воздухе примерно в шести футах от земли, когда открыли дверь вертолета. Дик резко взмыл, как выпущенная борзая в погоне за своей жертвой. Он помчался по тундре, быстро догнал неуклюже и тяжело двигавшихся овцебыков и все бегал вокруг них, лая как бешенный. Овцебыки тогда с удовольствием воспользовались своим классическим маневром. Они образовали круг: малыши в центре, впереди взрослые - свирепой и пугающей преградой - со своими устрашающими рогами, выставленными наружу в боевой готовности. Если Дик приближался слишком близко, вожак стада внезапно разрывал круг и атаковал его, опустив к земле массивную голову, изготовившись огромной косой своих рогов пронзить надоевшую собаку. Но Дик был слишком проворным и слишком умным, чтобы быть пойманным таким образом и все отскакивал с пути быка.

Следующая страница: *Тундра на самом деле как огромная зеленая губка, положенная на кусок льда. Холмики, когда идешь по ним, кажутся густым ворсистым ковром, а между ними можно увидеть маленькие дорожки, протоптанные леммингами.*

После множества рывков головы, бык, повинуясь инстинкту защиты потомства, с раздраженным храпом возвращался в круг, но лишь для того, чтобы снова быть выгнанным из круга, в ярости от наглости Дика. Было впечатляющим зрелищем видеть этих мощных животных, стоявших плечом к плечу, образовав живой круг, своими рогами выстроив неприступный частокол за которым надежно охранялся молодняк.

Некоторое время мы их снимали, но затем возникло препятствие. Пока Дик лаял на них, они сохраняли оборонительную позицию, но если собаку отзывали, стадо немедленно неуклюже разбредалось, поэтому таким образом невозможно было снять их естественное поведение. После нескольких тщетных попыток решить эту проблему, мы решили попытаться найти другое стадо, чтобы посмотреть будут ли они более сговорчивыми. Наконец мы нашли их, но оказалось, что они тоже не склонны к сотрудничеству: они либо образовывали оборонительный круг со стуком множества рогов, либо же уносились галопом за горизонт с порядочной скоростью и решимостью. В конечном счете, мы все же решили проблему, но скорее случайно, чем преднамеренно.

Мы спускались по реке на лодках, чтобы снять особенно красивый холмик дикорастущих цветов, который мы нашли. Прямо перед тем, как мы достигли пункта нашего назначения, где раскинувшиеся холмы достигали высоты 200-300 футов [58], мы увидели целое стадо мускусных быков, похожее на ворсистую байку на фоне голубого неба, мирно ощипывавшее молодые побеги. Некоторые лежали, погруженные в глубокий сон, оставшиеся кормили детенышей. Григорий объяснил, что он закопал в этом месте много каменной соли и быки приходили, время от времени в это изготовленное для лизания соли место. Лодки причалили к берегу, и команда отправилась на холм, пытаясь снять быков, пока они держались естественно. В этом им сопутствовал успех: они сняли несколько милых кадров, где малыши сосали вымя, старшие дремали среди цветов, а другие выкапывали и лизали соль.

Когда я впервые увидел диких овцебыков (предыдущая страница)*, то сильно волновался, хотя я до сих пор не знаю, почему я страстно увлекся этими странными, словно непричесанными животными.*

Когда они образуют свой оборонительный круг (вверху)*, щетинистый от рогов, только очень смелый хищник осмелился бы нарушить его, чтобы добраться до детенышей внутри.*

Вверху страницы: *овцебыков, апатично пощипывающих траву, спящих и кормящихся в созданном искусственно месте для лизания соли, грубо потревожили, когда Байрон продемонстрировал свое известное подражание собачьему лаю. Благодаря успеху советской программы реинтродукции, сейчас на Таймыре живет свыше сотни овцебыков.*

Снизу: *Дик, наш охотничий пес, приученный к овцебыкам, на этом снимке сильно взволновала одинокого быка, и дал загнать себя в реку. Зрение у Дика как у орла, и он смог заметить стадо овцебыков с вертолета даже раньше нас и сходил с ума от восторга, потому что его любимым видом спорта было занятие сгонять этих крупных косматых животных.*

Затем Родни решил, что хочет снять действие, которое бы сочеталось с тем материалом, который уже был снят, поэтому он велел Байрону (известному во всем мире подражателю животным) подползти дальше на холм к самому стаду, а затем изобразить голосом Дика в бешенстве, что он и сделал. При первом же звуке лая овцебыки запаниковали, что подтвердило как подражательную удаль Байрона, так и репутацию Дика. Те овцебыки, которые спали, повскакивали на ноги, кто щипал молодую поросль, сразу же прекратили свое занятие. Малышей собрали вместе, и поспешно был сформирован оборонительный круг, вопреки тому факту, что в поле зрения овцебыков не было ни человека, ни животных. Бедных существ должно быть озадачило то, что Дик так и не появился. Но мы ликовали, так как это значило, что мы получили весь необходимый нам материал об овцебыке и могли сейчас сосредоточиться на наших следующих двух целях: снять сюжеты о северных оленях и краснозобых казарках, возможно одних из самых красивых из всех водоплавающих птиц.

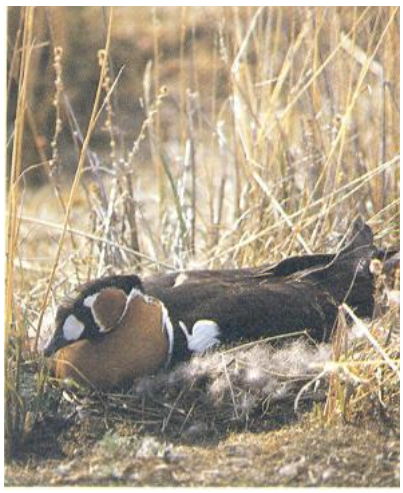
По словам нашего прорицателя, Григория, птица гнездились на острове, где река Бикада впадает в озеро Таймыр, одно из самых больших озер в мире. Вот куда он предложил нас отвезти, так как помимо краснозобых казарок, этот остров как место гнездования использовало множество различных птиц. На нашей армаде лодок мы отправились в путь довольно рано. Я мог определить, что было рано, только посмотрев на часы, потому что солнце ярко светило всю ночь как обычно. Мы обнаружили, что в четыре часа утра было также легко снимать, как и в полдень, так как свет был идеальным. Но мы уже знали, что это постоянный свет производил сбивающий с толку эффект.

Остров лежал приблизительно в четырех-пяти милях [59] от главного управления заповедника, в том месте, где река разливалась и терялась в просторе озера. Когда мы приблизились к острову, он оказался в милю длинной и полмили шириной [60]. Он был окружен пляжами и дюнами серого песка. Выше располагалось губчатое покрытие из мха и карликовых ив, разбитое сотнями маленьких водоемов, что делало остров идеальным местом гнездования для птиц. Он был защищен от песцов быстрой рекой с сочными водяными растениями и насекомыми, спокойными мелкими заводями, где хрупкие малыши могли учиться плавать и охотиться за пищей. То, что остров был огромными яслями, стало ясно, когда мы поравнялись с маленькими серыми утесами и увидели, как воздух взорвался метельно-белыми крыльями встревоженных птиц.

Большие полярные чайки, или бургомистры, и серебристые чайки кружили над нами, словно какие-то странные мобили, попавшие в ураган, и каждая птица кричала, ругая нас. Черноголовые вилохвостые чайки были еще более воинственными и как только мы отважились сойти на берег, безжалостно пикировали на нас. Одна из них бросилась на меня и приблизилась так близко, что ветер от крыльев фактически сделал пробор в моих волосах. Стаи уток – гаг темно-шоколадного цвета пролетели мимо нас и их быстродвигающие крылья шумели так, как будто кто-то разрезал кусок шелка. Гаги - селезни должно быть считали шумные детские ясли неподходящим местом для такой элегантной птицы, потому что мы видели только одного селезня, степенно проплывавшего мимо. Он представлял собой замечательное зрелище со своей белой грудкой, зеленой головой и черной маской. Он очень напоминал аристократа с надменным выражением лица. Он, очевидно, чувствовал, что, спарившись, он оправдал свое существование и больше ничего не хотел делать с пронзительно кричащими птенцами. Нас впечатлило количество видов, увиденное нами: песочники, лапландские подорожник, поморники, чернозобые и краснозобые гагары. Но мы обо всех них позабыли, потому что вдруг стая диких краснозобых казарок пронеслась по небу черным силуэтом. Затем, когда они повернулись, то продемонстрировали свою удивительную окраску – белый проблеск на клювах, глянцево-черный и белый на тельцах, и восхитительный розоватый оттенок красного кирпича на щеках и грудках. Мы подождали, пока они усядутся и успокоятся, а затем осторожно приблизились к их гнездам. У некоторых из них были птенцы, а некоторые высиживали яйца. Они были чрезвычайно доверчивы и позволили нам приблизиться к себе на десять футов [61]. В это время они либо умело обращались со своими птенцами, отправляя их в лужи на уроки плавания, либо же уютно устраивались в своих гнездах, поплотнее прижимаясь к своим яйцам. Что за великолепные птицы это были! Когда они кружились в небе, их красные грудки светились на солнце. При этом они хором издавали жалобные крики, словно группа чудесных фаготов.

Мы провели удивительный день на острове, снимая и наблюдая за птицами. Это было просто замечательно, потому что на следующий день вся тундра, на сколько хватало глаз, была укрыта пеленой туч таких же черных и густых, как и деготь.

Краснозобая казарка, возможно, самая красивая в мире водоплавающая птица, поворачивается под солнцем, чтобы показать нам свою удивительную терракотовую окраску.



Этот остров был, безусловно, идеальным местом для гнездовья краснозобых казарок. Их было много: некоторые сидели на яйцах, а некоторые учили своих пушистых малышей плавать в небольших заводях, которые усеивали остров. Эти гуси гнездятся только в Советском Союзе и относятся к видам, которые находятся под угрозой исчезновения.

Пошел холодный дождь. Еще холоднее было от резкого ветра, который словно молотил цепями. Фактически мы находились на гигантском ледяном кубе, прикрытом тонким слоем растительности. Чтобы согреться, нам два дня ничего не оставалось делать, кроме того, как наспех кутаться во всю свою одежду, которая у нас была, и играть в салочки – шумную игру, которую благоразумно предложил Байрон. На третий день появился слабый проблеск солнца. Родни, никогда не поощрявший бездействие, решил, что должен снимать леммингов. Тот факт, что у нас не было ни одного из этих крошечных грызунов, ни капельки его не отпугивал. Он привлек на помощь себе Дика и еще одну собаку. Джон и Байрон вышли в пропитанную водой тундру и, к нашему удивлению, вернулись приблизительно через час с двумя взрослыми и тремя детенышами леммингов, которых мы поселили в три кулера, маленькие пластиковые холодильники, в которые упаковывается пленка. Они обосновались вполне безмятежно и оказались очаровательными зверьками. Взрослые лемминги были длинной в пять дюймов [62], низенькими, едва возвышавшимися над землей, с изящными маленькими лапками, блестящими коричневыми глазами и круглыми ушами, которые почти прятались в густом мехе.

Реки, как корни странного зеленого дерева, извиваясь, стремятся к озеру Таймыр. Они словно обнимают участки земли и образуют острова. Эти острова, защищенные от мародерствующих песцов своими быстротечными речными «рвами», формируют идеальные убежища, в которых несметное число птиц без тревог высиживает птенцов.

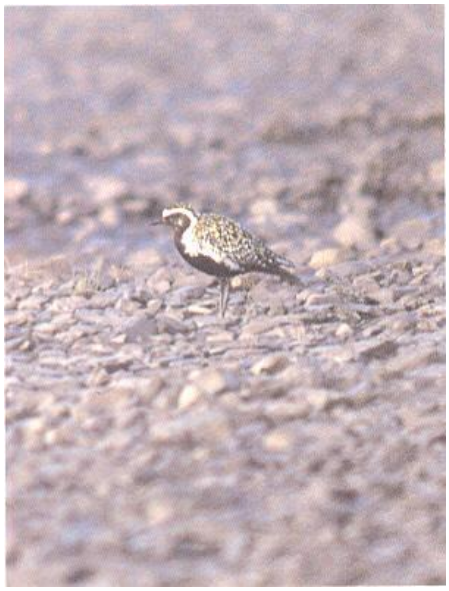
Спинки зверьков были насыщенно-рыжими, покрытые черными крапинками и с коричневато-черной полосой, которая проходила от макушки головы до нелепого короткого толстого хвостика. Все трое малышей, которые с удобством поместились бы в чайную чашку, были очаровательны, круглолицы, с яркими глазами и маленькими ножками с хорошо сделанным маникюром. Их спины были бледнее красновато-коричневого оттенка взрослых и без черных крапинок, но черная полоса от головы до короткого толстого хвоста была выражена ярче. Они сохраняли полное самообладание и, хотя взрослые и пытались кусаться при попытке поднять их, молодежь просто издавала женственные попискивания, как старые девы, которых неожиданно ущипнул викарий. На самом деле они оказались наиболее склонными к сотрудничеству существами и делали все то, что мы от них хотели. Наконец, когда мы освободили их для того, чтобы Родни мог снять несколько кадров с ними - словно бы они шли по своему проспекту - они сыграли по-настоящему плохо. Усевшись, они начали мыть свои мордочки, нюхать цветы, останавливались, чтобы перекусить ивой, пока, в конце концов, не пошли прогулочным шагом в тундру.

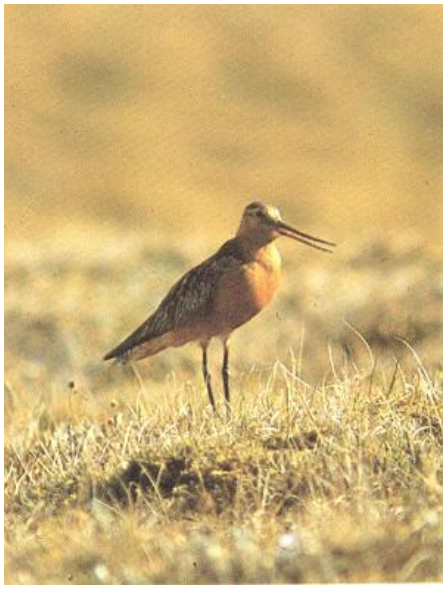
На следующий день погода прояснилась и прилетел вертолет, чтобы переправить нас на следующий и последний этап нашего путешествия – в лагерь на реке Логата, расположенном в огромном заповеднике на западном берегу озера Таймыр. Там нашей намеченной жертвой были огромные стада северного оленя, которые в это время осуществляли свою сезонную миграцию к морю. Это был удивительный полет вдоль широкого озера с одной остановкой, чтобы мы могли снять эффектный пейзаж. Некоторые части озера были все еще покрыты большими пластинами грязно-серого тающего льда, как мыльной пеной на темной воде.

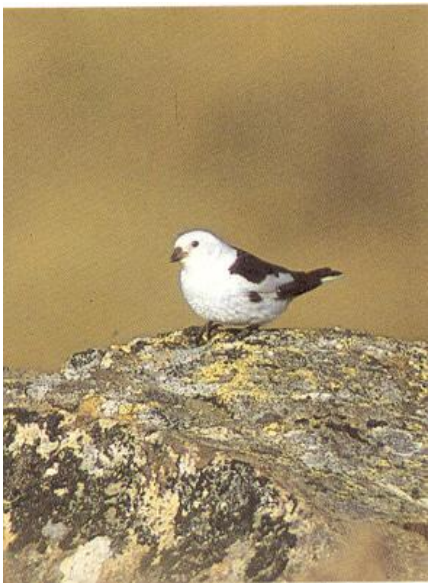
Лемминг намного более привлекательный, чем любой хомяк. Любопытно, что его не превратили в домашнего любимца.

Пейзаж сильно отличался от Бикады: больше не было мягкопологих холмов, зато были довольно высокие откосы с кое-где каменистыми осыпями, серовато-черные скалы похожие на сланец. Десятки маленьких рек сбегали, чтобы питать озеро, извиваясь по тундре как щупальца серебристого осьминога. Кругом раскинулись странные песчаные холмы, бледного желтовато-коричневого цвета и самой странной формы. В одном месте три из них, расположившиеся вдоль друг друга, выглядели изумительно похожими на верхние половинки и, испещренными жилками, хвосты трех огромных вуалехвостых золотых рыбок. Берега Таймыра были изрезаны тысячами заводями и маленькими озерцами, с которыми происходило волшебное изменение цвета. Когда мы пролетали над ними, в одно мгновение они были чисто-голубыми, в другое – они превращались в блестящие серебряные монеты, если на них падало солнце, а затем, когда мы опускались ниже, становились коричневыми. Если низко лететь над этими водами цвета хереса, можно было увидеть кости и бивни мамонтов, которые лежали в беспорядке, словно застывшие в янтаре.

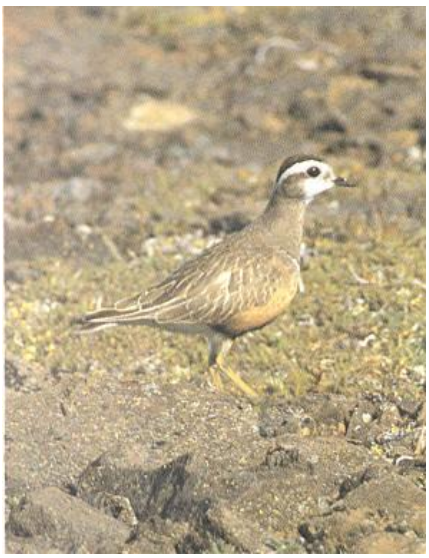
Наконец мы прибыли в лагерь и обнаружили, что каким бы отдаленным он не был, здесь использовались все возможности, чтобы нам было комфортно. Мне и Ли достался крошечный деревянный дом (с Джоном Хартли в качестве нахлебника, спящего на полу в кухне). Команда жила в палатках. Кроме того, у нас была огромная палатка, которая служила нам как кухней, так и столовой. На этой стадии нашего путешествия к нам присоединилась большая белокурая неожиданность, которую звали Наташа, с голубыми, как барвинок, глазами и ослепительной улыбкой. Как нас заверили, она была знатоком северных оленей. Наташа далеко не свободно владела английским языком и, если не понимала сказанную ей фразу, то останавливала на вас свой ярко-голубой взгляд и произносила взрывное: «ЧЕГО?» Это было так устрашающе, что казалось, если бы она проводила допрос, вам бы пришлось во всем сознаться. Она была вполне прелестна и в самом деле оказалась кладезем информации о северных оленях. Наташа поведала нам, что поведению оленей характерны миграции на север к Арктическому океану весной и летом, и возвращение с началом зимы, когда они пересекают тундру и укрываются за ее границами в лесах. В данный момент огромные стада передвигались на север. Наташа захотела, чтобы именно это перемещение мы увидели и сняли.

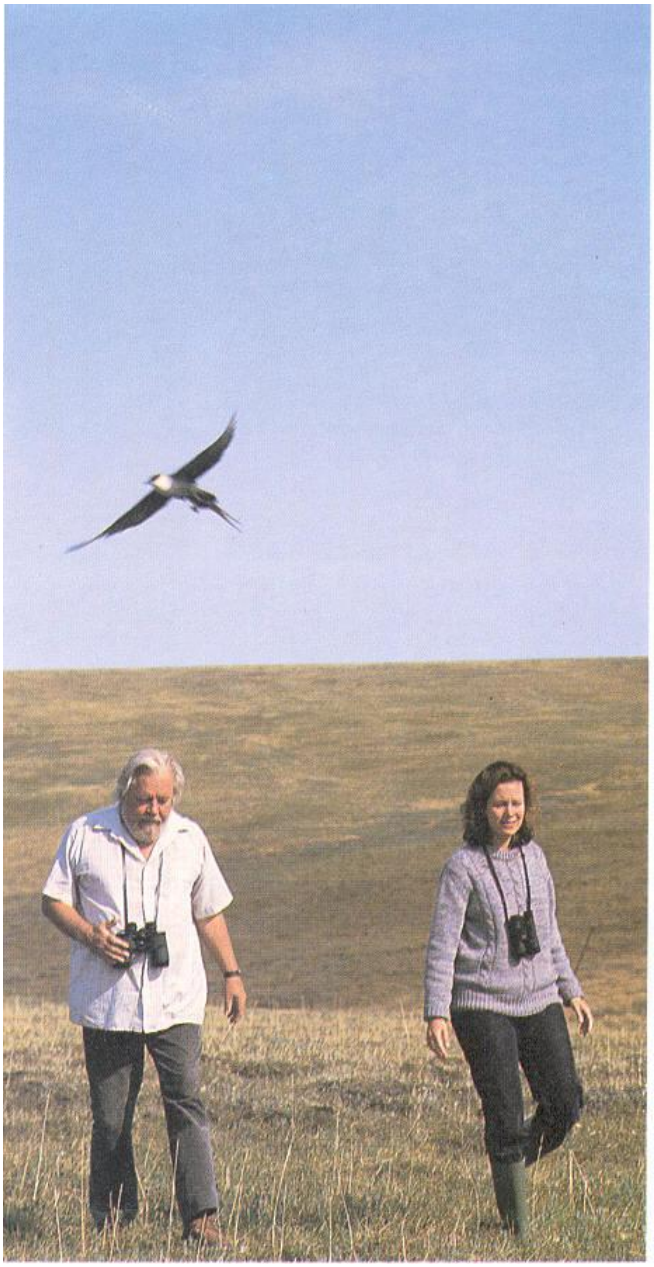






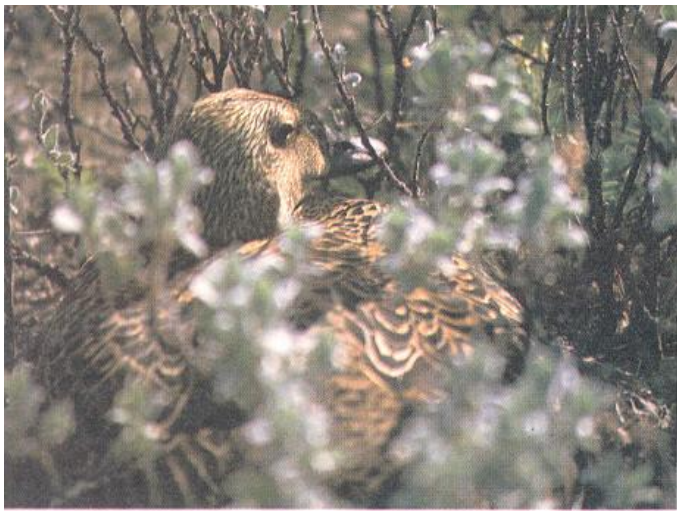
Одним из преимуществ этого места было отсутствие деревьев, поэтому можно было хорошо рассмотреть птиц, а не подвергаться танталовым мукам, надеясь увидеть их лишь мельком. Американский бекасовидный веретенник (странно названный в английском языке «чарующий») гнездился на карликовых ивах и березах, так же как и золотистая ржанка. Выведением потомства были заняты также и красивые пуночки, и тундряные куропатки, и прелестные маленькие лапландские, или шпорцевые, подорожники. Хрустан, или глупая ржанка, на скалистых берегах настолько идеально сливался с окружающей местностью, что оставался невидимым, пока не начинал двигаться.

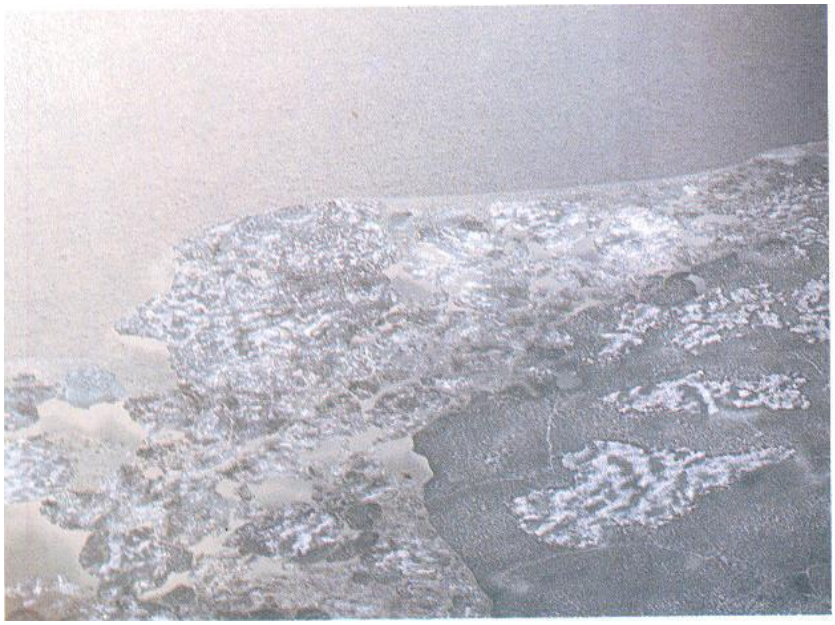




Вверху и справа: *Нет надобности говорить, что птицы возражали против нашего присутствия, как будто мы были двуногие песцы и камнем бросались на нас, как только мы подходили к их гнездам. Самыми храбрыми и агрессивными были поморники с длинными заостренными хвостами и мужественные вилохвостые чайки с черными головами.*

Ниже, внизу страницы слева и справа: *Таймыр был замечательным местом для птиц, которые во время нашего пребывания гнездились повсюду. Вокруг маленького дома, в котором мы жили, мохноногие канюки парили в поисках леммингов. Утки гаги были заняты высиживанием яиц или шумно суетились вокруг недавно выведшихся пушистых птенцов.*





Лететь над озером Таймыр было изумительно, потому что ландшафт менялся очень быстро. В одно мгновение мы видели тундру, изрезанную серебристыми реками, питающими озеро, а в следующее – она превращалась в мозаику из тающего льда, которая потом превратиться в странные «рисовые поля», созданные зимними морозами.

На следующий день мы сели в вертолет и примерно через час полета нам по пути попалось первое стадо: пятьсот или шестьсот северных оленей мчались галопом по долинам. Большинство самок сбросили свои рога, а у молодых самцов были только маленькие. Но двадцать или тридцать взрослых оленей-самцов были с массивными и красивыми рогами, похожими на огромные ветвистые зимние деревья, лишенные листьев, венчавшие их головы и раскачивающиеся туда-сюда, когда самцы проносились галопом мимо нас. Первое, что поразило меня, была разница в окраске в самих стадах. Мне всегда представлялось, что северные олени просто коричневые. Но вскоре я убедился в своей ошибке. Здесь были взрослые особи настолько темно-коричневые, что казались почти черными. Другие были бледно-желто-коричневые, третьи рыжеватые, а некоторые какого-то странного серебристого цвета, из-за которого олени, казались почти белыми. Это огромное стадо оленей, испуганное нашей близостью, галопом спустилось с холма, и умчалось на сравнительно ровное пространство, где было еще одно большое стадо, с которым оно и смешалось.

Вверху страницы: *Стада северных оленей, когда мы заметили их с вертолета, казались бледно-желтовато-коричневого цвета, и только когда мы приземлились и оказались среди них, мы увидели множество различных оттенков и смогли насладиться лесом из рогов.*
Ниже: *Полярная сова – свирепый хищник, чье оперение идеально скрывает ее от своей жертвы зимой.*

Поэтому под нами было несколько тысяч животных – движущийся ковер из цветов, а кое-где лес из оленьих рогов. Это было одно из самых впечатляющих зрелищ. Здесь было достаточно оленей на ходу, чтобы занять делом Санта Клауса на многие столетия.
Тем временем вертолет опустил нас в узкую и яркую от цветов долину, в которой обнажились на поверхности большие скалы, среди которых мы могли спрятаться. Пилот вертолета собирался осторожно подогнать стада к нам, чтобы мы смогли снять их. Долина была красивым местом: вдоль всей ее длины журчал и мерцал ручей, а на поросшем травой холме в каких-то четырехстах ярдах [63] от нас застыла полярная сова – белая, как надгробная мраморная плита, - и пристально смотрела на нас своими изумленными оранжевыми глазами. Мы скрылись среди скал, и вскоре по ту сторону холма открылось разноцветное море северных оленей. Наш пилот проделал отличную работу, направляя оленей в долину не напугав их. Спокойно они сочились мимо нас, время от времени останавливаясь, чтобы пощипать травы. Иногда олень-самец внимательно и с подозрением смотрел в нашу сторону, гордо и властно неся свои массивные рога на голове, подергивая ушами из стороны в сторону, чтобы уловить любой звук. Постепенно огромное стадо проходило мимо. И только последний величественный олень-самец остановился на фоне неба, оглянулся на нас и фыркнул, как будто насмехаясь над нами перед тем, как последовать за стадом.

С затекшими от долгого скрывания за скалами телами, мы поднялись, потянулись и ждали, пока прилетит вертолет и заберет нас – очень довольных этим последним нашим днем съемок в поле.

В тот вечер мы праздновали. Вместо нескончаемого мяса северных оленей, которым нас кормили все это время, появился гусь и – чудо из чудес в тундре – салат. Последние бутылки водки и виски были открыты и выпиты за множество тостов. После этого, к нашему удивлению и удовольствию, Наташа и все остальные сотрудники заповедника представили невероятный подарок для меня и Ли. Когда я прибыл на Таймыр, я случайно обмолвился, что хотел бы получить в качестве сувенира бивень мамонта. Это было больше шуткой, чем правдой, так как я думал, что его будет невозможно достать. Сейчас они подарили нам не просто бивень, а бивень детеныша примерно в два фута [64] длиной на одной из сторон которого с любовью было выгравировано послание, для нас двоих. Это был замечательный подарок, и мы были переполнены чувствами.

«Наташа, - сказал я, поднимая свой стакан, - это самый лучший подарок, который нам подарили в Советском Союзе, а вы самая лучшая блондинка в Советском Союзе».

«ЧЕГО-О-О?» - спросила Наташа.

Это бивень мамонта, который мы не смогли взять домой в качестве сувенира.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] – около 240 000 километров.

[2] «Перламутровый король – победитель проводимого в лондонском Ист-Энде конкурса традиционной одежды уличного торговца. Кокни – здесь: уроженцы Ист-Энда.

[3] Сэр Дэвид Аттенборо – один из самых знаменитых в мире ведущих и натуралистов. Многие его считают пионером документальных фильмов о природе. Работает на Би-би-си.

[4] Джон Нэш – английский архитектор (1752-1835), автор комплекса домов вокруг Риджентс-Парка в Лондоне.

[5] – около 60 - 90 см.

[6] «Панч и Джуди» – кукольное уличное представление; Панч – традиционный персонаж английского кукольного театра; аналог русского Петрушки.

[7] Корги – порода декоративных собак; шерсть гладкая, средней длины; окрас рыжевато-коричневый или чёрный с белыми или жёлтыми отметинами; высота 30 см; выведена в Уэльсе.

[8] – около 90 метров.

[9] – обычно снежинка имеет шесть лучей.

[10] Галлон – мера объёма, равная примерно 3,8 литров.

[11] – около 480 километров.

[12] – около полутора метров.

[13] Мария Каллас - настоящее имя Сесилия София Анна Мария Калогеропулос - великая американская оперная певица греческого происхождения. Дж. Даррелл всегда восхищался её талантом и упоминал её в своих книгах (см., например, главу вторую книги «Ай-ай и я» в переводе С.Лосева).

[14] «Атенеум» – знаменитый литературный клуб в Лондоне, клуб интеллектуалов.

[15] Около 2 м.

[16] Мисс Хэвишем – действующее лицо романа Ч. Диккенса «Большие надежды», старая дева, брошенная женихом накануне свадьбы. Свадебный пирог мисс Хэвишем стал символом напрасных ожиданий.

[17] Эдуард VII – английский король (1901-10 гг.), чьё правление, характеризовалось отходом от строгой викторианской морали.
[18] Фагин – персонаж романа Ч. Диккенса «Приключения Оливера Твиста», старый преступник.
[19] Лимерик – форма короткого юмористического стихотворения, появившегося в Великобритании, основанного на обыгрывании бессмыслицы.
[20] – около 12 метров.
[21] – около 1,2 метров в высоту и около 1,8 метров в ширину.
[22] – примерно 11130 гектаров. Сегодня площадь Аскании-Нова составляет 333,08 км2.
[23] Луи Феро (13.02.1921 - 28.12.1998) - французский модельер и художник. Его коллекции пестрят яркими и геометрическими деталями и принтами, выходя за рамки тогдашнего понимания моды. Сам Феро признавался, что его призвание – «создавать одежду, в которой женщины особенно красивы и привлекательны».
[24] – примерно 200 из 4850 гектаров.
[25] – около 50 гектаров.
[26] – около 3200 километров.
[27] – в одном галлоне примерно 3,8 литра.
[28] Снукер - разновидность бильярда. Цель игры - забить как можно больше шаров и получить как можно больше очков на свой счёт в рамках правил игры. Снукер - интеллектуальная игра, в которой опытные игроки просчитывают свои действия на несколько ходов вперёд. Отличие снукера от других видов бильярда в значительных размерах стола и более сложных правилах.
[29] – около 2,5 метров.
[30] – около 80 километров в час.
[31] – около 60 сантиметров толщиной и 90 – 120 сантиметров в диаметре.
[32] – около 1,2 – 1,5 метров в длину и 15 -20 сантиметров в поперечнике головы.

[33] – около 80 километров в час.
[34] - Даррелл ошибается. Владимир Флинт является автором предисловий, а не переводов, ко многим русским изданиям его книг.
[35] - Названия глав книги дублируют названия серий фильма. Рассказ о спасении сайги в Калмыкии в фильме был совмещен с рассказом о питомнике джейранов в Бухаре. В книге же путешествие в Калмыкскую АССР совмещено с повествованием об Астраханском заповеднике.
[36] - около 43 м. Различные источники утверждают, что высота этого минарета от 45 до 46 м.
[37] «Красные стрелы» – особая эскадрилья высшего пилотажа ВВС Великобритании.
[38] Королевские скачки в Аскоте – третье, после регаты на Темзе и выставки цветов в Челси, значимое мероприятие лондонского светского сезона. Королевский Аскот является спортивным состязанием и светским раутом примерно в равной мере. Главный модный показ Аскота – это показ женских шляпок. На протяжении скаковой недели посетительницам Королевской ложи предписывается надевать разные шляпки каждый день, а в четверг – Lady's Day – принято надевать самый экстравагантный головной убор.
[39] – около 2-3 метров.
[40] – шириной около 10 и длиной около 200 километров.
[41] – около 120 сантиметров.
[42] Местное название этого растения «кандым».
[43] - около 15-18 м.
[44] - Примерно 5 см.
[45] Ушастая круглоголовка.
[46] Песчаная круглоголовка.
[47] Около 6 м.
[48] – около 80 километров.

[49] Ассагай - метательное копье длиной около 2 м, с железным наконечником; боевое и охотничье оружие, которым пользовались многие народы Африки.
[50] – около километра.
[51] - Ширли Темпл — американская актриса, обладательница Молодёжного «Оскара» в 1934 году (самый молодой человек в истории кинематографа), наиболее известная по своим детским ролям в 1930-х годах.
[52] – около 60 сантиметров.
[53] – около 1200 километров.
[54] – менее 1600 километров.
[55]. Бикада – один из секторов Таймырского заповедника.
[56] – около 560 километров.
[57] – около 10 – 13 сантиметров.
[58] – около 60 – 90 метров.
[59] – около 6 – 8 километров.
[60] – около 1,6 километров в длину и 0,8 километра в ширину.
[61] – около 3 метров.
[62] – около 12 сантиметров.
[63] – около 365 метров.
[64] – около 60 сантиметров.
[67] – около 9 метров в высоту и 45 метров в длину.
[66] – около 3200 километров.
[67] – около 1,2 метра.
[68] Человек Мишлена – эмблема Michelin - французской компании, всемирно известного производитель шин. Символ компании - надувной человечек Бибендум, нарисованный французским художником О'Галопом в 1898 году. Внешне Бибендум как бы составлен из стопки шин разных диаметров, к которым приделаны руки.